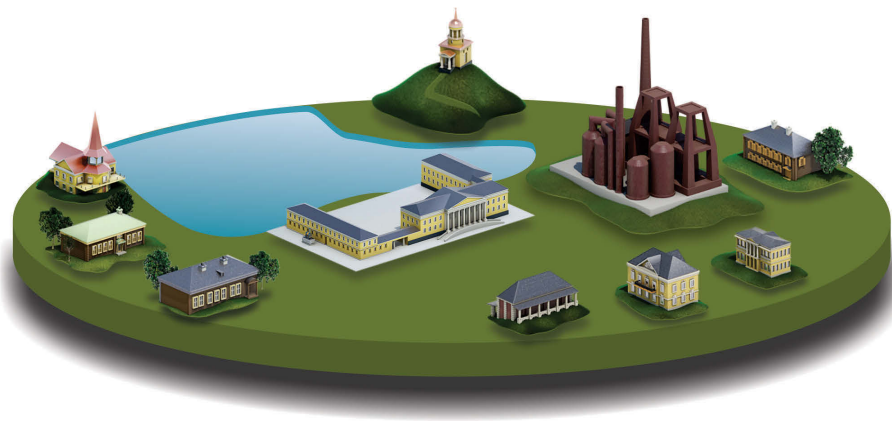

ISSN 2658-7920

ВЕСИ
№ 8,
2021
СПЕЦВЫПУСК

НИЖНЕТАГИЛЬСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ГОРНОЗАВОДСКОЙ УРАЛ»

П.П.Веденцкий. Портрет Павла Николаевича Демидова. 1841 г.

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ДЕМИДОВ – ОСНОВАТЕЛЬ НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МУЗЕЯ

Династия Демидовых оставила яркий след в российской и мировой истории. Они были не только замечательными знатоками горно-металлургического дела, экономистами и организаторами производства, но и покровителями культуры, искусства, науки. Неизгладимый след в истории России оставил и представитель пятого поколения знаменитой династии Павел Николаевич Демидов (1798–1840).

Среди прочих благодеяний, одним из важнейших стало его распоряжение об учреждении в Нижнем Тагиле Музеума естественной истории и древностей. Ныне его преемником является Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал», которому в 2021 году исполнилось 180 лет.

Идея создания в своем «горном гнезде» музеума зародилась у заводовладельца еще в середине 1830-х годов. Совету директоров Нижнетагильского заводоуправления П.Н.Демидовым была дана соответствующая инструкция о создании «Музеума искусств». Преддверием создания музея стала заводская выставка, приуроченная к приезду в заводской поселок во время общероссийского ознакомительного путешествия цесаревича Александра, будущего императора Александра II. По распоряжению П.Н.Демидова здесь были представлены «планы, чертежи и модели заводскому механизму, планы рудничные, минералогический кабинет и библиотека», а также модели различных заводских устройств, машин и печей, в том числе черепановских «золотопромышленных и раскатных». Также экспонировались работы художников В.Е.Раева и П.П.Веденецкого с видами поселков и рудников Нижнетагильского округа. Выставка начала действовать 28 мая 1837 года на Выйском медеплавильном заводе.

Непосредственное распоряжение об открытии стационарного музея Павел Николаевич отдал накануне смерти, в 1840 году. А через год Музеум естественной истории и древностей (так он стал называться) уже числился в составе действующих подразделений. Его собрание характеризовали природные богатства края. По рекомендациям П.Н.Демидова необходимо было укомплектовать две коллекции уральских минералов и руд, для этого была организована специальная экспедиция. Со временем структура музея усложнилась – в него вошли заводская библиотека, собрание планов, обсерватория метеорологических и магнитных наблюдений, исторический архив.

Сохранилась опись движимого и недвижимого имущества, принадлежавшего Павлу и Анатолию Демидовым, которая сообщает о первых экспонатах и собраниях музеума. Здесь отмечены коллекция «геогностических пород, находящихся в дачах Нижнетагильских заводов» (48 штучков), 231 единица гербариев растений, 144 чучела птиц, выстроенных по систематическому принципу (три чучела сохранились и по сей день). Из демидовских реликвий значилась «Икона Божьей матери», которой прибывших на Урал Никиту и Акинфия Демидовых благословлял архиепiscop Тобольский.

Особое место в коллекции музея-заповедника и по сей день занимают личные вещи Павла Николаевича Демидова: придворный егермейстерский мундир, треуголка, шпага и ордена. Эти раритеты стали первыми экспонатами. Первоначально после смерти заводовладельца они были отправлены в Нижний Новгород, где художник П.П.Веденецкий заканчивал начатые еще при жизни два портрета Павла Николаевича. Один из них предназначался для Нижнетагильской конторы. В январе 1841 года эти реликвии были доставлены в Нижний Тагил. Петербургская контора считала, что нижнетагильский музеум «место есть самое приличное и доступное для всякого желающего взглянуть на предметы, принадлежавшие такой благотворительной особе, как был покойный Его Превосходительство».

Павел Николаевич Демидов получил традиционное для дворянских детей воспитание. Волею судеб он жил с отцом Николаем Никитичем и обучался в знаменитом Наполеоновском лицее в Париже. Когда в 1812 году началась война с Францией, Демидовы вернулись на Родину. Николай Никитич сформировал Первый егерский полк Московского ополчения, а Павел записался туда юнкером. Так, в четырнадцатилетнем возрасте на Бородинском поле в составе «демидовского» полка он начал служение Отечеству. За отличие в сражении он был награжден чином и переведен в регулярную часть – Перновский гренадерский полк. В дальнейшем менялись рода войск, должности и места службы Павла Николаевича. Пятнадцать лет его жизни были связаны с армией. В связи с пошатнувшимся здоровьем 27 декабря 1826 года он оставил военную службу и получил внеочередной гражданский чин коллежского асессора, что, согласно табели о рангах, соответствовало званию полковника.

*Сергей Старков
(Окончание на стр. 3)*

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного
управленческого округа
Правительства
Свердловской области
(623850, Свердловская
область, г. Ирбит,
ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»
(620100,
г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артемов
д.и.н. С.В.Голикова
(Екатеринбург)
к.и.н. А.С.Еремин (Ирбит)
В.Н.Ермолаев (Тавда)
д.и.н. В.В.Запарий
к.и.н. С.А.Корепапова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
к.т.н. Я.Л.Либерман
(Екатеринбург)
Я.С.Недвига
(художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова
О.В.Птиченко

д.и.н. И.В.Побережников
д.и.н. Д.А.Редин
(Екатеринбург)
С.П.Садовников
(Москва)
Б.В.Соколов
(Екатеринбург)
С.И.Симонов
(Каменск-Уральский)
доктор культурологии
С.Г.Фатыхов (Челябинск)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.Фролова (Москва)
Е.И.Щупова
Ю.В.Яценко
(Екатеринбург)

Корректор номера
Дмитрий Андреев

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ: АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:

Учреждение культуры
«Банк культурной
информации»

620100, г. Екатеринбург,
п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу
1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в
журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и
со ссылкой на журнал «Веси».

Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной
почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные
для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах
журнала без дополнительного согласования с автором.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале
на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются
на правах рекламы.

На обложке: .
Выпущено в свет 07.10.2021 г.

Отпечатан в ОАО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Тираж 2500 экз.

Цена свободная.

12+

Б

ВЕСИ

№ 8 (176) 2021
октябрь

СПЕЦВЫПУСК

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

К 300-летию Российской академии наук
К 300-летию Нижнего Тагила
К 180-летию Нижнетагильского музея-заповедника "Горнозаводской Урал"

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Старков	Музейная история
Павел Николаевич Демидов – основатель Нижнетагильского музея	4
Татьяна Смирнова	Музейная история
Горнозаводской музеум	6
Альфия Фахретденова	Музейная история
Александр Словцов – директор Нижнетагильского музея	13
Оксана Грошева	Музейная история
Четыре музейных года Эмили Шориной	18
Валентина Дацкевич, Владимир Кашин	Музейная история
Ссылный библиотекарь в Нижнем Тагиле: XX век	23
Татьяна Гуськова, Ольга Халеева	Музейная история
С рюкзаком и гербарной папкой	30
Нина Чудинова	Музейная история
Пауль Рикерт	33
Ольга Халеева	Музейная история
Офицер. Педагог. Музейщик	36
Ольга Халеева	Экспонаты
Рудные раритеты	41
Дарья Симонова	Экспонаты
Записная книжка ученицы и похороны заводчика	45
Светлана Перевозкина	Экспонаты
Индийская драма на тагильском подносе	50
Елена Казакова	Экспонаты
Бег с ящиками для патронов: кто достиг фениша?	53
Анна Беззубец	Экспонаты
Бокал как спортивный трофей	58
Ольга Бастрикова, Мария Габдрахманова	Экспонаты
Знамя победителя	60

По вопросам подписки обращаться в филиалы Урал-Пресс.
Журнал «ВЕСИ» в каталоге Урал-Пресс 2021 для всех регионов России под № ВН099788
Контакты филиалов Урал-Пресс
на сайте <http://www.ural-press.ru/>
Зарубежным подписчикам обращаться в филиал Урал-Пресс
в Москве:
+7(495)961-23-62 общий или Отдел Оптовых продаж.

Журнал удостоен медалей

Российской
Генеалогической
Федерации «За вклад
в развитие генеалогии
и прочих специальных
исторических
дисциплин»
2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии
естественных наук
«Звезда успеха»

Союза старателей
России «Заслуженный
старатель России»

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

World Federation
of UNESCO clubs,
centers and associations

РБА

Издается под патронатом Все-
мирной федерации ассоциаций, цен-
тров и клубов ЮНЕСКО, Федерального
агентства по делам Содружества Не-
зависимых Государств, соотечествен-
ников, проживающих за рубежом, и
по международному гуманитарному
сотрудничеству, Российской библи-
отечной ассоциации и Российского
представительства ТИССИН.

Международный
Комитет по
Сохранению
Индустриального
Наследия.
Российское
представительство.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

президент Российской
библиотечной ассоциации, директор
Государственной публичной
исторической библиотеки России
Михаил Дмитриевич АФАНАСЬЕВ

заместитель генерального директора
Российской национальной библиотеки
Владимир Руфинович ФИРСОВ

член Исполнительного
совета Всемирной Федерации АИЖ ЮНЕСКО,
казначей Европейской
федерации АИЖ ЮНЕСКО
Юлия Александровна АВЕРИНА

член Федеративного совета
Союза журналистов России,
главный редактор «Областной газеты»
Дмитрий Павлович ПОЛЯНИН

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ДЕМИДОВ – ОСНОВАТЕЛЬ НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МУЗЕЯ

Сергей СТАРКОВ

Заведующий историческим
отделом Нижнетагильского
музея-заповедника
«Горнозаводской Урал»

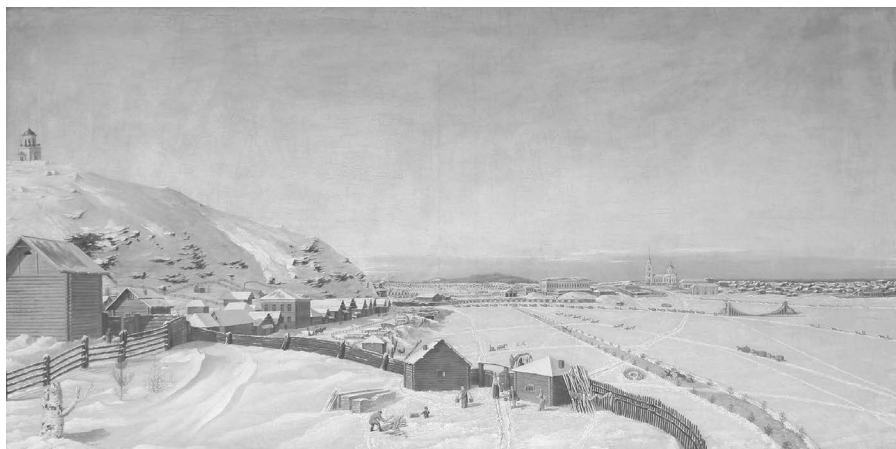
(Окончание. Начало на стр. 1)

После смерти отца Павлу Николаевичу пришлось взять на себя ответственность за ведение всего демидовского хозяйства. Он достаточно быстро вошел в курс дел. П.Н.Демидов продолжил отправку заводских специалистов за границу – при нем обучение и стажировку проходили известные тагильские изобретатели Ф.И.Швецов, М.Е.Черепанов, П.П.Мокеев и другие талантливые служащие. Поддержал он и постройку в Нижнем Тагиле первой в России железной дороги с паровой тягой для созданного в 1834 году Е.А. и М.Е. Черепановыми первого российского паровоза. Уделял внимание социальным вопросам – увольняемые по старости служащие получали пожизненную пенсию в половину их жалования.

Семейной традицией Демидовых была щедрая благотворительность, и Павел Николаевич был ей верен. Он считал «священнейшим долгом посвящать всю жизнь свою на пользу любезнейшего Отечества».

В 1830 году П.Н.Демидов выступил с инициативой, которая снискала ему уважение и призна-

тельность просвещенной общественности России. В прошении на императорское имя он писал: «Желаю я по самую кончину дней моих ежегодно жертвовать в Министерство народного просвещения сумму двадцать пять тысяч рублей ассигнациями для вознаграждения из оной пяти тысячами рублей каждого, кто в течение года обогатит российскую словесность каковым-либо новым сочинением, достойным отличного уважения по мнению гг. членов Санктпетербургской Академии наук. Таковыми же суммами награждать за подобные сочинения в особенности по части медицины, хирургии и изящности». Было составлено Положение о Демидовских премиях. Кроме того, Павел Николаевич обязался вносить в Академию пять тысяч рублей на публикации трудов достойных премии авторов, но неизданных, вследствие чего не имевших возможности ее получить. Также заводовладелец обязывал своих наследников финансировать Демидовские премии после его смерти еще двадцать пять лет, что и было в дальнейшем исполнено. Первое присуждение этой престижнейшей

П.П.Веденецкий. «Нижний Тагил зимой». 1837 г.

премии состоялось 17 апреля 1832 года. И именно в этот день вплоть до 1865 года проходило награждение. Ее получили многие выдающиеся ученые, среди которых были Д.И.Менделеев, И.Ф.Круzenshtern, Н.И.Пирогов, Б.С.Якоби и другие. Премии подняли престиж научных исследований в обществе, ими поощрялись молодые таланты. Многие ученые получили эту награду в возрасте до тридцати пяти лет. Демидовской премией было удостоено 275 научных трудов. Готовность Павла Николаевича жертвовать большие суммы на развитие науки способствовала избранию его почетным членом Петербургской Академии наук, Российской академии, Московского и Харьковского университетов, Вольного экономического общества. Ему был пожалован чин статского советника, П.Н.Демидов был назначен на должность курского гражданского губернатора. Здесь он также оставил о себе добрую память. Демидов заботился о благоустройстве и украшении города, пожертвовал двадцать тысяч рублей на помощь бедным, во время эпидемии холеры построил на свои средства четыре больницы. Прославился он и как страстный борец с взятками, однако, делал это весьма экзотическим способом. Чиновникам заводоуправленцев платил большие деньги, чтобы те не брали взятки. Сумма премии равнялась доходу, который, по мнению Павла Николаевича, могло бы принести мошенничество. К сожалению, в это время он тяжело болел ревматизмом суставов, поэтому обратился к императору с прошением об отставке, вернулся в Петербург, где был пожалован в должность «егермейстера Высочайшего двора».

П.Н.Демидов нередко проявлял патриотические чувства. Во время русско-турецкой войны он предоставил 25 тысяч пудов чугунных снарядов, изготовленных в Нижнетагильском округе. В 1829 году пожертвовал 500 тысяч рублей, которые были капитализированы, на помощь вдовам и сиротам участников войны с Турцией. Также он оказывал «вспомоществование» при сооружении памятника в Тобольске покорителю Сибири Ермаку Тимофеевичу. Вместе с братом Анатолием Павел Николаевич принял участие в строительстве Николаевской детской больницы в Санкт-Петербурге, внес средства в размере 100 тысяч рублей. Материальную помощь он оказывал во время зарубежных поездок – пожертвовал немалые деньги монастырю святой Елизаветы в Линце (Австрия), театру Комеди Франсез, бедным людям Парижа и Берлина, Парижскому Всемирному статистическому обществу. Во Флоренции он передал крупные суммы в пользу дома трудолюбия для детей-сирот, а также на работы по завершению строительства фасадов базилики Санта-Кроче и собора Санта Мария дель Фьоре.

Павел Николаевич Демидов умер в марте 1840 года. Первоначально тело заводоуправленца было погребено в Александро-Невской лавре. В 1875 г. его сын, Павел Павлович Демидов, принял решение перезахоронить в родовой усыпальнице Демидовых, Выйско-Никольской церкви в Нижнем Тагиле, тела отца и своей первой жены Марии Елимовны, урож-

Икона «Корсунская Богородица».

Конец XVII – начало XVIII вв.

денной княжны Мещерской, скончавшейся в 1868 г. и похороненной первоначально в Вене. Гроб с телом П.Н.Демидова был перевезен на Урал через Москву и Нижний Новгород поездом, затем по Волге и Каме до Перми, оттуда по Каме и Чусовой до Ослянской пристани и далее по дорогам до Нижнетагильского завода. Здесь в августе 1875 года было погребено тело Павла Николаевича Демидова. Сюда же через год после захоронения было доставлено и монументальное «Распятие» работы французского скульптора Джеймса Прадье, памятник на могилу П.Н.Демидова, первоначально находившийся в Александро-Невской лавре. В 1928 году оно было передано в возрожденный тагильский музей.

Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал» бережно хранит память о своем основателе. В экспозиции филиала Историко-краеведческого музея представлен портрет П.Н.Демидова работы П.П.Веденцкого и документы, повествующие о его деятельности. Экспонаты, рассказывающие о Павле Николаевиче Демидове, имеются и в других филиалах. Материалы о жизни и деятельности основателя музея включены в обзорные и тематические экскурсии.

ГОРНОЗАВОДСКОЙ МУЗЕУМ

Татьяна СМЕРНОВА

Научный сотрудник НТМЗ
«Горнозаводской Урал»

Каждый музей рожден своим временем. И вопреки устоявшемуся мнению, музей не является застывшим и статичным учреждением: меняется эпоха – меняется и музей. На протяжении своей 180-летней истории Нижнетагильский музей не раз менял свои названия, здания, экспозиции...

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ МУЗЕЙ

Одним из самых интересных периодов можно назвать Горнозаводской музеум Нижнетагильских и Луньевских заводов наследников П.П.Демидова, который был создан в 1891 г. в результате слияния коллекций демидовского Музеума естественной истории и древностей, основанного в 1841 г. П.Н.Демидовым, и музея при Выйском заводе (Выставки местных изделий) [1].

Как мы видим, музейная жизнь в Нижнетагильском поселке в конце XIX в. была достаточно активной – в нем существовали даже два музея: частный «Музеум естественной истории» и при Выйском заводе. Увы, о них известно не так уж много, поэтому обратимся к архивным источникам.

6 июля 1891 г. Правление Нижнетагильских и Луньевских заводов постановило:

«1) Все коллекции и разные вещи, находящиеся в Выйском музеуме, передать по описи, счету и весом, Нижнетагильской заводской конторе.

2) Приступить ныне же к перевозке всех коллекций и вещей из Выйского музеума во вновь устроенные помещения для Горнозаводского музеума и начать систе-

матический установ коллекций и вещей.

3) Новое помещение именовать: Горнозаводской музеум Нижнетагильских и Луньевских заводов.

4) Горнозаводской музеум находится в ведении Нижнетагильской конторы под непосредственным наблюдением и распоряжением управителя завода».

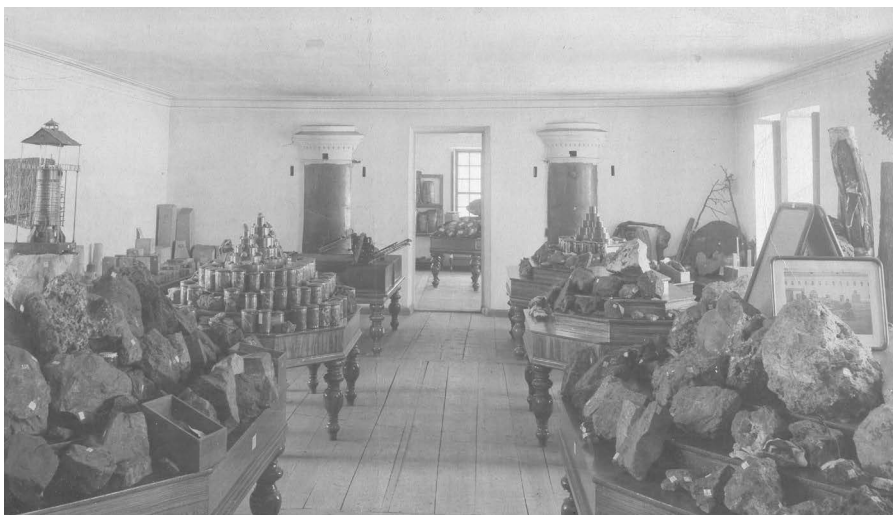
Вновь образованный музей стал общедоступным, открытым для широкой публики и служил, в основном, целям образования и повышения квалификации заводских служащих, то есть имел ярко выраженный горнозаводской характер. Это отразилось в комплектовании его коллекций, когда приоритет отдавался не столько естественнонаучным коллекциям, сколько материалам горнозаводского производства. Все заводские конторы получили предписание Правления «немедленно по получении» поставить в музей «замечательные образцы окончательных и черновых произведений металлургических продуктов, вновь открытых руд, строительных, формовочных и огнеупорных материалов» [2]. Образцы промышленной продукции Нижнетагильских заводов и изделия мастеров XIX – начала XX вв., демонстрировавшиеся на всемирных и всероссийских промышленных выставках, также передавались в Горнозаводской музеум. И благодаря этому в настоящее время посетители могут увидеть уникальные тагильские рекламные изделия в экспозиции Историко-краеведческого музея.

В «Каталоге» музеума за 1906 г. перечислены 598 экспонатов, хранящихся в четырех отделах: «Железо», «Медь», «Разные вещи» и «Коллекции». Протокол 1906 г. по

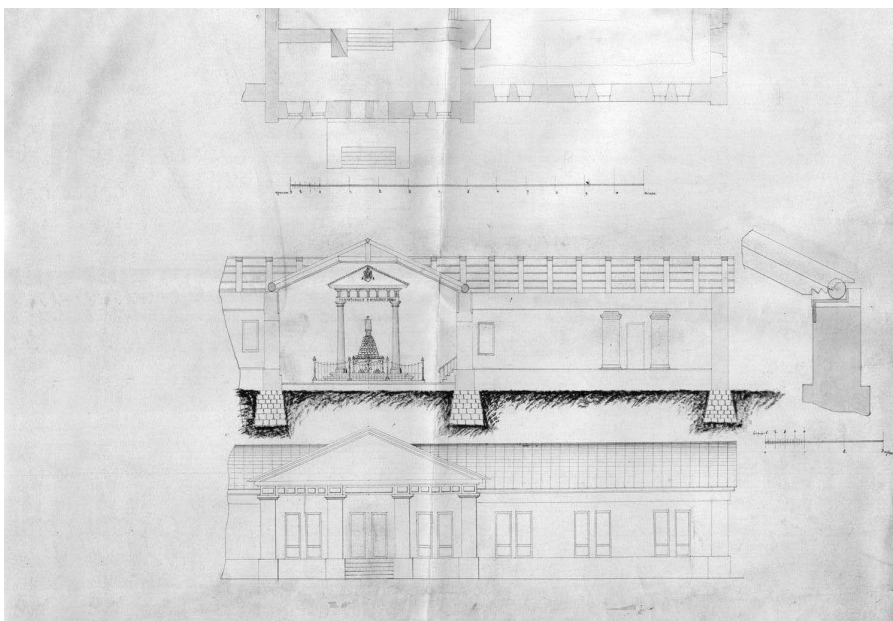
оценке предметов Горнозаводского музея был составлен оценочной комиссией. Среди экспонатов указаны «простые» и «сложные полированные узлы» разного диаметра, выполненные из мартеновской стали, и «пробы на изгиб» металлических образцов, концы которых загнуты: «правый... в холодном, а левый в горячем состоянии», самовары «кованные из листа в холодном состоянии», стол из первой, отысканной в России меди, и медная (минералогическая) горка, представляющая спуск в шахту и различные руды медных рудников [3]. В описи отдела «Коллекции» перечислены многочисленные образцы малахита Меднорудянского рудника (среди них – весом 27 пудов 37 фунтов (457 кг 430 г.) и единственный образец мрамора [4]. Посетивший Горнозаводский музей в 1899 г. Д.И.Менделеев писал: «Из рельс навязаны узлы и наплетены чуть не кружева – без следов трещин, толстые в несколько дюймов листы железа согнуты не в два, а в четыре и более раз – как мягкая салфетка, и также нигде следа трещин» [5]. В отделе «Разные вещи» «были собраны портреты Демидовых», помещенные сюда после пожара в «главном господском доме», где в I половине XIX в. была представлена фамильная портретная галерея владельцев заводов. В этом же отделе экспонировались «изобретения тагильских мастеровых, в том числе первый в России паровоз, изобретенный мастером Черепановым и возивший руду с медного рудника на Выйский завод» [6]. Действующая модель паровоза механиков Е.А. и М.Е. Черепановых была изготовлена ими для Третьей национальной Санкт-Петербургской промышленной выставки 1839 г., но по неизвестным причинам она на выставку не попала. В настоящее время модель хранится в петербургском музее Института инженеров железнодорожного транспорта, куда она была отправлена вскоре после того, как петербургский инженер Р.Р.Тонков составил на основе чертежа модели схему-реконструкцию паровоза и опубликовал эту схему в «Горном

Экспозиция Горнозаводского музеума. 1890-е гг.

Экспозиция Горнозаводского музеум. 1890-е гг.

Фрагмент чертежа «Проект музея в здании, построенном для богадельни близ Выйско-Никольской церкви».

Сибирско-Уральская Научно-Промышленная выставка. 1887 г.

журнале» за 1902 год [7]. Там же демонстрировались макеты невянской домны, заводской плотины, доменной печи К.К.Фрелиха с отъемным горном [8].

В Горнозаводском музее началось формирование уникальной коллекции фотографий. Среди них имелось восемь снимков Салдинских заводов, переданных в музей в 1893 г. тагильчанкой Степановой [9].

Своего рода филиалом Горнозаводского музея стал в этот период нижний храм Выйско-Никольской церкви во имя святых Николая, Павла и Анатолия – фамильной усыпальницы Демидовых, где в «особых витринах» демонстрировались их семейные реликвии [10].

Характеристику Горнозаводского музея оставил Ф.П.Доброхотов, автор известного путеводителя «Урал Северный, Средний, Южный» (1917 г.). Он назвал его «достопримечательностью завода» и оценил тагильский музей как «один из самых благоустроенных и содержательных на Урале», который «наглядно знакомил с рудными и ископаемыми богатствами Тагильского заводского округа, с выделяемыми продуктами, с постановкой горного и промыслового дела» [11].

Подробное описание Выйского заводского музея представлено в очерке Д.Н.Мамина-Сибиряка

«Платина»: «Выйский заводский музей, как учреждение в своем роде единственное, по крайней мере, ничего подобного на других заводах не полагается. Музеем заведует молодой горный инженер г. Теленков, который с любезной готовностью и проводил меня в хранилище заводских продуктов и редкостей. Сначала музей составлялся из таких именно редкостей, потом в него вошли выставочные экспонаты, какими тагильские заводы поражают выставочную публику. Экспоненты заводчики выработали уже известный шаблон таких экспонатов: тут и железные крендели в несколько пудов весом, и до бессовестности перекрученное железо, и много другой железной, медной, стальной и чугунной оказии. Собственно для публики, не посвященной в горнозаводскую технику, главный интерес представляют коллекции постепенной выработки главных заводских продуктов, как чугун, железо, сталь и медь. Для специалистов интересно просмотреть сорта железа, выделяемые Тагильскими заводами – их счетом больше 2000, но и это количество далеко еще не выражает требуемого для рынка разнообразия. ...

– Музей скоро переводится в другое помещение, – объяснял г. Теленков. Там уже будет все приведено в окончательный порядок,

и многие отделы пополнятся. Меня лично больше всего интересовала коллекция сопутствующих платине пород, которая занимает отдельное место.

...Затем очень интересна коллекция тагильских медных руд и в том числе малахитов.

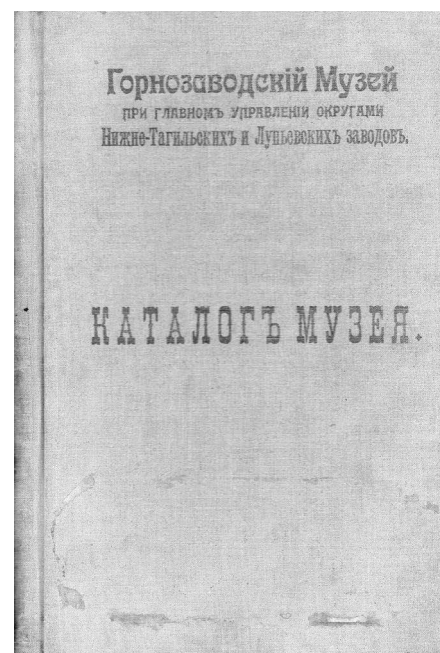
...Выйский музей находится при Выйском медноплавильном заводе» [12].

В БЫВШЕЙ БОГАДЕЛЬНЕ

Долгое время считалось, что музей в начале 1890-х гг. находился в здании Авроринского приюта.

Заведующий музеем Теленков говорил Д.Н.Мамину-Сибиряку о переводе музея в другое, более приспособленное для него помещение. Речь шла о перестроенном специально под музей здании бывшей богадельни.

На чертеже II половины XIX в. «Проект музея в здании, построенном для богадельни близ Выйско-Никольской церкви» [13] показан главный фасад и правое крыло каменного одноэтажного здания на невысоком цоколе с рядом прямоугольных окон, скомпонованных попарно, крыша здания простой крестообразной формы. Ризалит центрального входа в здание украшен четырьмя пилястрами дорического ордера и портиком с треу-

Обложка каталога Горнозаводского музея. 1906 г.

гольным фронтоном. Центральный вход здания представлен двумя одинаковыми прямоугольными проемами с одинаковыми дверями прямоугольной формы. В здание ведет спускающаяся вперед широкая лестница из пяти ступеней. Также на чертеже представлены разрез по центральной оси с детально прорисованным павильоном Нижнетагильских заводов и бутовым фундаментом, а также план здания с нанесенным на него планом павильона с ограждением. Отдельно на чертеже обозначен элемент соединения конструкции крыши и стены, где показано, что стропила крепятся к мауэрлату [14] (круглого сечения), а он закреплен по периметру здания к стенам. Вероятно, здание было построено в форме каре, с внутренним двором.

Судя по данному чертежу, в музее находился павильон Нижнетагильских и Луньевских заводов, который был представлен на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге в 1887 г. – самой крупной выставке на Урале [15].

В ГАСО хранятся документы, по которым можно подробно проследить, как перестраивалось под музей здание бывшей богадельни. Перед подъездом были установлены две колонны с шестью

железными фонарями на тумбах, двадцать четыре ставня покрашены белой краской, перила на двух железных внутренних лестницах были выкрашены под бронзу [16]. Те же документы повествуют об отдельных эпизодах создания музея в здании бывшей богадельни, например, о сборке павильона и транспортировке экспонатов [17].

Но вышеназванные чертеж и документы свидетельствуют о том, что музей находился в здании бывшей богадельни, перестроенном специально под музей, рядом с Авроринским приютом.

ИВАН ИЛИ ПЕТР?

Должность смотрителя Горнозаводского музея была учреждена согласно специальному постановлению Главного управления Демидовских заводов в 1891 г. Но в литературе и документах имеются данные о том, что в 1880-х гг. при Выйском заводе уже существовала должность смотрителя музея. Это была весьма ответственная и почетная должность. В обязанности смотрителя входило: наблюдать за чистотой и порядком; следить за хранением всех коллекций и предметов в музее, вести их подробную опись; давать объяснение посетителям по всем коллекциям и предметам; вести и хранить книгу для записи посетителей [18].

В архивных документах фигурируют несколько фамилий смотрителей и Выйского, и Горнозаводского музеев. Документ от 6 июля 1891 г. гласит, что с 1 июля текущего года смотрителем Горнозаводского музея назначен Григорий Иванович Грибсков с жалованьем по 15 руб. в месяц при готовой квартире с отоплением. В год жалованье смотрителя составляло 180 руб. [19]. Но в архивных документах сохранились сведения о назначении «отставного служащего» Григория Иванова Грибскова 24 июня 1891 г. на вакантное место смотрителя музея при Выйском заводе. Но уже на той же странице того же документа 5 июля 1891 г. сообщается, что записчику работ по вспомогательным цехам Вый-

ского завода Г.Щербакову за исполнение обязанности смотрителя музея выдавалось добавочное жалованье 7 руб. в месяц. Видимо, сначала планировали назначить Грибскова смотрителем музея при Выйском заводе, но практически сразу решение изменили: назначили его смотрителем Горнозаводского музея, а служащий Щербаков исполнял обязанности смотрителя музея Выйского завода. Но уже в июле 1891 г. был создан Горнозаводской музей в результате слияния коллекций демидовского музея естественной истории и древностей и музея при Выйском заводе [20].

В 1897 г. смотрительницей Нижнетагильского Горнозаводского музея стала вдова полковника Надежда Павловна Кокулевская, но ненадолго. В 1899 г. место смотрительницы уже было свободно [21].

В художественной и специальной литературе и сохранившихся надписях к фотографиям из коллекции Нижнетагильского музея-заповедника имелись разночтения – первый директор Горнозаводского музея Нижнетагильских и Луньевских заводов с фамилией «Теленков» и отчеством «Иванович» именуется то «Иван», то «Петр». Причем менялось и наименование должности Теленкова – иногда его называли не директором, а смотрителем Горнозаводского музея [22], а иногда – заведующим Выйского заводского музея [23].

Теленковы Иван Иванович и Петр Иванович – реально существовавшие люди, «тагильцы», служащие Нижнетагильских заводов, родные братья из семьи известных купцов и золотопромышленников. Их отец – Теленков Иван Афанасьевич (1825–18??), верхотурский купец 2-й гильдии, из крепостных Демидовых, приписанных к Нижнетагильским заводам, в 50–60-е гг. XIX в. владел мельницей, производившей продукции на 35 тыс. руб. в год. Иван Афанасьевич был членом приходского совета при Троицко-Николаевской единоверческой церкви Нижнетагильского завода в 1878–1882 гг. [24].

№ п/п по инв.	Наименование вещей	Число	ВЕСЬ	Стоимость
			Вс. Ф. Руб. К.	
	Открытка			
	Желтый:			
1.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
2.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
3.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
4.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
5.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
6.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
7.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
8.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
9.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
10.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
11.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
12.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
13.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
14.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
15.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
16.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
17.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
18.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
19.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
20.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
21.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		
22.	Изображение (кар. 6-8 см. рисун.)	1.		

Записи в каталоге
Горнозаводского музея. 1906 г.

Иван Иванович Теленков.

Звучала эта фамилия и в каталоге «Чиновники царской России (1880–1917 гг.) на фотографиях в Нижнетагильском музее-заповеднике» (автор И.Б.Короткова) [25].

Впервые вопрос о несоответствии данных – путанице, связанной с именем первого директора (или смотрителя) Горнозаводского музея, был поставлен в статье О.В.Халяевой и Д.М.Симоновой «Братья Теленковы – служащие Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых» [26].

Д.Н.Мамин-Сибиряк так описывает внешность Петра Ивановича: «Это был худощавый белокурый господин, невозмутимый как англичанин» [27].

В коллекции фотографий Нижнетагильского музея-заповедника имеется не менее семи подлинных изображений Ивана и Петра Теленковых. Все снимки, где в аннотации указан Иван Иванович, изображают мужчину со светлыми волосами в сюртуке, в то время как на тех, где в аннотации назван Петр Иванович, изображен мужчина в мундире горного ведомства.

О.В.Халяева и Д.М.Симонова впервые выдвинули предположение, что именно Иван Иванович, в 1885 г. работавший помощником смотрителя Выйского завода, и, возможно, в рамках этой должности и «опекавший» музей при Выйском заводе, в 1891 г. после объединения музеев – демидов-

ского и Выйского – в Горнозаводской музей – стал официальным его смотрителем. И что именно он изображен в мундире горного ведомства на фото, представленном в экспозиции Историко-краеведческого музея. А Петр Иванович – худощавый и белокурый блондин, работал на платиновых приисках, и именно его фото помещено в знаменитый юбилейный фотоальбом Жонес-Спонвиля, который подарил музею французский искусствовед Морис Борюш в 1996 г. Факт включения П.И.Теленкова в юбилейный альбом является, несомненно, высокой оценкой его труда.

Иван Иванович Теленков, будущий горный инженер и служащий Нижнетагильского завода, во время учебы в Горном институте в Петербурге был стипендиатом П.П.Демидова, князя Сан-Донато. После окончания Горного института по первому разряду в 1883 г. Теленков был «зачислен по Главному горному управлению с откомандированием на Нижнетагильские заводы П.П.Демидова». Эти сведения подтверждаются документом «Список лиц, окончивших курс в Горном Институте с 1773 по 1923 г.» [28].

На Нижнетагильских заводах И.И.Теленков служил помощником управителя Выйского завода (1888–1889 гг.), смотрителем Выйского завода (1890–1894 гг.), преподавателем начертательной геометрии и черчения Нижнетагильского реального училища (1890–1893 гг.), имел чин титулярного советника (1890 г.), коллежского асессора (1889(?), 1893), следовательно, имел личное дворянство. Иван Иванович был членом Нижнетагильского Отделения Совета Екатеринбургского Епархиального Училища (1892–1893 гг.). После 1894 г. сведений об И.И.Теленкове в документах по Нижнетагильским заводам пока не обнаружено.

И.И.Теленков активно участвовал в деятельности Нижнетагильского заводского театра, был распорядителем (1888 г.) и членом дирекции (1889–1890 гг.) любительского Нижнетагильского заводского театра, участвовал в

Петр Иванович Теленков.

1888 г. в спектакле «Шалость» [29]. Иван Иванович и его сестра Фекла (урожденная Теленкова, по мужу – Телегина) увлекались игрой на фортепьяно. Фекла Ивановна окончила Анатольевское женское училище. Сохранился комплекс материалов Ивана Ивановича Теленкова, который дает представление об этом интересном человеке – кроме фотографий имеется немецко-русский словарь технических терминов с экслибрисом Теленкова, нототека Теленковых, карта медных рудников с печатью Теленковых.

Петр Иванович Теленков окончил Нижнетагильское реальное училище, служил старшим смотрителем платиновых приисков Демидовых (1894–1907 гг.), в том числе, служил на Авроринском платиновом прииске, был управителем Висимо-Шайтанского завода (1894–1896 гг.), мещанин (с 1895 г.), по надписям на сохранившихся фотографиях был первым директором Горнозаводского музея, открытого в 1891 г. [30]

Однако, по свидетельствам Д.Н.Мамина-Сибиряка и В.Е.Грум-Гржимайло, можно предположить, что именно Иван Иванович, который в 1890 г. знакомил Д.Н.Мамина-Сибиряка с музеем и имел высшее горное образование, и был назначен в 1891 г. смотрителем Горнозаводского музея. Первым смотрителем

Горнозаводского музеума назван Иван Иванович Теленков и в замечательном труде С.В.Ганьжи «Имена в истории Нижнетагильского горнозаводского округа XVII–XVIII вв.» [31], биографический справочник. Ганьжа сообщает сведения о братьях Теленковых, ссылаясь на сведения из произведений В.Е.Грум-Гржимайло [32] и Д.Н.Мамина-Сибиряка [33].

Проанализировав все возможные источники, собрав все обнаруженные на нынешний момент сведения, проведя визуальный анализ фотографий братьев Теленковых, хранящихся в фондах Нижнетагильского музея-заповедника, можно сделать следующий вывод: изображенный на фотографиях мужчина в горном мундире с академическим знаком Горного института – Иван Иванович Теленков, окончивший Горный институт. Диплом Горного института давал безусловное право на ношение такого мундира и на ношение академического знака. Только наличие мундира не может быть основой для изменения атрибуции снимков, т.к. определенная категория служащих имела право носить горный мундир соответственно занимаемой должности, не имея диплома об окончании Горного института [34]. Но на сохранившейся фотографии на мундире просматривается академический знак Горного института. Таким образом, вывод однозначен – в горном мундире с академическим знаком Горного института изображен выпускник Петербургского Горного института Иван Иванович Теленков. В 1885 г. он служил помощником смотрителя Выйского завода и был смотрителем музея при Выйском заводе, с 1891 г. он стал смотрителем Горнозаводского музеума.

К сожалению, в период кризиса 1908 г. музей был закрыт «в связи с отсутствием финансирования». Управляющий Нижнетагильского горнозаводского округа Н.А.Спижарный распорядился «перенести часть коллекций в здание главной заводской конторы», а другую разместить «по разным местам». Культурная традиция, формировавшаяся на протяжении

более чем шестидесяти лет, была прервана. Значительная часть богатейших музейных коллекций была утрачена безвозвратно.

Рассказ об этом периоде истории музея можно завершить пожеланием автора известного путеводителя Ф.П.Доброхотова: «...чтобы Тагильский музей вновь возродился и по-прежнему был доступен для публики». [35] И это пожелание исполнилось, но уже после Октябрьской революции.

Примечания:

1. Решение Правления Нижнетагильских и Луньевских заводов о передаче коллекций и экспонатов Выйского музеума в Горнозаводской музеум // Дело о перенесении во вновь устроенное помещение и передача его в ведение Нижнетагильской конторы. – Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 643. Оп. 1. Д. 2225. Л. 2.
2. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2225. Л. 2 об. – 3.
3. Горнозаводский Музей при Главном Управлении Округами Нижнетагильских и Луньевских заводов. Каталог Музея. С 1-го мая 1906 г. / Научный архив НТМЗ «Горнозаводской Урал». Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 об., 17 об. – 20.
4. Горнозаводский Музей при Главном Управлении Округами Нижнетагильских и Луньевских заводов. Каталог Музея. С 1-го мая 1906 г. / Научный архив НТМЗ «Горнозаводской Урал». Ф. 7. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 об., 17 об. – 20.
5. Уральская железная промышленность в 1899 г., по отчетам о поездке, совершенной с высочайшего соизволения: С.Вуколовым, К.Егоровым, П.Земятченским и Д.Менделеевым, по поручению г-на министра финансов, статс-секретаря С.Ю.Витте / ред. Д.Менделеев. – Санкт-Петербург: издание Министерства финансов по департаменту торговли и мануфактур, 1900. – С. 413.
6. Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный: справочная книга / сост. Ф.П.Доброхотов с участием В.А.Весновского, В.С.Зыбина, предисл. Ф.А.Иванова, К.Носилова. Петроград: Издание Б.А.Суворина, 1917. – С. 448.
7. Тонков Р.Р. К истории паровых машин в России. / Горный журнал, 1902, т. II, кн. V. – С. 168–186; таблица 2 «Сухопутный пароход Черепанова».
8. Нижнетагильский металлургический завод XVIII–XX века [Текст] / Ю.С.Комратов, И.Г.Семенов, С.В.Устьянцев, С.И.Хлопотов. – Екатеринбург: Издательство СВ, 1996. – С. 184. Малеева Л.П. Заводы Нижнетагильского горнозаводского округа на промышленных выставках. [Текст]: статья / Л.П.Малеева // Музей горнозаводского дела. – Екатеринбург: Баско, 1995. – С. 157.
9. Малеева Л.П. От «Музеума естественной истории и древностей» до краеведческого музея. / Музей горнозаводского дела. – Екатеринбург: Баско, 1995. – С. 23.

10. Клат С.А. От «Музеума естественной истории» до Нижнетагильского краеведческого. / Хранители исторического наследия. Статьи и воспоминания сотрудников Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал». – Екатеринбург, 2013. – С. 11.

11. Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный: справочная книга / сост. Ф.П.Доброхотов с участием В.А.Весновского, В.С.Зыбина, предисл. Ф.А.Иванова, К.Носилова. Петроград: Издание Б.А.Суворина, 1917. – С. 447–448.

12. Мамин-Сибиряк Д.Н. Платина. / Статьи и очерки. ОГИЗ. Свердловск. 1947. С. 336–337.

13. ГАСО. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2977.

14. Мауэрлат (от нем. Maueг – «стена» и нем. Latte – «брус», «перекладина») – элемент кровельной системы здания. Представляет собой брус или бревно, уложенное сверху по периметру наружной стены. Служит крайней нижней опорой для стропил. Традиционно изготавливается из дерева, однако, при строительстве металлического кровельного каркаса может применяться швеллер, двутавр и др. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мауэрлат>

15. Проект музея в здании, построенном для богадельни близ Выйско-Никольской церкви. / ГАСО. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2977.

16. Перестройка здания Выйской богадельни на заводской музей. / ГАСО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 236. Лл. 46 об., 61 об.

17. Перестройка здания Выйской богадельни на заводской музей. / ГАСО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 236. Лл. 46 об., 61 об., 121 об., 143; Главная книга по заготовлению материалов, разных припасов и изделий. 1890–1891 гг. / ГАСО. Ф. 625. Оп. 1. Д. 238. Лл. 39 об. – 40.

18. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2225. Л. 3.

19. Дело о перенесении во вновь устроенное помещение и передача его в ведение Нижнетагильской конторы. / ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2225. Лл. 1, 2.

20. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 2225. Л. 2.

21. Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1897 год. Пермь, 1897. – С. 142; Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899. – С. 109.

22. Хроника. От музеума естественной истории и древностей до проекта «Демидов парка». Нижний Тагил/ Сост. С.А.Клат, Л.В.Волженина. Нижний Тагил: Нижнетагильский музей-заповедник горнозаводского дела Среднего Урала, 2001. – С. 3.

23. Мамин-Сибиряк Д.Н. Платина. / Статьи и очерки. ОГИЗ. Свердловск. 1947. – С. 336–337.

24. ГАСО. Ф. 643. Оп. 2. Д. 422. Л. 5; Постановление Пермской Духовной Конси-стории от 24–27 июля 1878 г. из журнала «Пермские епархиальные ведомости» № 33 за 1878 г.; Заблочкий Е.М. Горное ведомство дореволюционной России: Очерк истории: Биографический словарь. М.: Новый хронограф, 2014.

25. Короткова И.Б. Опыт создания каталога «Чиновники царской России (1880–1917 гг.) на фотографиях» в Нижнетагильском музее-заповеднике // Материалы VII научно-практической конференции «Российский научно-технический музей:

проблемы и перспективы». Т. 2. – Н.Тагил, 2000. – С. 87.

26. Симонова Д.М., Халяева О.В. Братья Теленковы – служащие Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых (к вопросу об атрибуции фотографий служащих горного ведомства) // Седьмые Всероссийские научные чтения памяти ильменского минералога В.О.Полякова. Миасс: ИМин УрО РАН, 2006. – С. 151–161.

27. Д.Н.Мамин-Сибиряк. Статьи и очерки. Авроринский прииск. Свердловск. 1947. – С. 362–364.

28. Горный журнал. 1923. № 11. – С. 755.

29. Афиша спектакля «Шалость» (комедия в трех действиях) В.Александрова (Крылова). Нижний Тагил. 21 августа 1888 г. – Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал». ТМ-3109, ПИ-186; Т.В.Смирнова (Компилова). Нижнетагильский заводской театр и его актеры во второй половине XIX – начале XX вв. // Тагильский краевед. 1997. № 16. – С. 107, 132, 133.

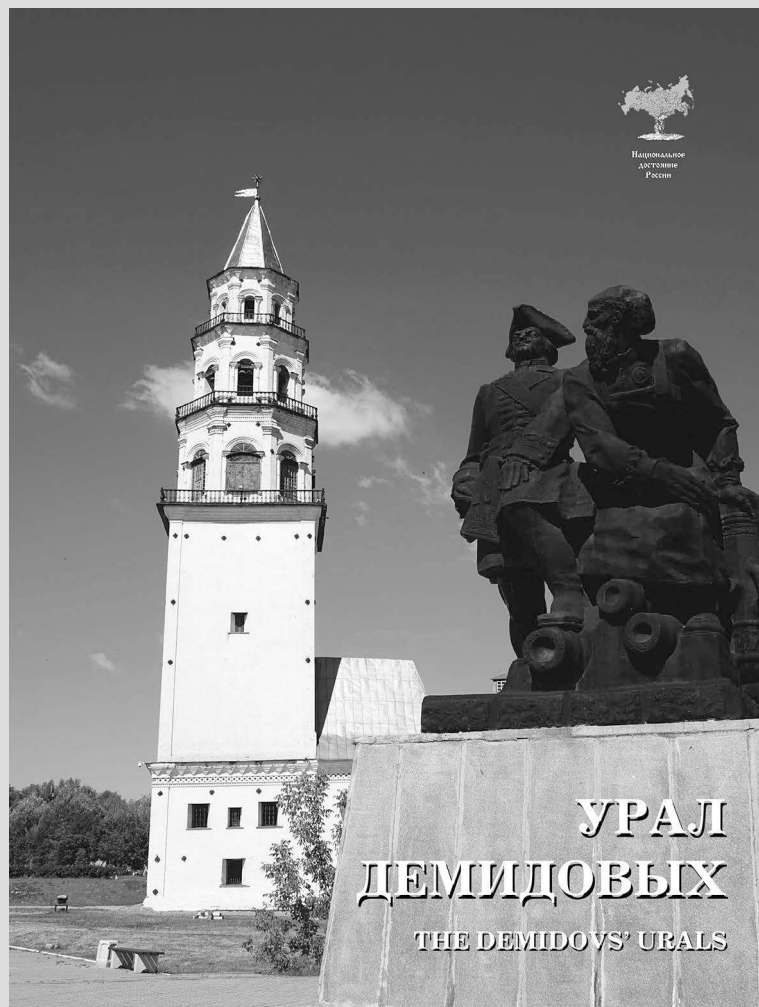
30. Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1894 год. Пермь, 1893. – С. 119.; Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1895 год. Пермь, 1895. – С. 175; Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1896 год. Пермь, 1895. – С. 135; Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1897 год. Пермь, 1897. – С. 142; Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899. – С. 113; Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1900 год. Пермь, 1900. – С. 212; Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1901 год. Пермь, 1901. – С. 208–209; Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1902 г. Пермь, 1902. – С. 103–104, 108; Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1903 год. Пермь, 1903. – С. 111; Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1904 год. Пермь, 1904. – С. 132; Адрес-Календарь и Памятная книжка Пермской губернии на 1907 год. Пермь, 1907. – С. 251; Адрес-Календарь. Справочная книжка Пермской губернии 1909 г. Пермь, 1908; Адрес-Календарь. Справочная книжка Пермской губернии 1910 г. Пермь, 1909; Ганьжа С.В. Имена в истории Нижнетагильского горнозаводского округа, конец XVII–XIX вв. // Фонд редкой книги Нижнетагильского музея-заповедника. Машинопись. – С. 185; Мамин-Сибиряк Д.Н. Статьи и очерки. Свердловск. 1947. – С. 362 – 364.

31. Ганьжа С.В. Имена в истории Нижнетагильского горнозаводского округа, конец XVII–XIX в. // Биографический словарь. Нижний Тагил, 1995. – С. 166.

32. Грум-Гржимайло В.Е. Хочу быть полезным родине. ИПШ «Уральский рабочий». Екатеринбург. 1996.

33. Мамин-Сибиряк Д.Н. Платина. // Статьи и очерки. ОГИЗ. Свердловск. 1947. – С. 332–405.

34. Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный: справочная книга / сост. Ф.П.Доброхотов с участием В.А.Весновского, В.С.Зыбина, предисл. Ф.А.Иванова, К.Носилова. Петроград: Издание Б.А.Суворина, 1917. – С. 447–448.

СЕРИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ»

Демидовы...

Сегодня это явление известно во всём мире. Оно охватывает почти все сферы человеческой деятельности: промышленность и искусство, науку и образование, архитектуру и медицину, собирательство и меценатство...

Есть начальная точка – человек, с которого всё начиналось. И есть целый ряд обстоятельств, условий, причин, которые стали необходимыми ступенями, кирпичиками в создании всемирно известного явления под названием «Демидовы».

За 300-летнюю историю написано немало книг и исследований об этом многочисленном роде. И нет нужды ещё раз обращаться к биографиям представителей этой фамилии. Гораздо интереснее окунуться в те обстоятельства, которые позволили зазвучать на весь мир этой фамилии и сделали явление «Демидовы» уникальным и значимым.

В этом томе авторы сосредоточили своё внимание именно на тех ценностях, которые прочно связывают Урал и Демидовых. Читатель познакомится с негласной столицей так называемой «железной империи Демидовых» – Невьянском и его уникальным архитектурным памятником – наклонной башней; Нижним Тагилом с единственным сохранившимся в мире заводом, как технологическим памятником; а также с Кыштымом с его уникальной усадьбой, называемой в народе Белым домом. В следующих запланированных к празднованию 300-летия РАН томах («Россия Демидовых» и «Европа Демидовых») будут представлены исторические документы и рассмотрены причины столь блистательного успеха Демидовых и оставленных ими непреходящих ценностей на территории России и в Европе.

АЛЕКСАНДР СЛОВЦОВ – ДИРЕКТОР НИЖНЕТАГИЛЬСКОГО МУЗЕЯ

**Альфия
ФАХРЕТДЕНОВА**

**Руководитель
научно-методического центра
НТМЗ «Горнозаводской Урал»**

Жизнь музея во все времена в значительной степени определяли люди – уникальные специалисты, удивительно яркие и очень разные по интересам и характерам личности. Их объединяли увлеченность своим делом и творческое отношение к нему, верность музею. Эта статья посвящена А.Н.Словцову (1885–1944), с которым связано становление музейного и краеведческого дела в 1920–1930-е годы в Нижнем Тагиле и в Тагильском округе.

ИЗ СЕМИНАРИСТОВ В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

Александр родился 28 июня 1885 года в Невьянске, в семье священника. Казалось бы, как было принято в царской России, ему тоже была уготована богословская стезя. Но бурное начало XX века обозначило другую дорогу. Окончив Екатеринбургское духовное училище, поступил в Пермскую духовную семинарию. Но в 1901 году был исключен из 7-го класса без права поступления в семинарию за участие в «бунте» против инспектора П.С.Пышицкого и, особенно, за участие в кружке самообразования.

С 1901 по 1906 год он жил в Невьянске, на средства отца, прирабатывая частными уроками и написанием статей в газеты «Уральская жизнь» и «Уральский край». Некоторые статьи и заметки имели краеведческий характер, как, например, статья о Невьянской башне к 200-летию Невьянска. В этот период Александр принимал участие в организации социал-демократических кружков среди рабочих Невьянского завода. По его оценке, Не-

вьянская организация, которой он руководил, не приобрела в то время определенной окраски, ни большевистской, ни меньшевистской вследствие того, что «тогда еще плохо разбирались в вопросах политики»[1].

Весной 1906 года он сдал экзамен на аттестат зрелости в Екатеринбургской мужской гимназии и осенью того же года поступил учиться в Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет, в группу астрономов. В период учебы в университете и работы в обсерватории и по теоретической астрономии (1906–1913 гг.) он отошел от партийной работы, не теряя, однако, связи с социал-демократами и выполняя иногда их мелкие поручения (хранение литературы и пр.). По окончании университета он вернулся на Урал и 20 сентября 1913 года поступил нештатным преподавателем математики и физики в Нижнетагильское реальное училище, так как окончил университет по специальности «астрономия» и не имел в своем дипломе всех предметов, установленных Министерством просвещения, которые давали право преподавания в средних учебных заведениях. Экзамены по этим предметам он сдал уже перед революцией дополнительно в Казанском университете, и только тогда получил право штатного преподавателя. С 1916 года он стал по совместительству преподавать и в Нижнетагильском горнозаводском училище. В своей автобиографии, написанной в 1930 году, он говорил: «В феврале 1917 года перед революцией вошел в состав местной социал-демократической организации (меньшевиков), был делегатом Первой и Второй областной конференций, был членом областного бюро социал-демокра-

**Первые работники Нижнетагильского краеведческого музея:
О.А.Кротова, Т.К.Боташева, А.Н.Словцов. 1920-е гг.**

тов меньшевиков. 22 января 1918 года выступая по поводу годовщины кровавого воскресенья, заявил о своем выходе из партии меньшевиков ... Во время колчаковщины я воздержался от вступления снова в организацию меньшевиков. Отход белых с Урала застал меня в Сибири, где я в силу необходимости остался вплоть до крушения армии Колчака. Возвратясь в Тагил 10 апреля 1920 года, я вступил в исполнение обязанности инструктора школ повышенного типа при Тагильском УОНО. С этой должности ушел 1 сентября 1920 года, когда возобновилась работа Тагильского горнозаводского училища, переименованного в техникум. В 1920–1921 годах мне пришлось посидеть в концентрационном лагере, куда я был направлен как бывший меньшевик. Освобожден 1 октября 1922 года». А здесь мы позволим некоторые уточнения на основе источников из Государственного архива административных органов Свердловской области. 29 ноября 1920 года в концлагерь № 2 (который был расположен в Нижнем Тагиле на территории Скорбященского монастыря) прибыли трое заключенных. Коменданту поступила бумага: «Препровождая при сем три копии постановлений Особотдела ВЧК I Армии о заключении граждан Ветлугина Михаила, Китина Александра, Словцова Александра в концентрационный лагерь сроком на 1 год, просим привести к вышеуказанным граж-

данам исполнение постановления особотдела[2]...» Далее источники сообщают, что наиболее грамотные из заключенных использовались на должностях в хозяйственной и административной части. В деле имеется подобный приказ коменданта лагеря от 14 февраля 1921 года, в котором указано, что до 28 декабря 1920 года Словцов Александр Николаевич являлся контролером административной части, а Ветлугин Михаил Николаевич – помощником делопроизводителя. (М.Н.Ветлугин – житель Нижнего Тагила, в 1917 году был присяжным поверенным, комиссаром Временного правительства по южной части Верхотурского уезда. В 1937 году – расстрелян. – Прим. автора). Чуть позднее в лагере стало практиковаться трудоустройство заключенных за пределами лагеря по заявкам учреждений и организаций, в том числе и с проживанием в общежитиях при этих учреждениях, если таковые обеспечат охрану заключенных. Таким образом, Ветлугин М.Н. и Словцов А.Н. оказались востребованы отделом народного образования и приказом от 29 декабря 1920 года поступили в распоряжение отдела Народного образования[3], более того, с проживанием в общежитии Наробраза. В ответ на некоторые возражения по этому поводу от коменданта начальник отдела народного образования пишет: «В здании реального училища, где ныне помещается тифозный барак, ...находятся фи-

зический и естественный кабинет реального училища, фундаментальная и ученическая библиотеки, рисовальный класс и прочее имущество высокой ценности. Все это было поручено проверить особой комиссией, в состав которой были включены школьные работники Словцов и Ветлугин, знакомые в прошлом с наличностью имущества бывшего реального училища. Приостановить работу комиссии не представляется возможным. Поэтому Уотнаобраз просит товарища коменданта концентрационного лагеря № 2 разрешать и впредь заключенным Ветлугину и Словцову являться на работу в воскресенье и в праздничные дни»[4].

МУЗЕЙНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Тем временем, в начале 1920-х годов активизировалось краеведческое движение. Результатом его деятельности стало открытие Нижнетагильского музея краеведения в марте 1924 года. Поскольку в Нижнем Тагиле до революции работал Горнозаводской музей, то любителей истории края было немало, но музей был закрыт в 1908 году в связи с экономическим кризисом. И вот в 1922 году группа энтузиастов во главе с доктором Ляпустиным предприняла попытку открыть в Нижнем Тагиле филиал Уральского общества любителей естествознания. Однако, не получив на свои многочисленные запросы в Екатеринбург ответа, они не смогли зарегистрировать свой филиал в административном отделе Нижнетагильского горсовета. Тогда в 1923 году краеведы пишут Устав и регистрируют самостоятельное Тагильское общество изучения местного края (ТОИМК). С открытием музея центр краеведческого движения сместился в музей, однако следует говорить о тесном и плодотворном сотрудничестве ТОИМК и краеведческого музея. Как отмечал А.Н.Словцов в докладе «Об организации низовой краеведческой сети» на расширенном пленуме Уральского бюро краеведения в 1928 году «методом проб и ошибок была создана стройная система

краеведческой работы в городах, поселках, деревнях, заводах и школах». Этот опыт был не только признан, но и рекомендовано было «взять его за образец».

Когда благодаря усилиям активистов Тагильского общества изучения местного края (ТОИМК) в марте 1924 года музей был открыт, в нем насчитывалось чуть более тысячи экспонатов. А.Н.Словцов был назначен директором в 1923 году, ему было 38 лет. Рядом не было ни одного профессионального музейщика. Учился музейному делу Александр Николаевич, общаясь со столичными специалистами из Третьяковской галереи, музея имени А.С.Пушкина, Государственного исторического музея, коллегами из Перми и Екатеринбурга. В 1924 году в музее было всего пять научных сотрудников с широким функционалом. А.Н.Словцов совмещал должность директора и заведующего художественным отделом музея и преподавал в горно-металлургическом техникуме математику. В 1925 и 1926 годах впервые тагильские художники профессионалы и любители приняли участие в художественных выставках в Перми.

Значительным событием культурной жизни Нижнего Тагила стала Городская художественная выставка. Она открылась в феврале 1927 года по инициативе А.Н.Словцова, и была одобрена решением Президиума Тагильского горсовета от 9 декабря 1926 года[5]. В состав жюри выставки вошли представители Горно – Якубовский, А.А.Шкляева, А.С.Бородин, художник Нейнерт, от музея – В.Чудовский и А.Словцов, художники Анисимов и Г.Форшев. Не сохранился каталог выставки, но общее представление о составе участников и их работах дают протоколы заседания жюри, которое вело отбор для выставки работ. Интересен тот факт, что на выставке были представлены пять работ самого А.Н.Словцова[6].

Следующий интересный факт. 18 ноября 1928 года Александр Николаевич Словцов проводит первое собрание инициативной группы кружка любителей искусства[7], после которого собравшиеся за-

полнили анкеты. И мы узнаем, что среди них есть профессиональные художники Вера Николаевна Топоркова, учительница рисования из Верхней Салды, выпускница Казанской художественной школы; Григорий Иванович Форшев, учитель из Нижнего Тагила, выпускник Екатеринбургского художественного училища и Уральского государственного художественно-промышленного института, Владимир Иванович Шишев, учитель художественной школы из Алапаевска, выпускник Казанской художественной школы и Екатеринбургского художественно-промышленного училища, Александр Николаевич Кравченко, учитель из деревни Захаровка. Здесь же есть анкета и самого Александра Николаевича, из которой мы узнаем, что он учился искусству на двухнедельных курсах в школе Штиглица[8] и около трех лет на вечерних курсах Академии художеств в Санкт-Петербурге. Нужно отметить, что тесное сотрудничество музея с художниками – это характерная черта Нижнетагильского краеведческого музея во все времена, а начало этому было положено именно в 1920-е годы Александром Николаевичем.

Главным направлением деятельности Тагильского музея и ТОИМКа в этот период времени было комплектование коллекций. И этим занимались все сотрудники музея. Александр Николаевич сосредоточил свое внимание на коллекции изобразительных источников. Так в 1925 году музейные собрания дополнили десять тысяч экспонатов и около шести тысяч книг. В 1928 году Словцов пишет краткий обзор художественной коллекции русской и западноевропейской живописи и, исходя из него, определяет не только общие направления комплектования, но и называет имена художников, чьи работы необходимы музею для ведения образовательной работы среди строителей Нового Тагила. Говоря современным музейным языком, это – план комплектования коллекции. Это письмо, направленное в Главнауку [9] дало неплохой результат. В ноябре 1926 года в коллекции «ИЗО»

в музее было на учете 170 картин и 16 скульптур. А в отчете по состоянию на сентябрь 1928 года написано о поступлении в музей 820 единиц хранения. Лишь в 1935 году художественный отдел берет в свои руки скульптор Эмилия Шорина, которая, продолжая начатые Словцовым дела, развернула работу кружка самодеятельных художников, объединила немногочисленные профессиональные художественные силы вокруг музея, организовала несколько выставок работ местных художников и фотографов и первую выставку детского рисунка в марте 1937 года.

Последовательно пополняя собрание, Александр Николаевич организует работу по реставрации картин: производится фотофиксация экспонатов, составляются дефектные ведомости. Речь не только о знаменитой «Мадонне с младенцем» Рафаэля де Санти (1609 г.), которую реставрировал И.Э.Грабарь. Специалисты из Русского музея занимались портретами Демидовых, живописными полотнами Худояровых, Веденецкого и др.

Роль музейного руководителя определяется умением не только видеть перспективы, но и организовывать их реализацию, подбирая под задачи нужных специалистов. А.Н.Словцов был профессиональным музейным мечтателем. Осуществление большей части его интересных идей пришлось на значительно более позднее время. У него была мечта создать в музейном объединении картинную галерею. В 1944 году она была открыта усилиями московских и ленинградских художников, эвакуированных во время войны на Урал. В 1927 году он говорил о необходимости сохранения уникальной Невьянской домны и музеефикации завода – в 1980-е годы был организован завод-музей, правда, не в Невьянске, как предлагал А.Н.Словцов в записке в Главнауку, а в Нижнем Тагиле. А вот превращение Нижнетагильского музея в центр музейной сети округа и организация краеведческой работы среди населения начало осуществляться уже в 1926 году, когда по признанию III Уральской конференции Тагильский музей сумел создать

Сотрудники музея:
А.Н.Словцов, О.А.Кротова,
Т.К.Боташева.

активно действующие краеведческие общества в четырнадцати из шестнадцати волостей Тагильского округа.

В архиве музея обнаружен интересный документ, написанный рукой А.Н.Словцова и датированный 1930-м годом, – «Смета на содержание музея в окружном центре и объяснительная записка к смете» [10]. В этом документе – концепция развития музейной сети Нижнетагильского округа. Проявив осведомленность в проектах развития города, Александр Николаевич вовремя и правильно ставил задачи сбалансированного с промышленным ростом города и округа развития музейной сети в округе. Он предлагал построить новое здание краеведческого музея с отделами природы, труда и истории общества, с публичной краеведческой библиотекой, открыть новые музеи в ответ на вызовы общества: истории революции, живой природы, Дом науки и т.д. В документе обоснование каждого из новых объектов и описание путей реализации, расчеты экспозиционных и служебных площадей, новое штатное расписание. Это же научная концепция музея и бизнес-план! Но тогда ни в музейной практике, ни в музейном словаре этих слов не было.

В 1930 году были не только достижения и творческие успехи, открытия и свершения, но это время изобиловало разрушениями и трагедиями. В автобиографии 1930 года, написанной в несколько ироничной форме о себе как бы подводя итоги своей работы, он пишет: «Что пришлось делать по организации – руководству музеем, по краеведческому обществу – все мелочи... «Мировых» открытий приписывают мне два: одно – соучастие в открытии «Мадонны» Рафаэля, другое – установление факта, что каменные орудия труда в Зауралье существовали одновременно с железными». И далее: «В других злодействах неповинен, да и в этих – заслуги не вижу» – в этой фразе настроение человека, уставшего защищаться от нападок. Автобиография А.Словцова написана им 8 мая 1930 года, а 5 августа 1930 г. был официально закрыт по распоряжению НКВД ТОИМК [11], после чего краеведческое движение ослабло. Результатом деятельности ТОИМКа с 1923 года по 1930-й стало создание сети краеведческих обществ и музеев в Верхотурье, Новой Ляле, Нижней Салде, Кушве, Алапаевске, организация экспедиционных исследований различного рода, издание краеведческой литературы, развитие экскурсионно-туристической деятельности.

И хотя директором А.Н.Словцов был всего 12 лет, он заложил профессиональную основу деятельности музея, задал вектор его развития, на долгие годы определил его успешную работу по основным направлениям деятельности: комплектованию коллекций, выставочной и просветительской работе. Он создал маленький, но очень работоспособный коллектив профессионально мыслящих людей. В составе коллекции в 1930 году уже было 14 700 музейных предметов, а в 1924 году, когда музей только открылся, их было чуть более тысячи. Этот маленький коллектив под его руководством создал большую выставку достижений Нижнего Тагила за 10 лет после революции 1917 года, которую высоко оценил А.В.Луначарский. Размах научных интересов самого Словцова поражает. Его инте-

ресовала археология, история, живопись и графика, музейное и издательское дело, при этом он был великолепным педагогом. Он организует археологические исследования края, привлекая ведущих ученых из Государственного исторического музея, он занимается изданием краеведческих сборников. Но кульминацией его профессиональной музейной и краеведческой работы является борьба за сохранение архитектурных памятников города. 15 марта 1930 года Нижнетагильский горсовет принял решение о закрытии Входа-Иерусалимского собора, с которым музей связывал перспективу открытия выставок художественной коллекции. Словцов не согласился с этим решением и стал писать письма в защиту собора в разные инстанции: советские, партийные органы, в Главнауку. И здесь он сумел показать свой профессионализм, смелость, гражданскую зрелость, но и нажил немало врагов, особенно защищая от разрушений культовые учреждения. В последнем случае сразу вспоминали, что А.Словцов – сын священника, а значит «проводник религиозных идей».

Провинциальные музеи в 1920-е годы редко издавали какие-либо научные сборники. Словцов выходит с инициативой издать книгу о Нижнем Тагиле, но это не удается, хотя все статьи были подготовлены, но издаются тематические сборники статей по революционному движению, истории края и археологическим экспедициям. Его статьи, научные и научно-популярные, отличались четкой логикой, богатым содержанием и хорошим стилем изложения. Первые его публикации пришлось на начало XX века. В 1912 году «Известия Санкт-Петербургского университета» публикуют его первую научную статью «Вычисление орбиты кометы», в 1920-е годы он сотрудничает с издательством Уралпрофобра и печатает математические таблицы, создает учебник «Курс дифференциальных исчислений».

В 1932 году его увольняют с должности директора музея и приказом № 45 от 6 сентября 1932 года «по договоренности с

гороно и тов. Поздняковым [12], А.Н.Словцов остается в музее в качестве заведующего научной частью»[13]. Тогда же он начинает преподавать в педагогическом институте в Нижнем Тагиле. Следующий приказ о нем появляется в 1933 году, № 19 от 21 июля, в нем написано: «Согласно заявления А.Н.Словцова от 15 июля 1933 года, что он ввиду значительной загрузки по основной работе в горно-металлургическом техникуме в качестве педагога нести совместительство не может, то согласно заявления увольняется с 1 сентября с работы в музее»[14].

А.Н.СЛОВЦОВ – ПЕДАГОГ

Педагогической работой он занимался почти всю жизнь: был преподавателем математики в реальном училище в дореволюционный период, в советское время преподавал в горно-металлургическом техникуме и педагогическом институте. Каким он был педагогом? В архиве музея сохранились два отзыва. Вот один из них. «Работая преподавателем математики в Нижнетагильском пединституте, т. Словцов был образцовым работником порученной дисциплины. На урок являлся подготовленным и урок строил диалектически правильно, увязывая с новейшими достижениями науки и техники. За время работы Словцова в пединституте с 1932 по октябрь 1934 года никакого антисоветского настроения не проявлял и агитацией не занимался. Тов. Словцов для пединститута является ценным работником, и его отсутствие резко сказывается на работе пединститута. Староста А.Белоусов. Студенты 9 человек, подписи»[15]. Понятно, что это письмо написано для судебных органов. Но оно осталось в архиве музея. Вероятно, оно просто не понадобилось. Началось следствие первоначально по уголовному делу «О хищении...», которое превратилось в политическое. Сначала были арестованы сотрудники музея Т.К.Ботышева, М.А.Зылева, О.А.Кротова и ее брат А.А.Кротов, а 2 октября 1934 года был арестован А.Н.Словцов. Его и подчиненных

обвинили в «неверии в индустриализацию и коллективизацию». Суд вменил руководителю музея действия, подрывающие устои социалистического строя, и, рассказывая об этом, трудно не процитировать приговор от 6 января 1935 года: «Экспонаты в антирелигиозном отделе подобраны так, что их показ не только затушевывает религиозный дурман, защиту церковью эксплуатации и обирание монастырями рабочих, но даже мобилизует на сохранение религии. Таким показом были мощи Семеона Верхотурского, которые были помещены в отдельной комнате, убранной под миниатюрную церковь с иконостасами, лампадами и другими церковными принадлежностями... В беседах с сотрудниками на политические темы Словцов, критикуя действия партии и Советской власти, основной упор направлял на отдельные трудности социалистического строительства...» Таким образом суд приговорил Александра Николаевича Словцова к 8-ми годам лишения свободы по статье 58 (ПП. 10 и 11) Уголовного кодекса РСФСР. Четверо других обвиняемых получили от двух до пяти лет исправительных лагерей.

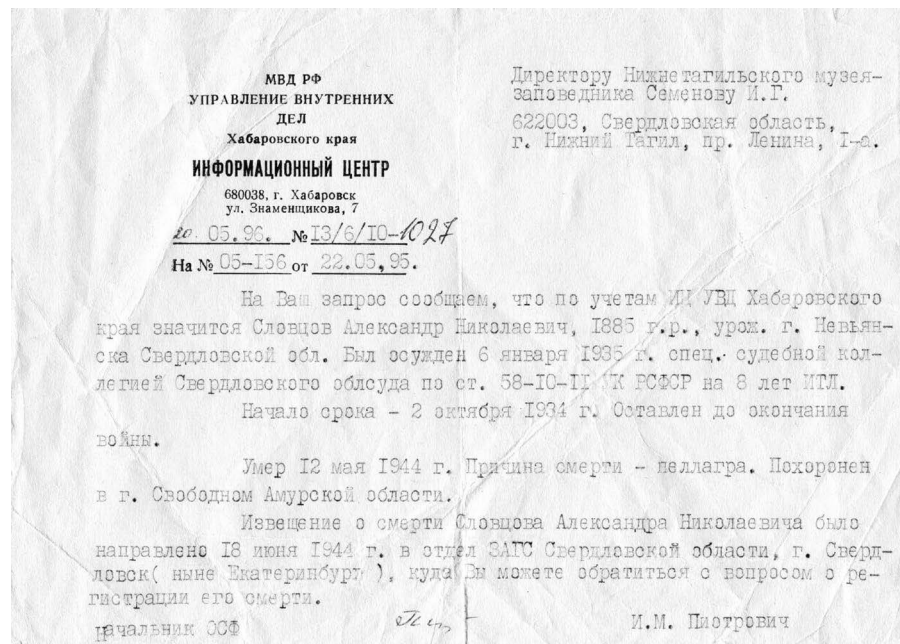
ПОСЛЕСЛОВИЕ

Долгое время дальнейшая судьба А.Н.Словцова была неизвестна. В мае 1995 года на многочисленные запросы в разные уч-

реждения и архивы был получен ответ: «На Ваш запрос сообщаем, что по учетам ИЦ УВД Хабаровского края значится Словцов Александр Николаевич, 1885 г. рождения, уроженец Невьянска Свердловской области. Был осужден 6 января 1935 года ...по ст. 58 (10,11 УК РСФСР на 8 лет ИТЛ. Начало срока – 2 октября 1934 г. Оставлен до окончания войны. Умер 12 мая 1944 г. Причина смерти – пеллагра. Похоронен в г. Свободном Амурской области...»

Примечания:

1. Научный архив НТМЗ «Горнозаводской Урал». Ф. 57. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.
2. ГААОСО. Ф.Р-163. Оп. 1. Д. 3. Л. 16.
3. ГААОСО. Ф.Р-163. Оп. 1. Д. 2. Л. 50.
4. ГААОСО. Ф.Р-163. Д. 3. Л. 230–230 об.
5. Научный архив НТМЗ «Горнозаводской Урал». Ф. 57. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.
6. Научный архив НТМЗ «Горнозаводской Урал». Ф. 57. Оп. 1. Д. 31. Л. 27–28.
7. Научный архив НТМЗ «Горнозаводской Урал». Ф. 57. Оп. 1. Д. 21. Л. 28.
8. «Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А.Л.Штиглица» – одно из старейших российских художественных учебных заведений, ведущее подготовку специалистов высшей квалификации в сфере декоративно-прикладного, изобразительного искусства и дизайна.
9. Научный архив НТМЗ «Горнозаводской Урал». Ф. 57. Оп. 1. Д. 21. Л. 13.
10. Научный архив НТМЗ «Горнозаводской Урал». Ф. 57. Оп. 1. Д. 9. Л. 45.
11. Научный архив НТМЗ. Ф. 57. Оп. 1. Д. 7. Л. 236.
12. Д.Поздняков – сотрудник НКВД в Нижнем Тагиле.
13. Научный архив НТМЗ «Горнозаводской Урал». Ф. 57. Оп. 1. Д. 44. Л. 27.
14. Научный архив НТМЗ «Горнозаводской Урал». Ф. 57. Оп. 1. Д. 44. Л. 31.
15. ИТЛ – исправительно-трудовые лагеря.

ЧЕТЫРЕ МУЗЕЙНЫХ ГОДА ЭМИЛИИ ШОРИНОЙ

Оксана ГРОШЕВА

Зав. краеведческой
библиотекой НТМЗ
«Нижнетагильский
музей-заповедник»

Биографии научных сотрудников, работавших в Нижнетагильском музее краеведения в 1920–1930 годы, изучены недостаточно. Зачастую, мы знаем только их фамилии и должности. Кем были эти люди? Чем занимались, что делали для развития музея? Хочется рассказать об Эмилии Николаевне Шориной (1898–1981). Она ушла из жизни в городе Перми в возрасте 83 года. И только четыре из них Эмилия Николаевна работала в Нижнетагильском музее краеведения, казалось бы, совсем мало! Но за этот крошечный отрезок времени она сумела сделать много: систематизировать художественную коллекцию, активно комплектовать ее, заложить основы научного изучения произведений искусства и привить любовь к изобразительному творчеству многим тагильчанам.

ИЗ СЕМЬИ ШОРИНЫХ

Эмилию Николаевну Шорину как профессионального скульптора, участника областных и зональных выставок больше знают в Перми. Но родилась она в горнозаводском Нижнетагильске, в семье Шориных, которая была широко известна. Д.Н.Мамин-Сибиряк в своем очерке «Платина» писал об ее деде Дмитрие Петровиче Шорине: «Одним словом, вполне редкий человек, как попадаются редкие камни. А главное, человек глубоко интересуется своим краем, его историей, бытом и всеми особенностями, какие только может представить такой оригинальный округ, как тагильские заводы».

Эмилия родилась 29 апреля 1898 в семье заводских служащих. Ее дед – Дмитрий Петрович

Шорин служил главным кассиром Нижнетагильских заводов. Отец – Николай Дмитриевич Шорин, по воспоминаниям Эмилии Николаевны, «работал в должности инженера, был механиком – зав. Механическим цехом, проводил практику там как педагог с учащимися горнозаводского училища и был еще строителем заводских сооружений и гражданских. Долго был в командировке в Сибири во время строительства Сибирской железной дороги. Управителем Висимо-Уткинского завода он был, как заместитель заведующего Оленева на лето 1913 года. С папой и мы прожили там лето. Папе пришлось принимать там и Елима Павловича Демидова с женой, когда они приезжали туда осматривать завод и, кроме того, на охоту». (Из письма Шориной Э. Елизавете Боташевой от 4.10.1976 г.). [1]

16 августа 1906 года Эмилия поступила в 1 отделение приготовительного класса Нижнетагильской

**Анна Александровна Шорина,
жена Н.Д.Шорина,
с дочерью Эмилией. 1899–1900 г.
Фото Е.А.Шестаковой.**

Эмилия Шорина. 1900 г.
Фото Е.А.Шестаковой.

Павло-Анатолевской женской гимназии – лучшее заведение для образования девочек в Нижнем Тагиле. В 1916 году по окончании общего курса наук (семь классов) получила звание учительницы начальных училищ. В дополнение к обязательным предметам она «с отличными успехами» обучалась рисованию и педагогике. [2]

В 1916 году Эмилия поступила в дополнительный 8 класс для специального изучения словесности и через год получила звание домашней учительницы словесности. [3]

В годы революционных событий Эмилия Николаевна работала машинисткой в Контрольном Комитете рабочих кустарей. В связи с этим являлась членом Нижнетагильского профсоюза металлистов, о чем свидетельствует профсоюзный билет, хранящийся в коллекции музея-заповедника. [4] Однако было понятно, что участь делопроизводителя мало привлекала молодую, талантливую и хорошо образованную девушку.

СПЕЦИАЛИСТ С ВЫСШИМ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ

С 1923 по 1927 гг. Эмилия обучалась на факультете скульптуры в Высшем Художественно-техническом институте города Ленинграда (в настоящее время – Санкт-Петербургская Академия художеств). Ее учителями

были известные скульпторы, профессор института А.Т.Матвеев, В.В.Лишев, Р.Р.Бак. С 1924 года являлась членом «Общества культурной смычки города с деревней». [5] В 1928 году Шорина была приглашена на работу в Пермское художественное училище.

В 1935 году Э.Н.Шорина вернулась в родной город и 1 сентября 1935 года была зачислена на работу в Нижнетагильский краеведческий музей в качестве заведующей художественным отделом. Одновременно она являлась художником музея. Причем зарплату ей платили одинаковую за обе должности – по 250 рублей. [6]

Необходимо отметить, что впервые в Нижнетагильском музее появился человек с высшим художественным образованием.

На начало работы в музее Эмилии Николаевны художественная коллекция условно делилась на две части: предметы, собранные на месте (в пределах округа), и предметы, полученные из центральных музеев, так как директор А.Н.Словцов вел активную работу по комплектованию произведений искусства в 1920-е гг. и нач. 1930-х гг. В научном архиве музея имеется документ с описанием художественного отдела того периода. Согласно ему, «первые две комнаты посвящены местному искусству, современному и старому. В следу-

ющих комнатах выставлена часть картин, полученных из центра и, кроме того, выделен небольшой отдел Западно-Европейской живописи, преимущественно представленный картинами, найденными в Тагиле. В отделе русской живописи принят, в основном, хронологический порядок размещения картин. Однако непригодность помещения и неравномерность освещения принудили отказаться от строгой хронологии, допуская сближение по сюжету. Часть картин выставлена в витринах вне общего порядка». [7] «Кроме картин, в отделе выставлен художественный фарфор, бронза, отливки из чугуна, хрусталь. Материалы художественного отдела частично свернуты по недостатку места, частично расположены по другим отделам, особенно в культурно-историческом отделе (портреты и бюсты Демидовых)». [8]

Приступив к работе в сентябре 1935 года, Эмилия Николаевна занялась изучением предметов художественной коллекции. Чтобы лучше изучить свой фонд, методы научной обработки коллекции, необходимо было ознакомиться с художественными ценностями других музеев. И уже в марте 1936 года Э.Н.Шорина выезжает в командировку в центральные музеи Москвы и Ленинграда. В 1937 году она знакомится с художественными ценностями кар-

Семья Шориных. 1902 г.

Выпуск скульптурного факультета Ленинградской Академии художеств. Слева в нижнем ряду Э.Н.Шорина. 1927 г.

тинных галерей Свердловска и Перми.

Скупые строки отчетов музея дают нам представление об огромной работе Эмили Николаевны по попытке атрибутировать значимые музейные экспонаты. В центральных музеях ею были выявлены имена художников – авторов экспонатов Нижнетагильского музея: Г.Х.Гроот – портрет Акинфия Демидова и Ж.Д.Рашет – бюст Прокопия Демидова. (Сведения были получены в Третьяковской галерее и Русском музее). [9]

Эти предметы и сегодня украшают залы историко-краеведческого музея.

Как художник музея Эмилия Николаевна осуществляла работы по художественному оформлению экспозиций естественно-научного и исторического отделов музея, передвижных выставок. Также занималась оформлением вестибюля музея к праздникам. Эмилия Николаевна разработала

тематико-экспозиционный план экспозиции художественного отдела музея, проводила экскурсии и читала многочисленные лекции.

В 1937 году, к 20-й годовщине Октябрьской революции, Э.Н.Шориной был организован и открыт новый раздел художественного отдела «Советское искусство». Для отдела были приобретены новые экспонаты. Путем безвозмездной передачи авторами-художниками – 13 ед., покупка живописных работ – 5 ед., получение картин и рисунков из Свердловской картинной галереи в качестве временного выставочного материала – 19 ед. [13]

Также Шорина начала выявлять данные о местных крепостных художниках XIX века – Худяковых, Топорковых. «В 30-е годы мной была проведена большая работа на тему о тагильских крепостных художниках Худяковых. Создано дело – папка с документами, которые я доставала,

специально ездив во время своих отпусков в Ленинград, и получила документы об обучении этих художников (в архивах Академии художеств.) Мне в музее была записана на эту тему благодарность в трудовую книжку. Это надо отметить не потому, что мной сделано, а потому, что в музее, значит, велась научная работа в 30-е гг.» (Из письма Э.Шориной Елизавете Боташевой от 19.05.1974 г.) [14]

НИЖНИЙ ТАГИЛ ИМЕЕТ ПРАВО!

В ноябре 1936 года Управлением по делам искусств была предпринята попытка передать художественную коллекцию Нижнетагильского музея в Свердловскую Областную картинную галерею. Директор Управления Н.Виницкий обосновал необходимость этой передачи «случайностью подбора данной художе-

ственной коллекции, совершенно неподходящими условиями для экспонирования, а также тем обстоятельством, что эти произведения не имеют местного исторического значения» [10]. В ответ на это Шорина Э.Н. написала докладную записку в Нижнетагильский Городской Совет, в которой говорилось о категорическом несогласии музея на передачу художественной коллекции, и о том, что Нижний Тагил имеет право и культурную потребность иметь у себя самостоятельную художественную галерею». [11] Как она потом вспоминала: «Произведения искусств художественного отдела отстояли от посягательств Свердловска. Ничего из экспонатов Тагильского музея не отдали, и все пригодилось для создания своей Художественной галереи». (Письмо Елизавете Боташевой от 19.05.1974 г.) [12]

ПРИОБЩЕНИЕ К ИСКУССТВУ

Велась работа с самодеятельными художниками. Всего было три кружка: художники-профессионалы (преимущественно клубные работники), самодеятельные художники (рабочие, служащие, кустари) и учащиеся (школьники и студенты).

Студия самодеятельных художников при Художественном отделе музея существовала с 1935 года до июля 1939 года. Эмилия Николаевна преподавала рисование, живопись, пластическую анатомию. Также регулярно для студийцев проводились лекции по истории искусства и экскурсии по художественному отделу. В 1937 году проводились занятия в художественной студии с двумя группами. Теоретические и практические. За 1937 год было проведено 67 занятий по рисунку и 53 по живописи. В 1938 году – 217 часов по живописи, 142 – по рисованию. [15]

Занятия с художниками-профессионалами Эмилия Николаевна проводила вне рабочего времени. В апреле 1937 года была организована выставка народного творчества самодеятельных ху-

дожников. Экспонаты были переданы «на областную выставку в Свердловскую картинную галерею. Оттуда работы студийцев были отправлены в Москву на Всесоюзную выставку, и несколько человек были премированы бесплатной поездкой в Москву для встречи с московскими художниками и посещения художественных музеев, побывали в мастерской заслуженного художника Герасимова». [16]

В октябре была проведена еще одна выставка тагильских самодеятельных художников. Экспонаты были переданы на Свердловскую областную выставку к 20-й годовщине Октябрьской революции. В 1938 году учащиеся художественной студии получили денежные премии в сумме 200 рублей от Свердловского областного Дома народного творчества и три почетные грамоты. В 1939 году была проведена выставка Свердловской картинной галереи «Советское искусство» и выставка работ учеников художественной студии.

В Нижнетагильском краеведческом музее Эмилия Николаевна проработала до августа 1939 года. [17] В 1939 году Эмилия Николаевна возвратилась в Пермь, работала в Пермской художественной галерее, а затем перешла на преподавательскую работу в художественное училище. Э.Н.Шорина

Э.Н.Шорина. Пермь, 1974 г.

была членом Союза художников и постоянным участником областных и зональных выставок. В конце 1950-х гг. из-за тяжелой болезни была вынуждена оставить занятия скульптурой. [18]

Несмотря на непродолжительное время работы в Нижнетагильском музее, Э.Н.Шорина внесла большой вклад в создание, сохранение и изучение художественной коллекции. Ею был организован и открыт новый раздел художественного отдела «Советское искусство», заложены основы атри-

Художественная студия при краеведческом музее. 1930-е гг.

буции музейных предметов. Эмилия Николаевна решала вопросы не только музейного развития, она стояла у истоков развития художественной жизни советского Тагила, став инициатором создания художественного кружка при музее, занималась продвижением выставочной деятельности как профессиональных художников, так и художников-любителей.

Примечания:

1. ТМ-16149.
2. ТМ-5769, Пи-31/2.
3. ТМ-5769, Пи-31/4.
4. ТМ-21290.
5. ТМ-3485.
6. Научный архив Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» (НТМЗ) Ф. 57. Оп. 1 Д. 44. Л. 44 об.
7. Научный архив НТМЗ Ф. 57 Оп. 1 Д. 55 Л. 25.
8. Там же, Л. 28.
9. Научный архив НТМЗ Ф. 57 Оп. 1 Д. 76 Л. 13.
10. Научный архив НТМЗ Ф. 57 Оп. 1 Д. 55 Л. 32.
11. Там же, Л. 53.
12. ТМ-16152.
13. Научный архив НТМЗ Ф. 57 Оп. 1 Д. 76 Л. 6.
14. ТМ-16152.
15. Научный архив НТМЗ Ф. 57 Оп. 1 Д. 76 Л. 7.
16. ТМ-16152.
17. Научный архив НТМЗ Ф. 57. Д. 83 Л. 21.
18. НВ-4325.

Список работ скульптора Э.Н.Шориной, экспонировавшихся на выставках или находящихся в музеях.

1. Портрет А.М.Горького – барельеф. Областная выставка, г. Пермь, 1940 год. Находится в Пермской художественной галерее.
2. Портрет учительницы-орденоносца Л.А.Мухлыниной – бюст. Экспонировался на выставке в Перми к конференции Академии наук СССР в 1945 году и на межобластной выставке в Перми в 1946 году.
3. Первая вышка Уральской нефти «Бабушка» – барельеф для проекта памятника в Верхне-Чусовских городках Пермской области.
4. Уральский рудознатец 18 века – фигура. Экспонировалась на Межобластной выставке в Перми в 1946 году.
5. Ученики Пермского ремесленного училища работают на оборонном заводе во время Великой Отечественной войны – 2 барельефа и пять рисунков. Экспонировались на Межобластной выставке в Перми в 1946 году. Находятся в Пермском краеведческом музее.
6. Партизанка – фигура. Экспонировалась на Межобластной выставке в Перми в 1946 году.
7. Девочка с козленком – группа. Экспонировалась на Межобластной выставке в Перми в 1946 году.
8. Портреты: А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Н.В.Гоголя, Н.А.Некрасова, И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, А.М.Горького – барельефы. Экспонировались на областной выставке в Перми в 1947 году. Находятся в Пермской художественной галерее.
9. Портрет лауреата Сталинской премии профессора А.В.Пшеничнова – бюст. Экспонировался на областной выставке в Перми в 1947 году. Находится в Пермском краеведческом музее.
10. Портрет старейшего речника Камского пароходства орденосца В.И.Демидова – голова. Экспонировался на областной выставке в Перми в 1949 году. Находится в Пермском краеведческом музее.
11. Портрет заслуженного артиста РСФСР М.Г.Шуйского – голова. Экспонировался на областной выставке в Перми в 1949 году. Находится в Пермском краеведческом музее.
12. Портрет знатного шахтера, лауреата Сталинской премии, Героя соц. труда П.К.Поджарова – бюст. Экспонировался на областной выставке в Перми в 1950 году.
13. Портрет заслуженной учительницы РСФСР К.А.Иваницкой – бюст. Экспонировался на областной выставке в Перми в 1951 году. Находится в Пермском краеведческом музее.
14. Беседа Я.М.Свердлова с уральскими рабочими в 1906 году – группа. Экспонировался на областной выставке в Перми в 1952 году. Находится в Пермском краеведческом музее.
15. Я.М.Свердлов с боевым дружинником на Егошихе в 1906 году – барельеф. Групповая композиция. Экспонировался на областной выставке в Перми в 1952 году. Находится в Пермском краеведческом музее.

Свидетельство Э.Н.Шориной об окончании дополнительного педагогического класса Павло-Анатолевской женской гимназии. 1916 г.

16. Вручение знамени пермской делегацией героям северо-западного фронта во время Великой Отечественной войны – барельеф. Групповая композиция. Выполнена в 1953 году. Находится в Пермском краеведческом музее.
17. Портреты А.С.Пушкина и А.М.Горького – барельефы в оформлении фасада здания Дома культуры в городе Краснокамске. Выполнены в 1954 году.
18. Портрет Д.Н.Мамина-Сибиряка – бюст. Экспонировался на межобластной выставке в Свердловске в 1954 году и на областной выставке в Перми в 1955 году. Находится в Пермском краеведческом музее. Вариант находится в Доме культуры города Краснокамска. Повторение в мемориальном музее Мамина-Сибиряка в поселке Висим.
19. Портрет писателя Ф.М.Решетникова – бюст. Экспонировался на областной выставке в Перми в 1955 году.
20. Портрет старого большевика-путловца, участника Октябрьской революции И.Л.Контрамовича – бюст. Экспонировался на областной выставке в Перми в 1956 году.
21. Портреты Героев Советского Союза Анвара Гатаулли-на, Е.М.Ежова. Выполнены в 1957–1958 гг. Приняты на выставку 40-летия Советской армии в 1958 году в г. Перми. (По техническим причинам не экспонировались).

ССЫЛЬНЫЙ БИБЛИОТЕКАРЬ В НИЖНЕМ ТАГИЛЕ: XX ВЕК

Валентина ДАЦКЕВИЧ

Владимир КАШИН

Члены Нижнетагильского
клуба краеведов.

Демидовская библиотека была основана в 1854 году по распоряжению Главноуправляющего заводами округа А.Н.Карамзина и предназначалась, в основном, заводским служащим для повышения квалификации и расширения кругозора. Так сложилась, что судьба ее была тесно связана с музеем. Вполне логичным стало включение библиотеки в состав Тагильского музея краеведения в 1924 году. Этому книжному собранию повезло: как у истоков создания в середине XIX века, так и в период восстановления в 1920-е годы в ней работали незаурядные люди, обладающие мощным интеллектом, огромными знаниями и энтузиазмом.

Литературный критик Валериан Адольфович Чудовский (1882–1937), административно высланный из Ленинграда в 1925 году за приверженность к устоям и традициям бывшей Российской империи, оставил яркий след в культурной жизни Нижнего Тагила как организатор и собиратель библиотеки нового советского учреждения – Тагильского музея краеведения.

В.А.Чудовский родился 2 апреля 1882 года в Минской губернии в семье военного инженера, генерал-лейтенанта Русской императорской армии.

По окончании Александровского лицея по первому разряду (1904) Валериан Чудовский был определен на службу в министерство внутренних дел по землеустроительной линии. В 1907–1910 гг. он продолжил образование в университетах Европы, а по возвращении из поощрительной заграничной командировки был причислен по собственному прошению к мини-

стерству народного просвещения с поступлением «вольноотрудающимся» в Императорскую публичную библиотеку. Только спустя год он был зачислен в штат младшим помощником библиотекаря. С конца 1913 года он заведовал юридическим отделением библиотеки, где сосредотачивались издания по правоведению и политическим отраслям знаний, на которые участились запросы из Государственной Думы.

Весной 1916 года В.А.Чудовский возглавил отделение изящных искусств, и, казалось бы, укрывшись в толстых стенах дворца знаний и погрузившись в изучение всемирного наследия, он мог избежать погружения в водоворот Русской революции. Тем более, в июне 1918 года комитет советской Российской публичной библиотеки назначил его заведующим крупнейшим отделением «Россика», в котором были сосредоточены иностранные книги, касающиеся России,

В.А.Чудовский. 1910-е.
Из фотоколлекции Российской
национальной библиотеки.

В.А.Чудовский. 1909 г. Санкт Петербург.

а в октябре 1919-го – отделением изящной словесности. В течение последующих пяти лет он занимал ответственную должность главного библиотекаря Публичной библиотеки (ныне Российская национальная библиотека) [1].

В 1914 году был опубликован его труд «Императорская Публичная библиотека за сто лет». Но известность в столичном обществе Валериан Адольфович получил как автор литературных исследований творчества поэтов «серебряного века», защитник самобытного русского языка и старой орфографии, внесший весомый вклад в сохранение пушкинского наследия и развитие русской словесности [2].

Расколовшие общество революционные события 1917 года были обусловлены накопившимися глубокими противоречиями политического и социально-экономического характера. Когда же окончательно рухнули привычные, издавна установленные нормы морали и поведения, а новые зачастую не принимались, многие представители культуры оказались на распутье. Русской интеллигенции пришлось выбирать: не принимать Октябрьский переворот, саботируя решения Советской власти, вплоть до эмиграции, или, наоборот, осмыслить случившееся и продолжить служение обществу в новых исторических условиях.

В своих статьях В.А.Чудовский четко выразил личное отноше-

ние к ниспровергателям устоев, не стесняясь обличать революционеров: «...когда безумная толпа прикладами и каблуками была двуглавого орла, принимая его за эмблемат ненавистной, свергнутой власти, она не знала, что глумится над собственным величием, не знала, что надменная птица несла в себе державную силу самой России, Русского народа...» [3].

По свидетельству современника: «В годы Гражданской войны вся интеллигенция Петрограда была резко расколота на два враждебных лагеря, – лагерь тех, кто ненавидел Советскую власть и считал всякое сотрудничество с ней невозможным, и лагерь тех, кто стоял за сотрудничество с Советской властью, за помощь ей в ее культурных задачах. Оба лагеря были совершенно непримиримы и враждовали открыто... Критик Валериан Чудовский, бывший соратник Гумилева по редакции «Аполлон», расхаживал, держа правую свою руку на белой перевязи. И когда его спрашивали, не болит ли у него рука, он отвечал: «Нет, я просто не хочу ее подавать подлецам, сотрудничающим с большевиками».

Не подавал он ее, разумеется, и Гумилеву – члену редакционной коллегии советского государственного издательства «Всемирная литература», члену правления советского учреждения Дом искусств, преподавателю Студии – советского учебного заведения» [4].

Непримиримый заведующий отделом изящной словесности Государственной публичной библиотеки был вынужден поселиться в советском учреждении для бедствующей интеллигенции, разом потерявшей прежние источники доходов. Дом искусств, открывшийся в 1919 году в бывшем купеческом особняке на углу Невского проспекта и Мойки, стал подлинным центром интеллектуальной жизни Петрограда той поры. По воспоминаниям сына Корнея Ивановича Чуковского: «Зиму с девятнадцатого на двадцатый год жил в Доме искусств и Валериан Чудовский – высокий человек в бархатной куртке с надменно закинутой лохматой головой. Это был самый злобный контрреволюционер, какого можно только себе представить, повсюду громогласно извергающий проклятия на всех, кто работает с большевиками и работает в советских учреждениях. Молодежь, посещавшая Дом искусств, возненавидела его... В начале двадцатых годов Чудовский исчез, сбежал, по-видимому, за границу» [5].

Невольно задаешься вопросом: как совмещались столь непримиримое и нескрываемое отношение к новой власти и служба в достаточно высоких должностях в Российской публичной библиотеке? Имеет ли право на жизнь предположение, что работа в ней являлась для Валериана Адольфовича не службой в совучреждении, а служением в Храме книги. Литература, книги в его понимании были выше всех политических направлений, что и позволяло уживаться в его поведении двум взаимоисключающим позициям.

За рубеж русский интеллигент не сбежал и не эмигрировал ни тогда, ни позже. В.А.Чудовский по постановлению Коллегии ОГПУ от 22 июня 1925 года по так называемому «Лицейскому делу» («Дело воспитанников», «Союз верных») был выслан на Урал сроком на пять лет с конфискацией имущества. Обвинение группы выпускников бывшего императорского Александровского лицея в создании «Контрреволюционной монархической организации»

было во многом сфальсифицировано ленинградскими чекистами. В качестве так называемых доказательств фигурировали традиционные встречи выпускников в Лицейский день, 19 октября, касса взаимопомощи, ежегодные панихиды по погибшим лицеистам, на которых поминались и члены царской семьи.

По делу лицеистов-монархистов в ночь на 15 февраля 1925 года было арестовано свыше полутораста питерцев. Вскоре из восьмидесяти осужденных: 26 – расстреляны (в том числе последний премьер-министр Российской империи Н.Д.Головнин), 25 – приговорены к различным срокам заключения, 29 – высланы в административном порядке. Почти все они впоследствии погибли или сгинули в лагерях [6].

Так, искусствовед, профессор русской словесности и изящных искусств Валериан Адольфович Чудовский стал политическим ссыльным, оказался за две тысячи верст от культурной столицы – в Нижнем Тагиле, где внес огромный вклад в развитие библиотечного дела.

Сразу можно увидеть параллели с XIX веком, когда 1853 году в Нижне-Тагильское селение прибыл ссыльный польский революционер, поэт и этнограф Адольф Михайлович Янушкевич (1803–1857).

Выходец из польской шляхты, в которой почитался национальный герой и родственник по материнской линии Т.Костюшко, родился в белорусском городе Несвиже Минской губернии, получил высшее образование в Виленском университете (ныне г. Вильнюс) и мог позволить себе путешествия по Европе. Однако во время Польского восстания (1830–1831) он получил семь ранений в бою с правительственными войсками и попал в плен. Во время допросов вел себя убежденно и мужественно и не жалел о содеянном. За участие в повстанческой «Легии Литвы, Волыни, Подолии и Украины» следствие признало его одним «из самых

опасных и упорных преступников империи». Суд в Киеве 4 марта 1832 года приговорил его к смертной казни через повешение, замененной позже на вечную ссылку в Сибирь с лишением дворянства и конфискацией имущества. Николай I помнил фамилию гордого поляка и вычеркивал ее из всех списков на помилование.

Ссылку А.М.Янушкевич отбывал в Тобольске, Ишиме и Омске, пока заводовладельцы Демидовы не помогли ему перебраться в Нижний Тагил.

По распоряжению Андрея Николаевича Карамзина руководителем вновь открывшейся Нижне-Тагильской заводской библиотеки был назначен французский поданный, горный инженер, работавший по договору на тагильских заводах Леон Андреевич Вейер, а его помощником стал Адольф Михайлович Янушкевич. Именно он взял на себя заботу о комплектовании новой библиотеки и удовлетворении запросов читающих «тагильцев». Об этом он писал родным: «С половины девятого до половины первого, от 6 до 9, а когда много работы и до 10 вечера, нахожусь в библиотеке. Плохо было бы, если бы я и приходил на службу позже, потому что и так уже к тому времени собирается много читателей, ожидающих меня. Радует, что двигатель этот при хорошем исполнении функций приносит каждому читателю немалое удовольствие». Ссыльный поляк делает удивительный вывод: «...А библиотека всё больше входит в моду: 1107 книг прочитано в течение месяца. Вот вам картинка из местной жизни, какой вы, верно, не ожидали увидеть в Уральском углу. Не надо забывать, что этот уголок принадлежит благородной семье, которая не в пример другим, думающим только о себе, да о своем кармане, старается, где только может сеять просвещение и прогресс и не жалеет на это расходов [7].

Как много еще душевной силы и энергии, какой размах светлого ума!

А.М.Янушкевич был помилован в 1856 году, вернулся на родину, но вскоре умер от туберкулеза.

Графический портрет
А.М.Янушкевича. 1820-е.

Белорус Валериан Чудовский продолжил дело Адольфа Янушкевича на Урале, но уже в XX веке, и, надо отметить, в более сложных условиях. Оторванный от привычного уклада, семьи и друзей, он вновь нашел утешение в служении Книге.

После завершения революции и Гражданской войны в Нижнем Тагиле не действовали ни музей Демидовых, ни заводская библиотека.

В 1922 году по инициативе доктора В.А.Ляпустина группой энтузиастов было создано «Тагильское общество по изучению местного края» (ТОИМК), поставившее главной задачей воссоздание музея. В свою очередь, музей краеведения в пору возрождения и становления стремился стать центром просвещения и организовать специализированную библиотеку для оказания помощи в исследовательских работах по истории Урала.

В конце 1923 года хранитель музея (затем директор) Александр Словцов подает в Окружной отдел народного образования докладную записку: «В Нижнем Тагиле существует старинная библиотека, собранная еще прежними заводовладельцами Демидовыми, князьями Сан-Донато, и поэтому называемая «Сан-Донатской». ... Она состоит из весьма редких и ценных книг... и потому прошу в

Сотрудники Нижнетагильского музея: заведующий краеведческой библиотекой В.А.Чудовский, зав. естественно-историческим отделом Т.К.Боташева, зав. культурно-историческим отделом М.А.Зылева, зав. общественно-экономическим отделом О.А.Кротова и руководитель А.Н.Словцов. 1920-е гг.

порядке чрезвычайной срочности:

1. Распорядиться ... доставкой в Музей остальных книг, находящихся еще в помещении Окр. Фин. Отдела.

2. Распорядиться перевезти книги из бывшего дома Треухова в Музей...

3. Через органы гормилиции учредить особо внимательный надзор за продажей книг, – не будут ли обнаружены книги со штампами «Библиотека князей Сан-Донато» и «Библиотека Тагильских заводов»...

8. Просить Окружной Исполнительный Комитет гарантировать неприкосновенность библиотеки в будущее время» [8].

Настойчивость выпускника физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета А.Н.Словцова была вознаграждена. 31 января 1924 года заведующий окружным политпросветом И.С.Оносов подписал акт о передаче музею реквизированных ранее Советской властью 8317 экземпляров библиотеки «Сан-Донато» [9].

В день открытия Нижне-Тагильского музея, 30 марта 1924 года, перечисляя количество экспонатов основных отделов, Александр Николаевич отметил наличие: 8300 томов и 161 рукописи [10].

Демидовское книжное богатство было «закреплено за музеем... как историко-краеведческий материал, характеризующий двухсотлетних властителей края» [11] и положило начало новому периоду жизни краеведческой библиотеки.

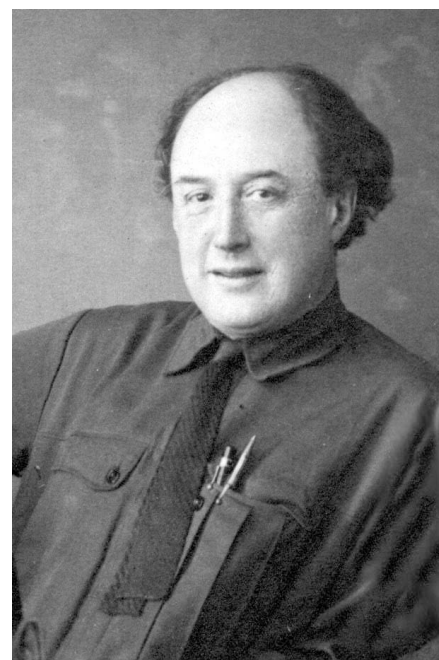
К моменту назначения в октябре 1925 года заведующим музейной библиотекой В.А.Чудовского уникальные книги были в основном спасены от гибели и расставлены в шкафах сотрудниками музея. Валериан Адольфович образно назвал коллекцию демидовских книг «ядром, вокруг коего выросла нынешняя библиотека».

Архивы сохранили документы о принятой эстафете многотрудной этапной эпопеи спасения книг и комплектования музейной библиотеки Нижнего Тагила бывшим главным хранителем Государственной публичной библиотеки: «Из склада металлургического треста, у плотины, из здания, построенного, быть может, еще Акинфием Демидовым, – поступило полсотни ящиков с частью тагильского архива... В этих ящиках оказалось около 1100 томов из Сан-Донатской библиотеки... Из подвалов бывшего Главного управления Демидовых было извлечено, отчасти из-под неопи-санных груд мусора и хлама, более

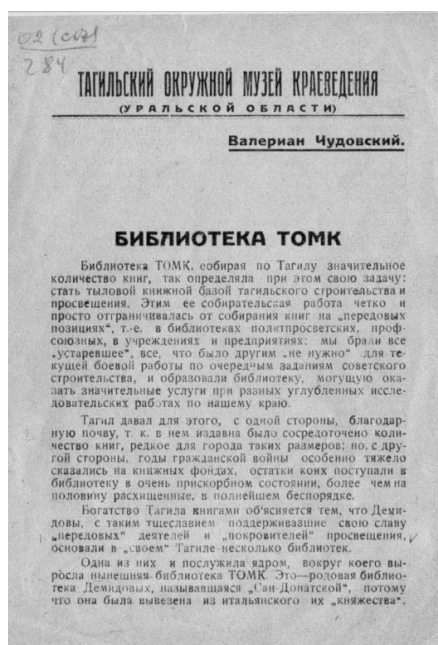
9000 томов – остатки заводской библиотеки» [12].

В апреле 1926 года Словцов и Чудовский обратились в отдел народного образования с обращением, в котором с болью сообщали: «Окружному музею стало случайно известно, что на одном из складов Окр.Мест.Хоза лежит на полу в беспорядке некоторое количество книг (старых). Музеем немедленно были предприняты шаги к охране этих книг: они оказались в складе № 40 по улице Арзамасской – Шаминой (ныне ул. Первомайская – К.Маркса – авт.), вываленными... у самой входной двери и поперек ее, так что всякий входящий не мог не топтать их ногами...» [13].

Даже после личных переговоров с руководством «местного хозяйства» Нижнетагильского округа по поводу выдачи книг обещанный «на завтра» ответ не последовал, а через десять дней Валериан Адольфович обнаружил книги «в рыночной будке, замкнутой гвоздем, продетым в кольцо вместо замка. Незамкнутый чулан посреди рынка обеспечивает расхищение книг всяким желающим... Полагая, что нахождение книг в таких условиях и обращение с ними, подобное описанному, показывает, в какой опасности еще до сих пор может находиться

В.А.Чудовский во время проживания в Н.Тагиле.

Брошюра В.Чудовского
«Библиотека ТОМК». 1930 г.

ценное народное имущество», руководители музея потребовали от ОкрОНО «принять решительные меры к совершенному устранению подобного обращения с книгами в будущем и к немедленному выяснению, имеются ли еще книжные фонды в подобном положении» [14].

В феврале 1930 года музей издал брошюру «Библиотека ТОМК» (Тагильского окружного музея краеведения), которая стала своеобразным отчетом деятельности заведующего музейной библиотекой. Как отмечает сам автор труда В.А.Чудовский: «...За три года активного поиска были разысканы и изъяты из различных учреждений и возвращены в библиотеку 37881 книга:

- 1100 — Сан-Донатской библиотеки
- 9000 — остатки заводской библиотеки
- 4700 — остатки библиотеки Демидовской больницы
- 12000 — из центральной и других библиотек
- 3000 — из школы им. Н.К.Крупской
- 800 — из школы-семилетки № 1
- 3080 — из библиотеки горно-металлургического техникума
- 1500 — из окружного архивного бюро
- 1200 — из закрытой Выйской церкви

1500 — из товарного склада Гор-местхоза

...Мы брали всё «устаревшее», всё, что было другим «не нужно» для текущей боевой работы по очередным заданиям советского строительства и образовали библиотеку, могущую оказать значительные услуги при разных углубленных исследовательских работах по нашему краю» [15].

В результате титанических усилий в 1930 году в фонде Тагильского музея, занимавшего семь комнат во флигеле заводоуправления, насчитывалось уже 70 тысяч книг. Был образован новый раздел по ураловедению и музейному делу, в который собирались ценные источники для будущих историков горнозаводской промышленности. По мнению Валериана Адольфовича «...библиотека самим своим фондом ставит ряд задач для будущих исследователей. В частности, книги демидовской библиотеки могут содействовать выяснению направлений в технике, к коим примыкали демидовские предприятия; уже беглый просмотр позволяет предположить черту, любопытную для истории горно-металлургической промышленности, а именно — французские симпатии и связи Демидовых (в отличие от обычной германской ориентации): это показательно отчасти для классового облика Демидовых, заводчиков, с Николая Никитича (умер в 1828), принадлежавших к аристократии царского времени; отчасти напоминает о многолетнем диктаторе Тагила Жонесе Спонвиле... знаменитом французском ученом Ле-Пле, которого Демидовы пригласили в Тагил... быть может, не только как техника...»

В плане работы музея на 1927–1928 гг. появился важный момент: «Связаться с Тагильским обществом по изучению местного края на предмет изучения библиотеки в целом как краеведческого объекта, то есть исторически развившегося комплекса, на коем отразился ход местной истории...» По сути, это первое упоминание о музейной библиотеке как о значимом культурном объекте. Действительно, Тагильский окружной музей кра-

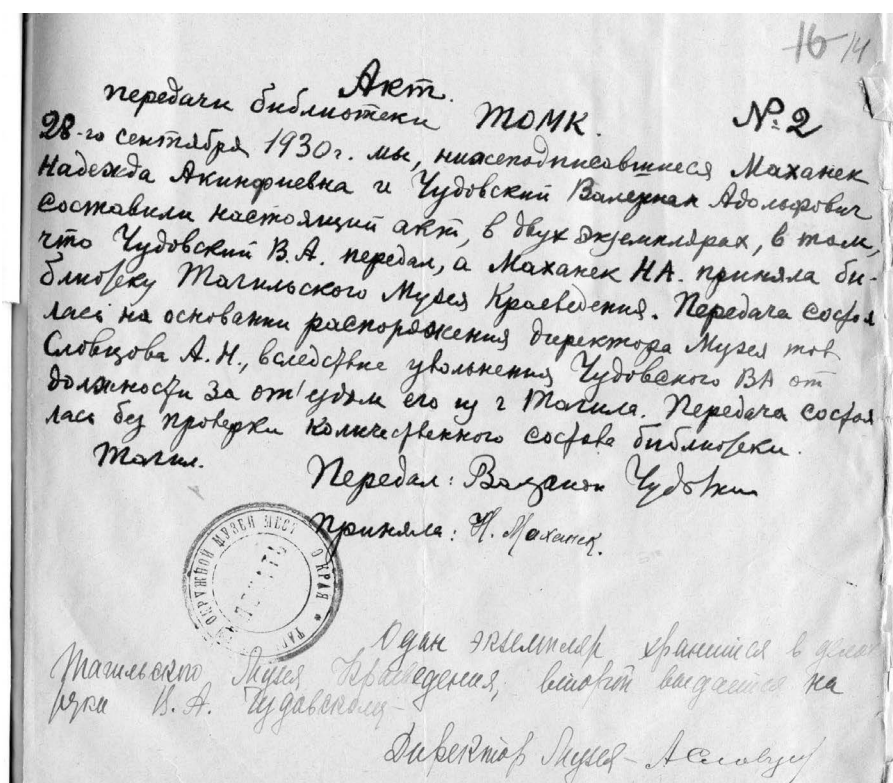
еведения имел в своем составе уникальные памятники книжной культуры.

Таким образом, одна из первых библиотек Урала была воссоздана как собрание редких книг, благодаря энтузиазму и подвижнической деятельности учителя Александра Николаевича Словцова и его соратника, библиотекаря Валериана Адольфовича Чудовского. Русские интеллигенты глубоко осознавали, что сохранять и приумножать культурное наследие России в интересах общества необходимо при любой власти.

Но их благородные и бескорыстные усилия не были оценены по достоинству. В начале 1930-х по распоряжению обкома партии музей во многом лишился своей научной библиотеки, которую изъят Институт Маркса-Ленина в Свердловске. Затем большая часть тагильских книжных раритетов попала в Уральский государственный университет, областной краеведческий музей и библиотеку им. В.Г.Белинского. И только около 6 тысяч изданий вернулись в Нижний Тагил.

По истечении срока административного наказания столичному ссыльному разрешили вернуться в Ленинград. Согласно акту передачи библиотеки, 28 сентября 1930 года В.А.Чудовский передал Н.А.Маханек библиотеку Тагильского музея краеведения «без проверки количественного состава библиотеки» [17].

Не прошло и года, как Надежда Акинфиевна с душевной болью написала: «...Сознавая ущерб в работе библиотеки, который является следствием моих частых неявок на работу — прошу освободить меня от работы в библиотеке Музея. Надеюсь, что Музей согласится с мотивами моего отказа от работы и в возможно непродолжительном времени освободит меня, т.к. иначе наступит осенняя распутица, то я не смогу явиться даже для передачи библиотеки». Спустя пару недель от нее последовало новое заявление: «На все мои просьбы освободить меня от обязанностей Заведующей библиотекой — Правление Музея мне ответа не давало,

Акт передачи библиотеки ТОМК. 1930 г.

очевидно, исходя из соображения, что за 85 рублей никто не согласится взять на себя такой большой, ответственной работы. В настоящее же время, когда ставка зав. библиотекой увеличена до 150 рублей в месяц, будет вполне возможно пригласить для заведования более знающего и умелого работника. Тут нужен работник не только высококвалифицированный, но, кроме того, умеющий не просить, а потребовать необходимых улучшений в библиотеке. Я же в течение года не сумела добиться от Правления никаких улучшений» [18].

К концу 1920-х отношение Советской власти к краеведческим организациям и, в общем, к краеведению начинает меняться в сторону свертывания в угоду коммунистической пропаганде. В одной из центральных газет писали, что «почти вся сеть краеведческих музеев, почти вся сеть краеведческих обществ находится в чуждых, враждебных руках» [19]. В «Уральском рабочем» того же периода появляется статья «О неисправимых историках и служебной роли краеведения», в которой автор требовал от Уральского областного бюро краеведения «превратить краеве-

дение в оружие классовой борьбы пролетариата, очистить общества и музеи от лжеспециалистов». На политическом языке того времени эти обвинения следовало понимать как приговор носителям старой до-революционной культуры.

1930-е годы стали тяжелым испытанием для Тагильского музея краеведения. Были арестованы многие научные сотрудники, в том числе и его первый директор А.Н.Словцов. Комиссия ГорОНО, обследовавшая музей и библиотеку, констатировала «отсутствие научной, массовой и политической работы, слабость материальной базы» [20]. Не только в Нижнем Тагиле, но и по всей стране научных сотрудников и краеведов обвиняли в пропаганде религии, идеализации буржуазно-помещичьего строя и неправильной трактовке исторического материала.

По отбытию срока ссылки В.А.Чудовский вернулся в Ленинград к жене, коренной петербурженке Инне Романовне (урожденная Малкова). Полагаем, что прошедшие годы испытаний в какой-то степени примирили профессора с действительностью, по крайней мере, пятидесятилетний

библиотекарь и ценитель редких книг не представлял для Советской власти опасности в должности преподавателя Института механизации и социалистического земледелия.

Однако 1 декабря 1934 года был убит 1-й секретарь Ленинградского обкома партии С.М.Киров. Этим же числом было датировано Постановление ЦИК СССР «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик», которое формально запустило юридический механизм «большого» террора. В первую очередь стали «чистить» колыбель революции. Совсем скоро (1935) решением Особого Сопровождающего НКВД Ленинградской области теперь уже оба супруга Чудовские были высланы в Уфу как социально-опасные элементы. Последние годы жизни Валериан Адольфович работал преподавателем Башкирского филиала Свердловского института повышения квалификации.

В августе 1937 года супруги Чудовские были арестованы по печально знаменитой «контрреволюционной» 58-й статье. Чудовские понимали антипольский характер следствия. При аресте в постановлении об избрании меры пресечения по настоянию Валериана Адольфовича записали его объяснение: «Я не поляк, а русский». В анкете арестованного он собственноручно записал: «По происхождению – белорус, но сам русский». В свою очередь, со слов Инны Романовны следователь записал: «По крови еврейка, по культуре русская». Сотрудники НКВД формально приняли разъяснения супругов, но в дальнейших документах числили их как «белорус-католик и еврейка-католичка», рассматривая убежденных атеистов как враждебных России эмиссаров католицизма...[21]

После недолгого следствия постановлением «двойки» в составе наркома внутренних дел Н.И.Ежова и прокурора СССР В.Я.Вышинского были признаны участниками «Польской организации войскового» и осуждены к высшей мере наказания. Накануне 20-летия Октябрьской революции

приговор был приведен в исполнение. Всего по групповому делу «ПОВ» в Уфе расстреляли 98 человек.

Супруги Чудовские виновными себя не признали...

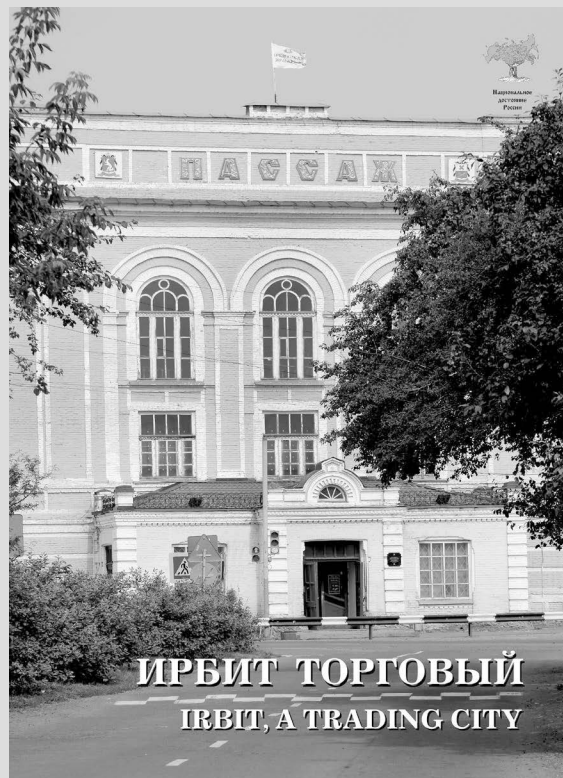
Они были оправданы и реабилитированы в 1958 году посмертно.

Валериан Адольфович не принял большевистский переворот 1917 года и долго не мог смириться с Советской властью. Он был достаточно просвещен, чтобы понимать – буржуазия и старая интеллигенция будут отринуты в условиях надвигающейся диктатуры пролетариата, о которой так много говорили большевики. Однако именно он внес заметный вклад в сохранение книжных богатств уже советской истории Нижнего Тагила в трудное послевоенное время.

Конец XX и начало XXI столетий стал временем переоценки ценностей, пересмотра значения многих событий и явлений в истории отечественной культуры, предсказанной российским ученым и патриотом В.А.Чудовским. Он верил, что «блестящие возможности Тагила являются ручательством того, что ...библиотека, выросшая, как вырастет проектируемый новый Тагил, достойно войдет в культурное оборудование этого будущего центра среднеуральской промышленной жизни»[22].

Примечания:

1. Архив Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» (НТМ-З). Ф. 57. Оп. 1. Д. 4. Л. 33.
2. Статьи В.А.Чудовского: «Путник» Валерия Брюсова // Аполлон. 1911. № 2; По поводу стихов Анны Ахматовой // Аполлон. 1912. № 5; «Русская мысль» и романы В.Брюсова // Аполлон. № 3; Футуризм и прошлое // Аполлон. 1913. № 6; О Мережковском, Некрасове и о политике в искусстве // Аполлон. № 7; Несколько мыслей к возможному учению о стихе, с примерным разбором стихосложения в первой главе «Евгения Онегина» // Аполлон. 1915. № 8/9; Несколько утверждений о русском стихе // Аполлон. 1917. № 4/5. Критик М.Л.Гаспаров оценил их: «статьи содержали тонкие наблюдения, но с фантастическими обобщениями».
3. Чудовский В.А. За букву Ъ // Аполлон. 1917. № 4/5. С. 5–81.
4. Чуковский Н.К. Богоборец // Литературные воспоминания. М., 1989. С. 172.
5. Чуковский Н.К. Дом искусств, клуб Дома искусств, литературная студия Дома искусств // Литературные воспоминания. М., 1989. С. 59.
6. Дело лицейстов. Эл. ресурс: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%BE_%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B5%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B2
7. Архив НТМ-З. Ф. 10. Оп. 18. Д. 3. Л. 3; см. Ганьжа С.В. Янушкевич и декабристы // Тагильский рабочий. 1988. 12 июля; эл. ресурс: http://historyntagil.ru/people/6_112.htm
8. Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. 26. Оп. 1. Д. 11. Л. 47–50.
9. Овечкина Э.Н. Из истории библиотеки Тагильского музея: 1920–1930 гг. : доклад на конференции, посвященной 75-летию краеведческого музея Н.Тагила. Рукоп. Не опублик. Архив НТМ-З. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1.
10. НТГИА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 12. Л. 70.
11. Чудовский В.А. Библиотека ТОМК. Нижний Тагил, 1930. С. 1–2.
12. Архив НТМ-З. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
13. Архив НТМ-З. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–18.
14. Архив НТМ-З. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 20.
15. Чудовский В.А. Библиотека ТОМК. Нижний Тагил, 1930. С. 5.
16. Чудовский В.А. Библиотека ТОМК. Нижний Тагил, 1930. С. 7–8.
17. Архив НТМ-З. Ф. 57. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.
18. Архив НТМ-З. Ф. 57. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.
19. Статья начальника Главнауки СССР М.Лядова напечатана в «Комсомольской правде» в апреле 1929 г.
20. НТГИА. Ф. 144. Оп. 1. Д. 69. Л. 23.
21. Архив УФСБ Башкортостана. Арх.-следст. дело № 2606 в 11 т. по обвинению Будриса Ф.Ф., Чудовского В.А. и др. (всего 100 чел.) в контрреволюционной шпионско-повстанческой организации «ПОВ» по ст. 58 п.п. 6, 7, 10, 11 УК РСФСР.
22. Чудовский В.А. Библиотека ТОМК. Нижний Тагил, 1930. С. 8.

СЕРИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ»

Города на Среднем Урале возникали как крепости, или как заводы, и только один Ирбит строился как торговый город. Действительно, Ирбит прославилась одна из крупнейших в России ярмарок, проходившая ежегодно с XVII по XX век, многократно описанная в книгах и исследованиях учёных, в статистических отчётах, хранящихся ныне в центральных государственных архивах, в архивах Тобольска, Перми, Санкт-Петербурга, Москвы.

Вот один из отзывов о ярмарке Б.Е.Зябловского в «Статистическом описании Российской империи в нынешнем её состоянии», изданном в 1808 году в Санкт-Петербурге: «... Между всеми Сибирскими местами город Ирбит по своей торговле занимает первое место, чему причиною учреждённая в нём ярмарка, которая обыкновенно начинается с первых чисел февраля и продолжается до марта. В сей ярмарке имеют участие купцы разных Российских городов, особливо Московские, Казанские, Астраханские, Оренбургские, Ярославские, Устюжские, Нижегородские и других мест. Но преимущественно приезжают на оную купцы Сибирских городов, как то: Екатеринбургские, Верхотурские, Тобольские, Тарские, Томские, Енисейские, Туруханские, Красноярские, Иркутские, Якутские и других городов.

Участие царского двора, правительства, губернаторов Пермской губернии, привлекавших к решению ирбитских проблем ведущих российских специалистов и архитекторов, обеспечило Ирбиту возможность строительства торговых объектов и жилых зданий, в которых отразилось всё многообразие архитектурных стилей от классицизма, «русского кирпичного стиля» до эклектики и модерна.

В городе сохранилось более 200 памятников истории и культуры XIX – начала XX века, – свидетелей Ирбитской ярмарки, являющихся национальным достоянием России.

С РЮКЗАКОМ И ГЕРБАРНОЙ ПАПКОЙ...

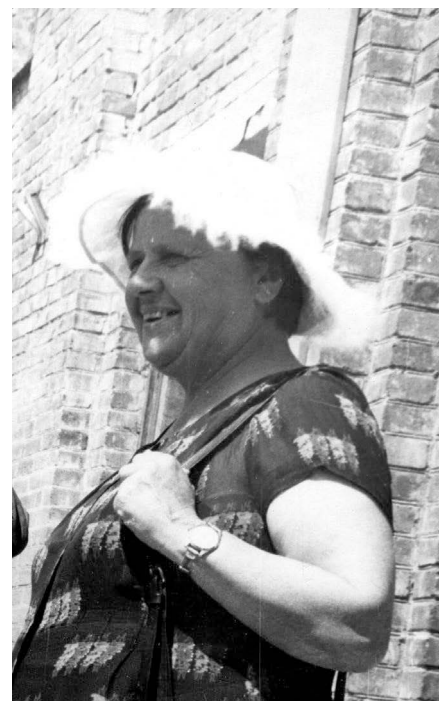
Татьяна ГУСЬКОВА
Ольга ХАЛЯЕВА

За 180 лет истории музея-заповедника в нем трудились немало замечательных людей, талантливых ученых. Среди них можно назвать и Н.М.Грюнер (1910–1972), выдающегося ботаника-исследователя, которая внесла огромный вклад в изучении флоры Тагильского края. Наталья Максовна была в числе тех, кого можно назвать «тагильчанами поневоле», то есть оказалась в Тагиле по трагическим обстоятельствам. Но наряду с П.Э.Рикертом, О.Н.Бадером, А.И.Россадович и другими она неустанно трудилась на благо нашего города, оставив в его истории заметный след.

Вероятно, будущая профессия Натальи Грюнер была определена еще до ее рождения. Ведь родилась она в семье ученого-агронома, а затем профессора и преподавателя института в 1910 году в Киеве. В юности у нее было много увлечений – после школы окончила курсы иностранных языков, брала уроки живописи, но, видимо, страсть к изучению растений оказалась сильнее. В 1934 году она поступила на биологический факультет Ленинградского университета. Там в числе ее учителей были такие выдающиеся ученые, как академик В.Л.Комаров, автор многочисленных трудов по систематике и географии растений, Г.Д.Карпенченко, ближайший сотрудник Н.И.Вавилов, генетик, географ, один из создателей учения о биологических основах селекции и мировых центрах происхождения культурных растений и многие другие. Годы обучения Н.М.Грюнер в университете совпали с обострившейся борьбой разных направлений в биологических науках в связи с деятельно-

стью лжеученого и авантюриста Т.Д.Лысенко, получившей поддержку правительства и лично Сталина, которая, как и многое другое в это время, приобрела политический характер. Это имело трагические последствия для науки и многих ученых, в том числе Н.И.Вавилова, его соратников и учеников. После окончания университета в 1939 году Наталья Максовна пришла на работу в цитологическую лабораторию созданного Н.И.Вавиловым Всесоюзного института растениеводства в качестве научного сотрудника. Перед ней открывались большие перспективы в научно-исследовательской деятельности.

Но уже в феврале 1940 года ее уволили в связи с усилившимися гонениями на последователей Вавилова. Спустя двадцать лет один из студентов спросит ее, знала ли она Н.И.Вавилова, на что она от-

Н.М.Грюнер.

ветила, что слушала его лекции и хорошо помнит, как во дворе на костре жгли книги Вавилова и его последователей-генетиков: «Страшнее зрелища я в своей жизни не видела». Она была вынуждена уехать из Ленинграда, ей удалось устроиться на работу в научно-исследовательский институт масличных культур в Краснодаре. Но ненадолго. Грянула война. И уже в августе 1941 года Н.М.Грюнер как «лицо немецкой национальности» была выслана в Казахстан, где прожила пять лет, до 1946 года, а маленькой деревне Самарке. Сначала работала в колхозе, потом – с 1942 года – учителем английского языка в местной школе. Казалось, путь в науку закрыт для нее навсегда. Но неожиданно мелькнул луч надежды: в конце 1946 года она получила известие от брата, работавшего на Урале в Висимском заповеднике, об открытии там вакансии геоботаника. Н.М.Грюнер прошла по конкурсу, и была принята научным сотрудником, в обязанности которого входило изучение флоры территории Висимского заповедника. Вернуться в науку! Это было великое счастье! Даже если при этом сохранялся прежний статус репрессированной, то есть человека с ограниченными правами, лишённого свободы передвижения. Вероятно, этим обстоятельством объяснялись такие черты характера Натальи Максовны – замкнутость и даже суровость, о которых вспоминают те, кто общался с ней в повседневной, обыденной жизни. Совсем иной – раскованной и счастливой она становилась в лесу, на природе, которую любила горячо и преданно. «Только там я чувствую себя защищенной», – говорила Наталья Максовна. Эти слова были понятны тем, кто знал о ее судьбе.

На Урале Н.М.Грюнер попала в новую для нее обстановку и условия жизни, что существенно изменило тематику и методы ее исследовательской работы. Хотя и не сразу, но она привыкла к суровой уральской природе, оценила ее своеобразную красоту и полюбила.

В Нижнетагильский музей Н.М.Грюнер пришла в 1950 году,

Н.М.Грюнер на полевых работах.

после расформирования Висимского заповедника. Сначала работала экскурсоводом, а с 1952 года – заведующей отделом природы. Главной задачей Натальи Максовны в музее стало создание новой экспозиции отдела природы. Это требовало интенсивной научно-исследовательской, собирательской и организаторской деятельности. Наталья Максовна с энтузиазмом взялась за новое для нее дело – ведь это тоже была научная работа – хоть и в необычной специфической форме! Очень важно было то, что в музее она встретила полное понимание и доброжелательную поддержку со стороны директора музея А.А.Саматовой, не побоявшейся принять находящегося «под надзором» репрессированного человека. Анна Акимовна сумела понять огромный научный потенциал нового сотрудника и неизменно поддерживала ее замыслы. Жила Наталья Максовна в самой скромной, можно сказать, аскетичной обстановке. Сначала ночуя прямо в музее на раскладной койке в отделе природы, позже, благодаря А.А.Саматовой, она получила маленькую однокомнатную квартиру, где жила вместе со старенькой мамой и маленьким племянником, которого взяла на воспитание из многодетной семьи брата.

Большое внимание, как и в заповеднике, Наталья Максовна уделяла экспедициям. Регулярно

она с рюкзаком за спиной и гербарной папкой уходила «на природу» в ближайшие или дальние окрестности города. Часто совсем одна, реже в сопровождении кого-то из технических помощников или местных краеведов. Возвращалась поздно вечером, а нередко даже ночевала в лесу у костра. Она прекрасно ориентировалась и в лесу. И по ее словам «никого и никогда не боялась». Экспедиционная работа Натальи Максовны была тесно связана с собирательской и экспозиционной деятельностью. За сравнительно небольшой срок ее работы в музее (с 1951 по 1960 гг.) ею были собраны гербарии флоры Нижнетагильской части Среднего Урала, коллекция насекомых и почв края.

Подлинной революцией стало создание Н.М.Грюнер новой экспозиции в отделе природы. До этого это был один из самых отсталых отделов краеведческого музея. Крайняя бедность оформления усугублялась низким научным уровнем содержания, идеологизированным в характерном для того времени духе примитивного атеизма и «лысенковщины», господствовавших тогда в биологии. В экспозиции преобладали макеты и плакаты из учебных пособий, отсутствовал местный материал.

Наталья Максовна начала свою работу с составления перспективного тематико-экспозиционного плана отдела. Старая экспозиция

Н.М.Грюнер за работой в лесу.

была снята и заменена новой, в содержании которой были использованы достижения современной музейной науки – в том числе ландшафтный метод показа природной среды, позволяющий наглядно выявить характерные особенности природы местного Тагильского края. В центре зала размещались ландшафтные диорамы: «Таежный лес», «Сосновый бор», «Подгольцовый субальпийский пояс», «Водноболотный ландшафт», в которых компактно, в природной обстановке показывались типичные представители животного и растительного мира местного края. Их дополняли гербарные панно. Природные богатства края демонстрировала диорама в виде «минералогической горки» под заголовком «Урал – богатейшая кладовая нашей страны». В результате был создан единый экспозиционный комплекс, который достаточно полно представлял природу Тагильского края. Новую экспозицию отдела природы высоко оценили как посетители музея, так и специалисты музейного дела, признавшие отдел природы Тагильского музея одним из самых лучших в стране. Важную роль эта экспозиция сыграла в жизни музея, став образцом для составления перспективных тематико-экспозиционных планов и планов комплектования на научной основе.

То же относилось и к составленной методической разработке экскурсии по экспозиции. На базе отдела не только проводились экскурсии, обзорные и тематические, организовывались занятия и семинары со студентами и преподавателями пединститута и работниками других музеев области. Н.М.Грюнер всегда стремилась расширить круг своего научного общения. Она установила связи с рядом академических учреждений, в том числе Томским университетом, Уральским отделением Географического общества при Академии наук СССР. «Музейный период» Натальи Максовны оказался исключительно плодотворным для ее научно-

исследовательской деятельности, она достигла значительных успехов в научных исследованиях.

К заслугам Н.М.Грюнер относятся созданные гербарии растений Тагильского края, а также обобщение многолетних метеорологических наблюдений, позволившие создать для экспозиции отдела «Календарь природы местного края».

В 1961 году Н.М.Грюнер перешла на работу в Нижнетагильский педагогический институт, где также сыграла огромную роль в обучении будущих биологов, в приобретении ими навыков полевой и научно-исследовательской работы. Будучи строгим и взыскательным наставником, Наталья Максовна увлекала их своей эрудицией, любовью к науке и своему делу. Студенты той поры с неизменной благодарностью вспоминают своего учителя.

Н.М.Грюнер и Т.К.Гуськова. 1960 г.

Нина ЧУДИНОВА

**Зав. отделом природы НТМЗ
«Горнозаводской Урал» с 1978
по 2005 год**

ПАУЛЬ РИКЕРТ

Работа в музее считается интересной и творческой. Прежде всего, из-за того, что это работа с раритетами – предметами, имеющими музейную ценность. Несомненно, это так. Но есть в музейном деле еще один аспект, который является не менее важным. Это общение с необыкновенными людьми, которые сами являются уникальными, благодаря энциклопедическим знаниям, личностным качествам – преданностью своему делу, увлеченностью, неистребимыми любознательностью и щедростью. Таких немало и среди музейных сотрудников, и среди тех, кто формально не был в штате музея, но, тем не менее, сумел вписать свою страницу в его историю. Среди них можно назвать Пауля Эмильевича Рикерта (1907–1971 гг.), человека необыкновенной, трагической и счастливой судьбы.

Пауль Эмильевич Рикерт (Хальперн) родился 30 октября 1907 г. в Берлине, а умер 30 ноября 1971 г. в Нижнем Тагиле. Пауль учился в классической гимназии с обязательным изучением древних и трех живых языков. Одновременно пел в хоре мальчиков Берлинского собора, в рамках гастролей хора побывал в разных странах Европы. Еще в раннем возрасте Пауль увлекся минералогией, в шесть лет он получил в подарок от отца коллекцию уральских минералов, которая была приобретена на Всемирной промышленной выставке в Берлине. С этой коллекцией и связано пробуждение глубокого интереса к минералам, переросшее в профессиональный интерес. В 1931 г. окончил отделение химии философского факультета Берлинского университета. В 1933-м защитил диссертацию на

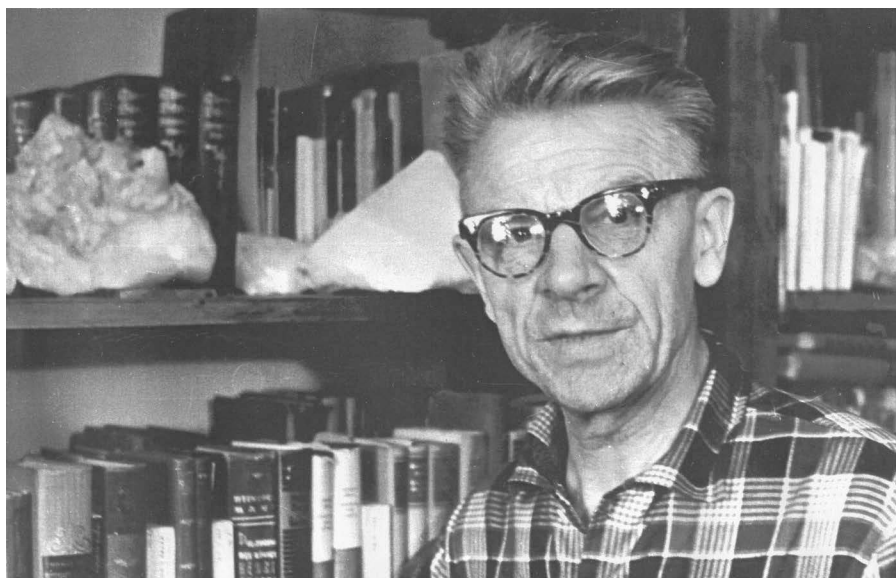
звание доктора философии в области химии. В студенческие годы окончил Высшие курсы по минералогии в Праге.

В 1928 г., будучи второкурсником, Пауль стал членом Германской компартии, участвовал в подпольной антифашистской борьбе. В 1934 году в связи с угрозой ареста нелегально покинул Германию, изменив свою подлинную фамилию Хальперн на эмигрантскую Рикерт.

Получив гражданство СССР, местом жительства выбрал Урал. Свердловск (Екатеринбург) привлекал его как крупный научный центр и интереснейший минералогический район мира. Здесь Пауль Эмильевич работал химиком-исследователем в институте УНИИХим. В 1937 г. он был арестован по обвинению в подготовке взрывов цехов ВИЗа. Решением Особого Совещания был признан социально опасным элементом

П.Э.Рикерт. Конец 1940-х гг.

П.Э.Рикерт. 1960-е гг.

(СОЭ) и осужден на три года лишения свободы с отбыванием срока в Онеглаге, на лесоповале. После освобождения в 1940 г. до июня 1941 г. работал на Первоуральском химическом заводе «Хромпик».

Когда началась война, был оставлен в тылу для окончания работ по методике холодного хромирования оружейных стволов. В ноябре 1941 г. был призван в трудармию в трест «Тагилстрой», на кирпичный завод мастером ОТК. В этот период П.Э.Рикерт разработал способ ускоренной сушки кирпича-сырца, что способствовало резкому увеличению производительности предприятия и обеспечило потребности строительства металлургических цехов и машиностроительных предприятий города.

Его друзьями по лагерю были профессор-археолог О.Н.Бадер, инженер-теплотехник В.Г.Вольф, инженер Б.В.Раушенбах, впоследствии ставший академиком, крупнейшим специалистом в области ракетостроения. По их инициативе в лагере работала «Малая научная академия». Каждый по своей специальности готовил лекции, доклады, порой переходившие в бурные обсуждения. В труднейших условиях, работая по 10–12 часов, эти люди находили возможность обучать других, развиваться в общении друг с другом. Это нашло свое отражение в графической серии Тагильского художника Михаила Дистергефта «В те

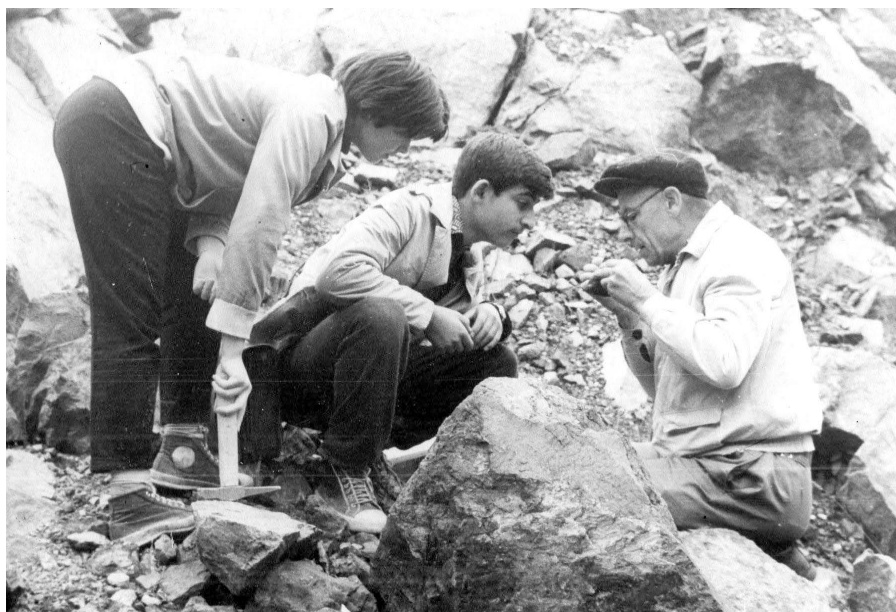
годы». «Малая научная академия» жила высокими духовными идеалами творческой интеллигенции и не позволила сломиться воле к жизни и творчеству в тяжелых условиях ГУЛАГа военных лет.

Обширные теоретические знания П.Э.Рикерт активно применял на практике. Так совместно с Н.Н.Березиным разработал способ приготовления растворов и бетонов для строительства в зимнее время. Внедрение этого изобретения позволило вести строительное бетонирование при температурах до минус 35.

П.Э.Рикерт был требовательным, принципиальным и бескомпромиссным в отстаивании

своих научных и моральных принципов. Работая в 1946 году начальником асфальтового завода, он отказался ввести в состав асфальта как компонент битумоподобные каменноугольные смолы, понимая и доказав, что они канцерогенны и опасны для здоровья людей.

С 1950 года начинается его педагогическая деятельность. Сначала в вечерней школе преподает химию, физику, иностранные языки. В 1957 году П.Э.Рикерт был принят в Нижнетагильский пединститут сначала преподавателем немецкого языка, затем химии. Пауль Эмильевич оказался талантливым, ярким педагогом,

П.Э.Рикерт с Б. и Е. Израйлевыми на Лебяжинском руднике. 1965 год.

которого с благодарностью вспоминали студенты.

«Достойная биография, – скажете вы, уважаемый читатель, – но причем тут музей?»

А дело в том, что практически весь тагильский период жизни Пауль Эмильевич самым тесным образом сотрудничал с краеведческим музеем.

Первые материалы от него поступили в музей в октябре 1946 г. Это была коллекция руд черных и цветных металлов в количестве 40 единиц. Сразу в комплектование коллекции была заложена система – руды железа, марганца, хрома были представлены в виде различных природных химических соединений: в виде оксидов, сульфидов и карбонатов, характеризующих генезис месторождений.

Буквально через полгода, в марте 1947 года Пауль Эмильевич на заседании секции делает сообщение: «О состоянии минералогической и петрографической коллекции музея; очередные задачи ее пополнения, дополнения в экспозиции». Через месяц уже состоялось открытие первой минералогической выставки.

Познакомившись с геологической коллекцией музея, а вернее сказать – изучив каждый образец этой коллекции, П.Э.Рикерт намечает перспективный план сотрудничества с музеем на долгие годы вперед – сборы образцов тех руд-

ников и месторождений, которые недостаточно охарактеризованы или вообще отсутствуют. Так, в 1959 году была собрана для музея коллекция руд и вмещающих пород Анатольского никелевого рудника (сейчас затопленные выработки называют «Голубые озера»).

В конце 1950-х – начале 60-х годов разрабатывались богатые залежи колчеданных месторождений. Паулем Эмильевичем в эти годы были переданы в музей коллекции медно-цинковых руд и серых колчеданов рудника III Интернационала, Левихинского, Карпушинского месторождений.

Собранные им коллекции отличаются особым пониманием значимости каждого образца в коллекции музея. Один из таких экспонатов – уникальный штупф бурого железняка Меднорудянского рудника, усеянный кристаллами куприта величиной до 1 см, является настоящим украшением геологической коллекции музея. Особенно хочется выделить бесценный подарок – прекрасную кристаллографическую коллекцию из 60 кристаллов, через которые раскрываются общие понятия и основные законы науки о кристаллах, показана симметрия как основа квалификации кристаллов, одним из разделов раскрывает рост и преобразование кристаллов в природе. К коллекции было разработано подробнейшее методиче-

ское руководство, как и много других пояснений к геологии района или природным геологическим явлениям. Пауль Эмильевич не был «кабинетным» ученым, он исходил Тагильский район и сопредельные территории вдоль и поперек, часто с тяжелым грузом добытых образцов. Ничто не останавливало его – ни дальность, ни погода, ни трудные условия.

В 1965 году П.Э.Рикертом был составлен первый для нашего края итоговый документ подобного рода: «Список минералов Н. Тагильского промышленного района», который содержал 149 названий минералов с указанием их формулы и места находок, а также литературного источника или личных наблюдений.

Его помощь сотрудникам музея при построении экспозиции отдела природы трудно переоценить. Эту экспозицию, существовавшую почти 20 лет, отличали и научность раскрытия тем, разнообразие и богатство минералогических образцов. Она была демонтирована в 1988 году в связи с ремонтом здания музея.

Немалая заслуга Пауля Эмильевича и в том, что он умел увлечь и сплотить вокруг себя таких же одержимых минералогией людей. Но особенно он опекал молодых и начинающих. Долгие годы он вел минералогический кружок юных геологов. Все, кому посчастливилось знать и общаться с П.Э.Рикертом, любовь к камню сохранили на всю жизнь.

Имя П.Э.Рикерта известно и глубоко почитаемо в нашем городе как настоящего патриота Тагила, много сделавшего для развития производства, для подготовки педагогических кадров города, и конечно, вложившего огромный вклад в комплектование минералогической коллекции музея-заповедника.

П.Э.Рикерт с учениками. 1960-е гг.

ОФИЦЕР. ПЕДАГОГ. МУЗЕЙЩИК

Ольга ХАЛЯЕВА

Зав. отделом работы со СМИ
НТМЗ «Горнозаводской Урал»

Самым удивительным образом эти три, казалось бы, очень разные профессии совместились в одном человеке, создав тот уникальный характер, который позволил Ивану Григорьевичу Семенову стать человеком неповторимой музейной судьбы, создателем в городе Нижнем Тагиле крупного многопрофильного музея-заповедника, в состав которого вошел и первый в России завод-музей истории черной металлургии.

Родился Иван Григорьевич 7 февраля 1926 года далеко от Нижнего Тагила – в селе Меховицы Савинского района Ивановской области. Свою огромную неизбывную любовь к своей малой Родине он пронес через всю жизнь.

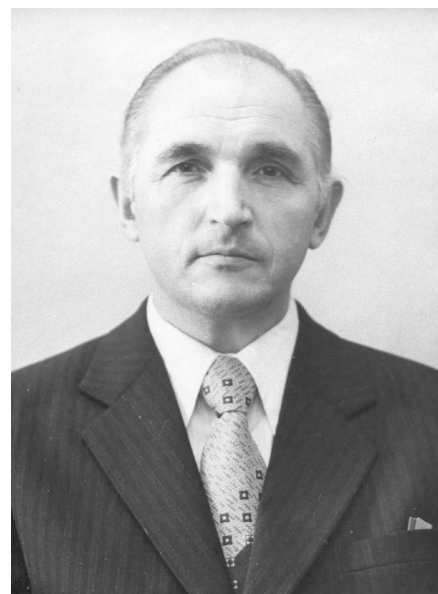
Подростковые и юношеские годы пришлось на суровые годы войны. И не было тогда желания более притягательного, чем защита Отечества. Поэтому учился в авиационном техникуме в Рыбинске, далее служил на Урале, в Молдавии и за рубежом. Пятнадцать лет Иван Григорьевич отдал этому делу, собирался посвятить военной службе всю свою жизнь. И очень болезненно переживал то, что сокращения в армии при Н.С.Хрущеве заставили его поменять свое дело.

Засел за книги, в 1961 году окончил филологический факультет Нижнетагильского педагогического института. Школа – это место, где были очень рады молодому энергичному директору. И, казалось бы, что свое место в жизни уже найдено, что хлопотные школьные будни – это навсегда. А тут снова перемены в судьбе – предложили возглавить краеведческий музей. Предложение исходило из горкома КПСС, без одобрения которого не про-

ходило тогда ни одно назначение на руководящую должность. Сам Иван Григорьевич не обрадовался такому предложению, поскольку мыслил свою дальнейшую жизнь педагогом. Но, с другой стороны, партийная дисциплина в то время была строгой, и решения горкома не обсуждались. Так, в больших сомнениях, И.Г.Семенов вошел в стены краеведческого музея.

– В школе – уроки, творческий учебный процесс, шумные эмоции ребят на перемене, а здесь в музее – тишина! Картины висят, бабушки-смотрители в экспозиционных залах сидят, а что я буду тут делать? – вспоминает Иван Григорьевич.

Благодаря службе в армии и работе в школе, И.Г.Семенов обладал немалым организационным опытом, при этом он понимал, что музей – это учреждение научное, и требует к себе особого отношения. А тогда в 1970-е годы, задачи вырастали одна за другой.

И.Г.Семенов. 1980 г.

Научные сотрудники музея. 1980 г.

Усиленное комплектование фондов требовало и быстрого внедрения собранных экспонатов в экспозиционный и научный оборот. Особенно остро стоял вопрос площадей для хранилищ и новых экспозиций. И.Г.Семенов вникал и контролировал все направления музейной работы, чтобы понимать их суть. Требования, планы иногда казались преувеличенными, завышенными, однако его уверенность, энергия, настойчивость заражали, и уже очень скоро становилось ясно, что выполнение задач вполне реально. Таким образом, пришло понимание и поддержка со стороны коллектива, но надо еще было убедить руководство города в перспективности музея, необходимости его расширения. Так постепенно вынашивалась идея музейного комплекса в Нижнем Тагиле. Ведь в городе сохранилось немало памятников истории и культуры, которые использовались самыми разными способами:

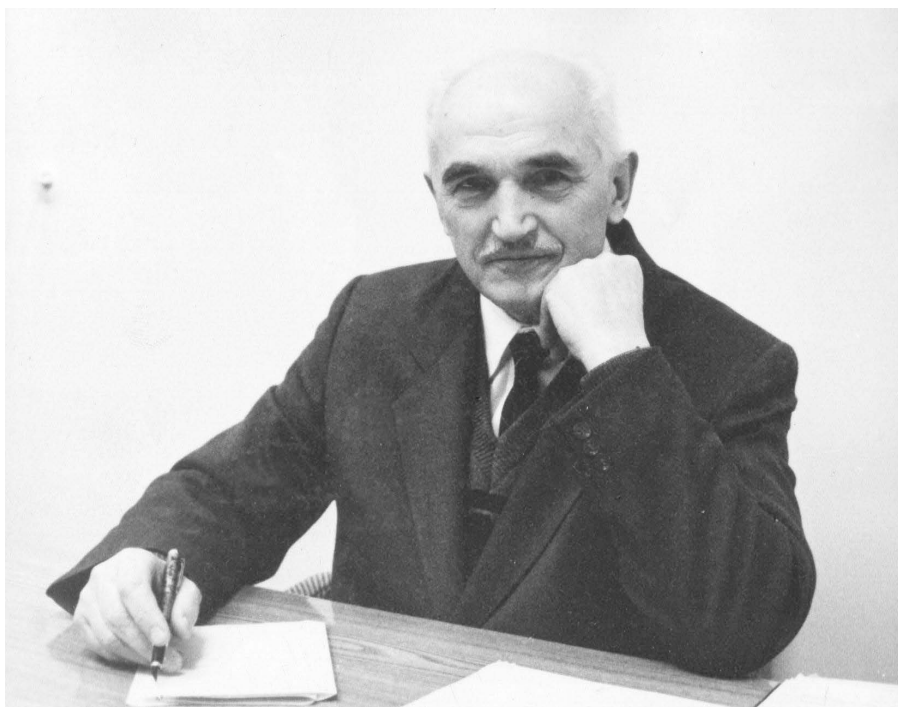
под жилые помещения, производственные мастерские и даже под гаражи!

Об истории постепенной передачи зданий памятников истории и архитектуры музею могут поведать целые тома переписки по каждому объекту, где настойчиво доказывалось, что использование памятников в музейных целях – это признак цивилизованности города. И в результате всех усилий в 1979 году совместным решением горкома КПСС и исполкома Совета народных депутатов было намечено создать целый комплекс на основе реставрации и музеефикации ряда зданий, являющихся памятниками архитектуры, истории и культуры.

Это была победа! Планы и идеи стали обретать реальные черты. Иван Григорьевич с головой уходит в строительство. Налаживает крепкие связи с архитекторами и строителями города. В Нижнем Тагиле создаются специальные

художественно-реставрационные мастерские, которые ведут ремонт зданий. Приходилось решать сотни вопросов по составлению проектной документации, привлечению специалистов – архитекторов, художников, археологов, изысканию строительных материалов и, главное, денег. План создания музейного комплекса включал 15 музейных объектов!

Но дело двигалось. И вот на месте поросшего бурьяном пустыря в центре города у парка им. А.П.Бондина возникают выставки под открытым небом: продукции НТМК и горнозаводской техники, открывается краеведческая библиотека, подходит к концу реставрация Нижних Провиантских складов – будущего фондохранилища, открывается музей истории подносного промысла, завершается капитальный ремонт здания краеведческого музея. А впереди еще больше – реставрация Господского дома, дома Черепано-

И.Г.Семенов. 1990-е гг.

вых, Верхних Провиантских складов...

И при таких огромных объемах и напряжении строительно-реставрационных работ ни на день не приостанавливалась вся текущая деятельность музея – научные исследования, командировки в архивы, экспедиции, экскурсии, лекции, выставки. Конечно, все это создавалось трудами, прежде всего коллектива музея, многочисленных его специалистов-энтузиастов, которые увлеченно и самоотверженно работали под руководством И.Г.Семенова, определявшего стратегию и тактику.

Воплощение идеи музеефикации памятников истории и культуры, создание музейного комплекса, открытие новых музеев в Тагиле и в других городах и поселках стали предпосылками для создания Нижнетагильского музея-заповедника.

Казалось бы, поставлена сверхзадача, на воплощение которой уйдут годы и годы. При этом в ходе этой работы стало ясно, что одним из важных, центральных объектов музейного комплекса должен стать металлургический завод им. В.В.Куйбышева. Идея создания музея-завода была высказана еще в 1920-е годы А.Н.Словцовым, первым советским директором музея. Старый (демидовский) за-

вод постепенно прекращал производство, давно передав свое первенство Нижнетагильскому металлургическому комбинату. Музейщики обратили внимание на его уникальность как памятника индустриального наследия. В 1980-е рупором необходимости сохранения его в качестве завода-музея в составе Нижнетагильского музея-заповедника стал Иван Григорьевич. Многие, когда впервые слышали об этой идее, только головой качали – это не реально. Слишком много «но» – совсем разные подчинения – завод им. В.В.Куйбышева состоял в

структуре Министерства черной металлургии СССР, а музей – относился к Министерству культуры Российской Федерации. Кроме этого завод – это не экспозиционный зал, – возражали музейщикам, – создать экспозиции на такой территории, обеспечить экспозиционную логику, комфорт и безопасность посетителей?

Вот именно в этой обстановке на «перекрестке» развития музея и проявилась уникальность И.Г.Семенова как стратега, как человека с неординарным мышлением, оригинальными, не типовыми решениями – то, в чем другие видели препятствие, он увидел преимущество. Разное подчинение – отлично, у нового музея-завода будет два родителя – Министерство черной промышленности СССР и Министерство культуры РСФСР! Ивану Григорьевичу удалось создать крепкую команду единомышленников, и не только в стенах музея – ими стали специалисты Нижнетагильского металлургического комбината, и преподаватели и студенты Свердловского архитектурного института, и, что очень важно, сами ветераны этого старого завода – все они сумели увидеть в этой красивой идее не утопию, а возможность реального ее воплощения.

В январе 1987 года совместным Постановлением МК РСФСР и исполкома Свердловского Совета народных депутатов (№ 5124 от 21.01.87 г.) принято решение о соз-

Конференция ТИССИ. Сентябрь, 1993 г.

И.Г.Семенов. 2006 год.

дании в Нижнем Тагиле музея-заповедника горнозаводского дела Среднего Урала.

С принятием Постановления о создании музея-заповедника в активной форме начались переговоры с Министерством черной металлургии СССР о передаче вновь созданному музею-заповеднику Нижнетагильского металлургического завода им. В.В.Куйбышева и созданию на его основе музея-заповедника.

В январе 1989 года на базе старого металлургического завода, основанного Демидовым в 1725 году, был создан первый в России отраслевой музей-завод истории техники черной металлургии, вошедший в состав музея-заповедника.

Это была огромная победа и еще большая ответственность.

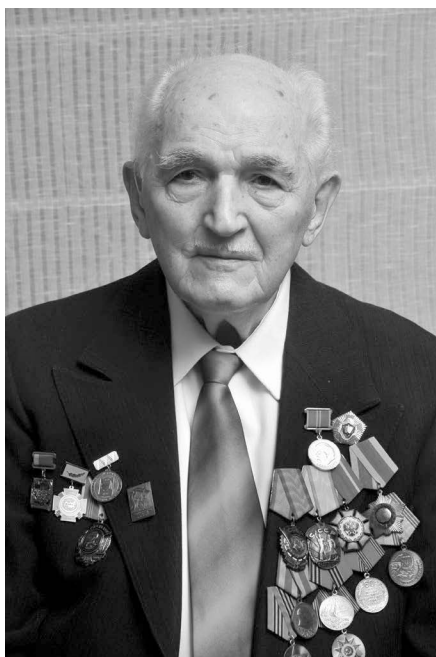
Была разработана глубоко продуманная комплексная программа, принятая и утвержденная министрами. В ней были предусмотрены сложные технические работы: восстановление сооруже-

ний и памятников промышленной архитектуры и их музеефикация. К исполнению их предусматривалось привлечение высокопрофессиональных специализированных проектных и строительных организаций союзного значения: института «Уралгиромез», «УралстройНИИкомплект», «Спецпроектреставрация», Свердловский архитектурный институт и, конечно НТМК. Это было великолепное время – вдохновения и энтузиазма, когда каждый день был днем свершений, движения вперед. Были созданы основные экспозиции музея-завода. Музей-завод становился реальностью!

Но проблемы в стране нарастали. Заявляла о себя нарастающая инфляция. Мы подробно остановились на вопросе завода-музея, так как подобный проект впервые осуществлялся в России. Но, однако, в это время активно проходила и вся многообразная музейная деятельность – строительство экспозиции Музея быта и ремесел и горнозаводского населения, новые вы-

ставки, оборудование новых хранилищ, перемещение коллекций из аварийного здания в Нижние Провиантские склады, экскурсии, лекции, экспедиции...

Музейная жизнь происходит в постоянной динамике. Однако при решении важных повседневных забот совершенно необходимо видеть перспективу развития, особенно это важно для такого многопрофильного учреждения, как музей-заповедник – все его структурные подразделения должны развиваться в тесной взаимосвязи, чтобы картина уральской истории представала во всей полноте и богатстве. И музейный коллектив Нижнетагильского музея-заповедника, руководимый И.Г.Семеновым, вполне справлялся с такой нелегкой задачей, в сложнейшей обстановке 1990-х годов, когда уменьшилось, а то и прекратилось финансирование многих направлений и проектов, когда в городе возникли многомесячные задержки выплаты заработной платы, которые в конце 1990-х го-

И.Г.Семенов. 2016 г.

дов достигали несколько месяцев. И какой бы сложности не вставали задачи, какие проблемы не возникали бы – генеральный директор музея-заповедника, всегда предельно сосредоточенный, собранный, доброжелательный, подавал пример своим сотрудникам в работе, в отношении к делу. Иван Григорьевич понимал, что лучшее средство от депрессии – это работа и еще раз работа.

Не удивительно, что к концу 1990-х годов развитие музея-заповедника привело к возникновению идеи индустриально-ландшафтного парка, создание которого могло бы способствовать решению большого комплекса культурных, научных и социально-экономических проблем в городе. В 1990-е и начале 2000-х годов в Нижнем Тагиле прошли международные научно-практические конференции по проблемам сохранения индустриального наследия.

В рамках международного сотрудничества возрастал не только престиж, но и профессиональный опыт научного коллектива музея.

А у истоков таких грандиозных замыслов стоит Иван Григорьевич Семенов. Он пришел в краеведческий музей, располагающийся в одном здании, и создал музей-заповедник, в состав которого вошли более десяти объектов, в том числе и в других городах. В каждом

объекте, в каждом здании, экспозиции и экспонате есть частичка его души, его труда! И сейчас, несмотря на преклонный возраст, Иван Григорьевич не спешит использовать право на заслуженный отдых. В 2010-х годах вышло четыре(!) книги о Нижнем Тагиле и его музеях, в которых он выступил автором и составителем! Кроме того, именно Иван Григорьевич собрал средства спонсоров на их издание.

Вклад И.Г.Семенова в развитие культуры и города высоко оценен правительственными наградами: орденами «Знак Почета» (1976), «Трудового Красного Знамени» (1986), Орденом Почета (1996), орденом Дружбы (2006). С гордостью Иван Григорьевич носит звание Заслуженного работника культуры РФ, Почетного гражданина города Нижний Тагил, Почетного члена Академии искусств и художественных ремесел им. Демидова. В 2006 году был награжден «Почетным знаком ИКОМ России» за значительный вклад в развитие международного музейного сотрудничества, а в 2014 стал лауреатом премии Губернатора Свердловской области им. О.К.Клера «За значительный вклад в развитие музейного дела».

**СЕРИЯ «КАМЕННЫЙ ПОЯС:
ВЗГЛЯД
СКВОЗЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ»**

Предлагаемая книга посвящена судебным деятелям последнего состава имперского Екатеринбургского окружного суда (1918–1919 гг.). Тем, кто достойно исполнял свой служебный долг в тяжелейший для отечественной истории период Гражданской войны, повлекшей великие потрясения и потери среди всего людского населения страны, в том числе и служителей Фемиды. Тема эта навеяна одной шокирующей информацией о том, что «весь состав» этого суда был уничтожен большевиками в связи с тем, что в его стенах велось расследование уголовного дела о царевубийстве.

Так ли это? Когда, где и при каких обстоятельствах все произошло. Чтобы ответить на эти вопросы потребовалось обратиться к архивным и официальным источникам. Естественно, что сведений на этот счет крайне мало. Но незначительные результаты все-таки появились. С ними мне хочется поделиться.

Прежде всего, тем, что на деле ока- залось не совсем так. Часть коллектива суда, боясь расправы, вынуждена была эмигрировать из России навсегда. Некоторые деятели, рискуя жизнью, прятались от красных, где и как придется. Некоторые, действительно были расстреляны. Среди них – прокурор суда В.Ф.Иорданский, член суда И.А.Сергеев, следователь А.Д.Намёткин. О них и тех людях, кто так или иначе соприкоснулся с трагической гибелью последнего российского императора и его окружения, идет речь в нашем повествовании.

Людмила Павлова.

РУДНЫЕ РАРИТЕТЫ

Ольга ХАЛЯЕВА

Зав. отделом работы со СМИ
НТМЗ «Горнозаводской Урал»

В этом году исполнилось 300 лет с момента начала разработки горы Высокой, давшей начало городу Нижний Тагил, ставшей основой горнопромышленной империи заводчиков Демидовых. Это событие сыграло большую роль не только в истории Урала, но и России.

Выдающийся деятель горнозаводской промышленности А.С.Ярцов писал в начале XIX века: «Особливо же оный завод (Нижнетагильский) от других отличается Магнитною горою, или высокогорским рудником, состоящим из лучшей и богатейшей железной руды. Сия гора лежит на расстоянии от завода только две версты, а вышиною около 40 сажень... Итак, она Магнитная гора везде крута и имеет подобие конусного вида. В ней же богатейшая и лучшая руда лежит на Юго-Западной стороне из чистейшего железника, с са-

мой вершины и до подошвы. Но сколь глубоко простирается она руда ниже горизонта, еще не изведано». [1]

Руда горы Высокой содержала большое количество железа – на 100 пудов руды выплавлялось 50 пудов железа. Добывать ее было сравнительно легко, потому что она лежала неглубоко и местами выходила на поверхность. Все это делало ее очень привлекательной для заводо-владельцев Демидовых, которые пришли на Урал еще в 1702 году. Никита Демидович Антюфеев (1656–1725) был в числе тех, кто проводил экспертизу образцов с Магнит-горы (так тогда называли Высокую) и отлично понимал ценность этого месторождения и приложил максимум усилий, чтобы получить право на его разработку. История знакомства Н.Д.Демидова с Петром I, получение в собственность Невьянско-

Пластина с надписью на рудной горке. 1728 г.

Фигурка рудокопа на основании горки.

Выставочный павильон с образцами металлов Нижнетагильских заводов. Нижний Новгород, 1896 г.

го завода, начало строительства Выйского медеплавильного и Нижнетагильского чугунно-плавильного и железоделательного заводов основательно изучены и широко отражены не только в научной, но и в художественной литературе и в кинематографе.

В собрании Нижнетагильского музея-заповедника есть рудные раритеты, которые свидетельствуют о том, что Демидовы очень хорошо осознавали, что является источником и гарантом процветания их предприятий. Они были заинтересованы в демонстрации мощи своих ресурсов, что способствовало укреплению их влияния при дворе императора и усилению власти в крае.

Акинфий Никитич Демидов (1678–1745) следовал моде того

времени собирать и создавать «редкости», и делал это в своем «горнозаводском» стиле. До наших дней дошли некоторые из них.

Один из ранних раритетов, имеющих точную датировку – это Рудная горка (пирамида) 1728 года. В каталоге Горнозаводского музея 1906 года указана Рудная пирамида, выполненная в виде выкованной из меди горки, изображающей рудник, когда-то на вершине «горы» находился вороток с фигуркой мастера-рудокопа возле спуска в шахту, сейчас обе эти детали утрачены. Второй рудокоп в немецком кафтане находится «внутри» горы. Сама горка, полая внутри, представляет собой четыре яруса, на которых в особых гнездах размещены образцы

руд из 38 месторождений. На одной из пластинок у нижнего края надпись: «Сия гора содержит на себе медные и железные руды, которые в ведомстве господина дворянина Акинфия Демидова лежащие при его Сибирских заводах. Содействована ноября 14 дня 1728 года». Все гнезда с образцами пронумерованы, на пластинах у основания написаны названия рудников, откуда взяты образцы. Все надписи на русском языке.

История изготовления горки малоизученна. Традиционная версия гласит, что она была заказана во время путешествия Акинфия Демидова (1678–1745) в Пруссию. Именно этим и объясняется тот факт, что сохранившаяся фигурка рудокопа изображена в немецкой одежде.

Однако в Свердловском государственном архиве (ГАСО) в деле «Рапорты заводских контор заводоуправления, расходные ведомости, описи различного имущества. 1737–1740» в описи значится «пирамида из красной меди, сделанная при Невьянском заводе с работными рудами»[2]. Может, это речь идет о нашей рудной горке? Такую вероятность вполне можно допустить.

Тогда кто же сделал пирамиду – саксонские или невянские мастера? Как тогда объяснить немецкое платье рудокопа? Окончательных ответов пока нет. Возможно, сама горка была сделана за границей, но гнезда заполняли образцами, а также крепили таблички с наименованиями рудников уже в Невьянске? Об этом говорит и тот факт, что декоративное оформление гнезд и пластин с надписями различаются.

Примечательна и сама форма горки, выполненная в виде шапки Мономаха, где вместо драгоценных камней вставлены образцы руд из 38 месторождений, принадлежащих горнозаводчику, в том числе, конечно и Высокогорского.

Еще не все секреты этого уникального экспоната разгаданы.

В XVIII веке активно велось изучение магнетизма. В Московском университете в физическом кабинете М.В.Ломоносова в отделе «Магнетизм» были собраны магниты различных размеров, форм и силы из магнитного уральского камня. Для преобразования в прибор магнитному камню придавалась форма бруска,

Место примагничивая груза.

Табличка «Штуф».

Магнит большой, *Первая половина XVIII в.*

Магнит маленький
в медной оправе. XVIII в.

снабженного с торцевых сторон пластинами из мягкого железа, увеличивающими силу притяжения стальных полюсов. Обычно просечной футляр из меди или латуни не только украшал магнит, но и играл роль функциональной арматуры. На верхней пластинке магнита отводилось место для подвески – дужки или кольца. Заключение в декоративную оправу, магнит воспринимался и как физический прибор, и как роскошная диковинка, способная удивить и развлечь. В Московском университете проводились опыты для студентов и знатных гостей со специальными демонстрационными приборами, к которым причислялись постоянные магниты. В конце XVIII – начале XIX в. демонстрация опытов широкой публике была своего рода популяризацией накопленных знаний о природе магнетизма.

Завораживающий природными свойствами и декоративностью, магнит в оправе уже в XVIII в. стал предметом коллекционирования. Самое крупное собрание престижных раритетов – 76 магнитов, оправленных в серебро и медь, – принадлежало Акинфию Никитичу Демидову[3]. Сегодня в Нижнета-

гильском музее-заповеднике хранятся два магнита.

Это штуф магнитного железняка Высокогорского месторождения в медной оправе 1 пол. XVIII века, который удерживает груз весом 50 кг. Большой штуф руды укреплен на мощной стойке в виде буквы «Г» при помощи крюка. Сам штуф в форме призмы с 10 гранями (декагон) имеет высоту 40 см, а основание – 34 x 34 см. Сверху и снизу штуф окантован медной оправой с ажурным рисунком. Вверху имеются ручки, к которым крепится соединительная часть желтого цвета в виде фигурного треугольника, вершина которого укреплена на крюке. К нижней части крепятся железные полюса в виде призматоеидов. На них силой магнетизма держится железный брусок, который является основанием фигурного железного крюка, к которому прикреплены четыре изогнутых прута, удерживающие лист железа, на который установлена гиря в 50 кг.

Этот экспонат датируется 1 половиной XVIII века. Раритет имеет ограждение явно более позднего происхождения – перила, обтянутые медным листом, удерживают пруты, завязанные узлом. Такие демонстрировались во 2-й половине XIX века на Всероссийских и региональных промышленных выставках в павильоне Нижнетагильских и Луньевских заводов. Значит ли это, что штуф в оправе также демонстрировался на одной из них? Такой информации пока нет. Также сейчас мы видим укрепленную на ограждении прямоугольную металлическую табличку с рельефной надписью «ШТУФЪ МАГНИТНАГО ЖЕЛѢЗНЯКА ВЫСОКОГОРСКОГО РУДНИКА». Именно ее мы видим на большеформатном фото (45 x 65 см) 1896 года «Павильон наследников П.П.Демидова на Всероссийской промышленной выставке», в центре которого запечатлена глыба магнитного

железняка весом 3,5 т, которая выступает самостоятельным экспонатом выставки. Возникает вопрос, когда большой магнит обзавелся такой оградой? Скорее всего, это произошло в 1890-е годы, когда музей был преобразован в Горнозаводской. Этот вывод подтверждает и фотография Горнозаводского музея, где магнит запечатлен уже с оградой.

Второй магнит совсем небольшой. Он имеет форму параллелепипеда размером 6,5 x 5 см. Он обрамлен в ажурную оправу из меди, которая крепится на двух винтах. Сверху имеется медная накладка с двумя отверстиями для подвешивания. Внизу, на зеленомедной пластине, – надпись: «КАМЕНЬ.ВВЕСУ 1 $\frac{1}{8}$ ФУ.ПОДЫМАЕТ 7 ФУНТЪ». Прямых указаний на то, что этот магнит из коллекции Акинфия Демидова, нет. Но по художественному решению оправы его вполне можно отнести к XVIII веку.

Рудным редкостям из коллекции Нижнетагильского музея-заповедника, как и самому Нижнему Тагилу, скоро исполнится 300 лет. Но они не перестают удивлять посетителей музея!

Благодарю за помощь в написании статьи Н.В.Зайцеву и А.М.Зимина.

Примечания:

1. Ярцов А.С. Российская горная история. Уральская часть. Книга вторая: [рукопись 1810 г.] науч. ред. Н.С.Корепапов. – Екатеринбург: Издательский дом Баско, 2019. СС. 96-97.

2. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 11. Л. 558. Малеева Л.П. От «Музеума естественной истории и древностей» до краеведческого музея. / Музей горнозаводского дела. – Екатеринбург: Баско, 1995. С. 19.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА УЧЕНИЦЫ И ПОХОРОНЫ ЗАВОДЧИКА

Дарья СИМОНОВА

Научный сотрудник
Нижнетагильского
музея-заповедника
«Горнозаводской Урал».

Вели ли вы личный дневник, куда заносили значимые события, мысли и эмоции? Многие смогут ответить на этот вопрос утвердительно. Особенно это притягательно для юного возраста, когда чувства и эмоции намного острее. Такие записи интересны, так как показывают события, чувства, эмоции человека 50, 100 и более лет назад... Но иногда, кроме этого, мы находим в личном дневнике такие факты, которые позволяют полнее восстановить картины исторических эпизодов. Предлагаю к ознакомлению личную записную книжку ученицы конца XIX века из фондов Нижнетагильского музея-заповедника, которая публикуется впервые. Даты в записях указаны по старому стилю (юлианскому календарю).

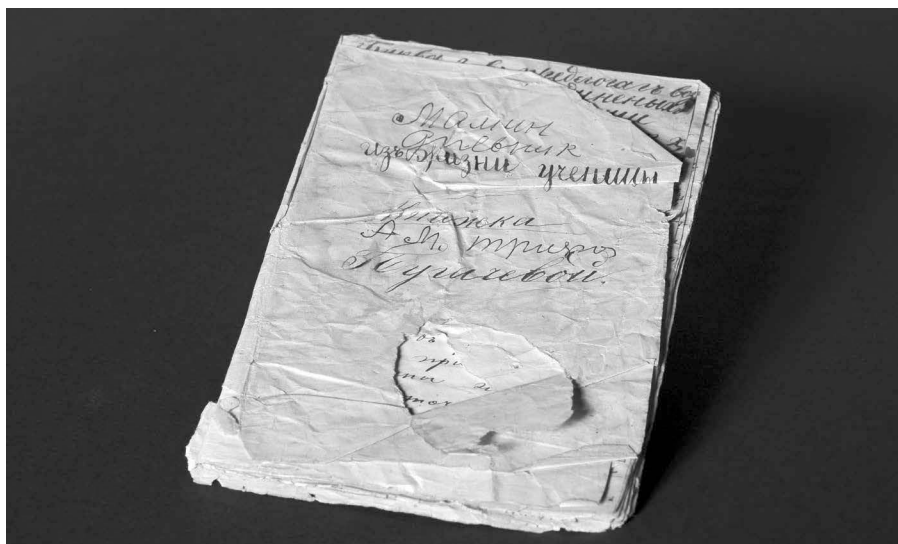
ЗАГАДКА САШИ ПУГАЧЕВОЙ

Свой дневник некая Саша Пугачева сделала себе сама, много и старательно потрудившись. За-

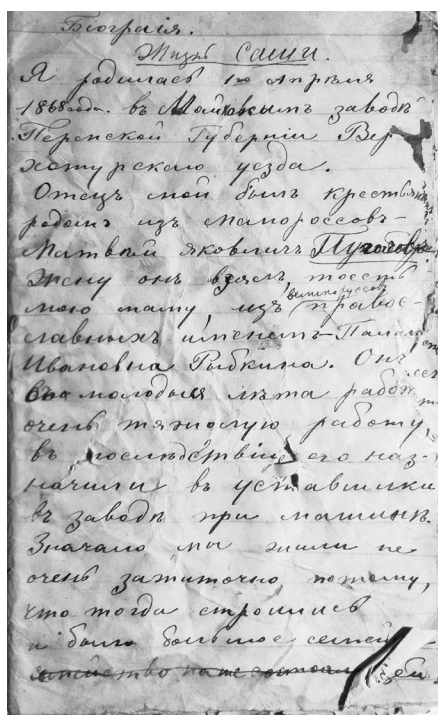
писная книжка состоит из сложенных пополам четырнадцати листов белой бумаги (18,0 x 21,5 см), прошитых между собой по центру белыми нитками. Края страниц неровные, что говорит об их раскрое из большого по размерам листа при помощи канцелярского ножа. На каждой странице сделана вручную тонкая разлиновка карандашных строчек для письма. Строчки заполнены хорошо читаемыми рукописными чернильными записями с исправлениями и добавлениями.

На первой странице в центре размещен чернильный заголовок: «Изъ жизни ученицы. Книжка Пугачевой», поверх которого шариковой ручкой в более позднее время сделана надпись: «Мамин дневник А.М.Трифоновой...»

В биографическом заголовке «Жизнь Саши» четко читается имя, и сомнений, казалось бы, нет, что это – Александра Пугачева. Но некоторые детали вызывают подозрения, а именно – исправленная фамилия отца. А самое главное, что в учетных документах музея-заповедника написано черным по белому о принадлежности книжки Агафье Матвеевне Шкабаре (в замужестве Трифоновой). На это указывают и данные, записанные в книжку: дата и место рождения – «1 апреля 1868 года», «Лайский завод» (записано с исправлениями), имя отца – «Матвей Яковлевич» (запись фамилии «Шкабара» выправлена на «Пугачев»), имя матери – «Пелагея Ивановна Рыбкина». Итак, автор данных строк их дочь – Агафья Шкабара (по метрической выписке «Агапа»). Такое запутывание в именах было создано специально, чтобы при попадании дневника в чужие руки читатель

Записная книжка ученицы Нижнетагильского Анатолевского училища.
1885–1886 гг. Фото Т.Н.Дубинина.

Страница записной книжки
с биографическими данными
владелицы.

не сразу и сообразил – кто же его автор.

Еще один прием шифрования данных от нежелательных читателей был применен Агапой-Сашей. Вторая страница содержит аккуратную запись двух правил чистописания: о написании буквы «с» в приставках перед глухими согласными (к, п, т, х, ч, ш, щ) и написании буквы «і» перед всеми гласными. Этот прием часто использовался в ведении личных дневников для того, чтобы отвести любопытство постороннего читателя и замаскировать личную информацию под словари и иные учебные справочники.

Судя по записям, перед нами предстает общительная, подвижная девушка, с живым умом и проницательным взглядом.

Агафья кратко описывает свою учебу в школе Лайского заводского поселка. Учителя при школе часто менялись, и девочке пришлось два года обучаться в первом классе. Это не помешало ей в дальнейшем стать самой успешной, одаренной ученицей и быть рекомендованной к поступлению в Анатольевское женское училище в Нижнем Тагиле.

Год начала ведения дневника – 1885. В это время Агафье

исполнилось 17 лет, и она обучалась уже второй год в третьем выпускном классе училища (обучение было двухлетним в каждом классе). Много записей связано с воспоминаниями танцевальных вечеров, где юная особа не переставала кружиться в вальсах и отплясывать кадрили, постоянно знакомясь с новыми кавалерами. Имена молодых людей в записях обозначены сокращенно – буква фамилии и точка.

29 ИЮНЯ 1885 ГОДА

Эта дата в записях выделена особо. В этот день Агафье, несмотря на летние месяцы каникул, пришлось приехать из Лаи в Тагил для совместного участия выпускниц училища в траурных похоронных мероприятиях. В Нижний Тагил было доставлено тело заводовладельца Павла Павловича Демидова (1839–1885), который скончался в январе 1885 года на вилле Пратолино близ Флоренции в Италии и там же был временно захоронен. С середины июня траурная процессия с телом покойного проследовала из Италии через Киев, Москву, Нижний Новгород, Пермь в Тагил для захоронения в склепе Выйско-Никольской церкви – родовой усыпальницы Демидовых. Это было большое событие для заводского поселка.

В фондах Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозавод-

ской Урал» имеются несколько фотографий, фиксирующих продвижение траурной процессии по заводскому поселку от вокзала до Выйско-Никольской церкви. Считалось, что все эти фотографии были сделаны в один день. Но записи в дневнике Агафьи свидетельствуют о другом: похоронные мероприятия проходили три жарких летних дня.

«В первый день мы пошли встречать Д. (сокр. Демидова) на вокзал, для этого собрались все в училище и здесь нас А. Ив. учила маршировать, как говорится, повертывать взад-перед. На месте, где дожидались Д. (сокр. Демидова) Н. (сокр. имя ученицы) делалось дурно от жары, а также в силу болезни».

«На другой день мы провожали Д. (сокр. Демидова) из Собора на Выю».

«На третий день были похороны Д. (сокр. Демидова), тогда мы стояли все ширинкой и мимо нас пронесли все хоругви, знамена, венки и украшения, и я увидела саму княгиню и дочь ее Аврору Павловну. Потом мы ушли в училище, туда приезжала княгиня, мы ее встретили, преподнесли букет от имени всех учениц».

Таким образом, на основании этих записей, мы узнаем, что сначала тело заводчика встречали на вокзале, потом в торжественно оформленном катафалке переместили во Выходо-Иерусалимскую

Лайский завод. Конец XIX в.

церковь, именуемую у жителей Собором, и только на второй день – в усыпальницу во Выйско-Никольской церкви, где собственно погребение произошло уже на третий день – 1 июля 1885 года.

ПОДГОТОВКА К РОЖДЕСТВУ

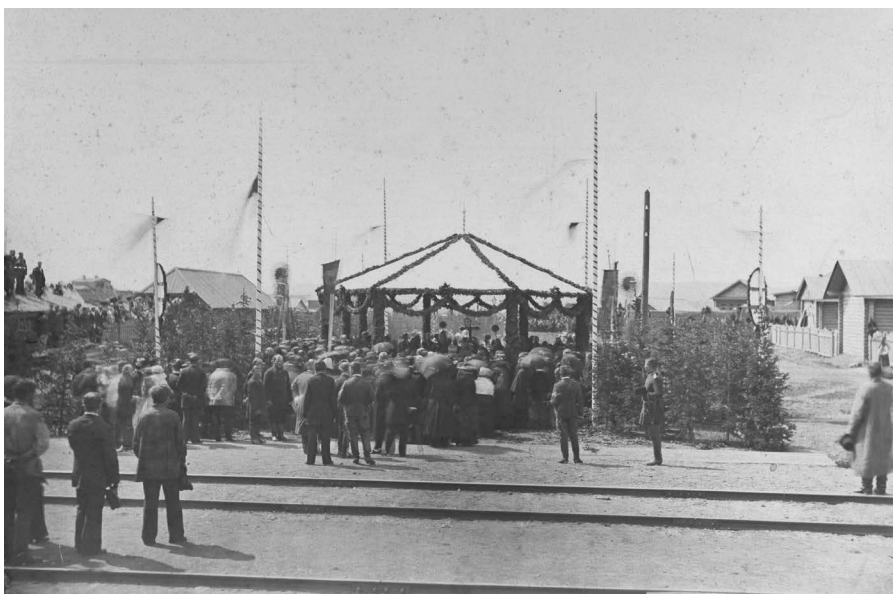
После такого памятного события, как похороны заводчика, жизнь ученицы пошла своим чередом. За летними событиями в дневнике следуют чернильные записи о времяпровождении юных барышень горнозаводского поселка в зимнее время между 1885–1886 годами.

Уже в ноябре начиналась подготовка к празднованию Рождества. На святочные мероприятия планировали театральные спектакли, в которых задействовали учениц старших классов училища. В декабре 1885 года готовились постановки рождественских пьес: «О сиротках» и «Не в свои сани не садись», в которых участвовала Агафья. В пьесе «О сиротках» ей дали роль Дуни. Роли мальчиков в постановках приходилось играть самим ученицам, и они достались двум подругам Агафьи. Одна из них, после проведенных репетиций, начала дразнить Агафью. В ответ от владелицы дневника последовали угрозы о разглашении личных тайн подруг. Случилась девичья ссора, длившаяся несколько дней. Но вскоре пришло примирение.

30 ноября 1885 года ученицы впервые увидели фокусника. Он приходил договариваться о проведении будущего представления в стенах училища. Все смотрели на него «как на медведя», так как он был в своем постановочном костюме, к тому же строил гримасы, раскланивался и смеялся. На следующий день 1 декабря состоялось выступление фокусника, но Агафья была вынуждена его пропустить. Она пишет в дневнике, что не было настроения после ссоры с подругами, и признается, что денег тоже не было. Вход стоил 10 копеек с каждого зрителя. Подробности выступления девушка

Здание Анатолевского женского училища (в 1899 г. преобразованного в Павло-Анатолевскую гимназию). Начало XX в.

Похороны П.П.Демидова. Траурная процессия у железнодорожного вокзала. 1885 г.

Похороны П.П.Демидова. Траурная процессия у Выйско-Никольской церкви, усыпальницы рода Демидовых в Тагиле. 1885 г.

Похороны П.П.Демидова. Траурная процессия у Вхо-Иерусалимской соборной церкви. 1885 г.

смогла узнать только по рассказам подруг.

2 декабря Агафья не ходила на улицу, занялась вязанием шали. К тому же с ней приключилась «беда». Полотенце, которым она пользовалась, оказалось запачканным чернилами. От чего ее подруга Дора пела ей: «Спаси ее Боже!!!»

3 декабря ученицы училища сильно переживали из-за болезни учителей «Калчанова» и «Павла Степановича Левицкого». Это так тронуло девичьи сердца, что к вечеру на съемной квартире не умокали разговоры. Беседы касались темы быстротечности жизни. Новый 1886 год был последним в школьной жизни учениц. Они оканчивали выпускной класс Анатолевского училища. Все невзгоды и ссоры показались подругам мелочными перед будущим расставанием друг с другом. Для утешения они читали стихотворения и отрывки из прозы. Агафья к тому же была

вынуждена дошивать новое полотно взамен испорченному чернилами. В это время ее подруги успели сходить на зимнюю прогулку покататься.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

6 декабря праздновался Николлин день. Агафья с подругой Машей сходила «ко всенощной в Выйскую церковь», а вечером она уже посетила театр, где было множество ее знакомых. В театре ставилась драма «Светить да не гореть». По воспоминаниям Агафьи: «Всех лучше в этот день играл Рудановский, а также Надежа С.П. и Боташев хорошо играли». В тот самый вечер Агафью провожал некто «Т.», ставший в будущем ее мужем. Сердечные письма-признания между Агафьей и Измаилом Трифоновым будут написаны чуть позже, через три года в 1888 году. А пока только трогательная запись в дневнике о начале знакомства и проведенной ночи без

сна из-за сердечных переживаний.

Последующие несколько дней кавалер не показывался и не давал о себе знать. 7 декабря следует отчаянная запись в дневнике: «Сегодня пойду на улицу кататься – всё». Далее 25 декабря – «Рождество, ходила к обеду. Ничего не было веселого».

Агафья Матвеевна Шкабара
(в замужестве Трифонова).
Конец XIX в.

26 декабря начались Святочные гуляния. Агафья уехала домой к родным в Лайский завод, где вечером была организована елка. Молодая девушка веселилась, танцевала, познакомилась со всеми служащими Лайского завода. На эту елку приезжали знакомые Агафьи, имена которых в дневнике остались зашифрованными инициалами.

28 декабря состоялся маскарад, где Агафья переодевалась в русский костюм, представляясь молодым человеком, и отплясывала русскую с кадрилию. По записанным воспоминаниям следует, что было очень весело.

В последние дни декабря девушка вернулась в Тагил и была рада увидеть своих подруг: Машу и Дору. Встреча Нового 1886 года прошла весело с танцами у «реалистов» (учащихся Реального училища). Первые январские деньки запомнились юной особе собственными выступлениями в театральных постановках, роли к которым были розданы еще в ноябре, и участием в маскарадных вечерах. Здесь Агафья уже переодевалась цыганкою ради розыгрыша. Иногда вечерами девицы играли «в пешки». К сожалению, не уточняется, что за настольная игра. Возможно, так называли игру в шашки.

Следующие записи дневника хочется привести дословно, так как в них выражено первое девичье волнение, сердечный восторг от происходящих встреч с молодым человеком.

Измаил Мисайлович Трифонов.
Конец XIX в.

«12 января. Началось ...гуляла с Т.»

«13 января. Продолжается ...»

«15 января. Идет... тоже гуляла, вечером сегодня Маша (близкая подруга) собирает дневник заводить».

ТРАВЛЯ «ВОРА»

Сильное беспокойство учениц вызвало событие, произошедшее 24 января. В дневнике оно подписано как «Травля вора». Вечером из окна дома, в котором проживали, барышни увидели мужчину. По рассказам девушек он уже не раз приходил во двор и постоянно что-то высматривал. Взрослых рядом не оказалось. Девушки переживали за сохранность своего белья, развешанного после стирки в коридоре. Вооружившись сковородкой, тесаком, зажженной свечой и с криками они выскочили в коридор. Там никого не оказалось, только от окна виднелись следы на снегу по всему двору. Когда юные особы сняли с веревок белье и вернулись в комнату, то через окно снова увидели мужика, уже стоящего на дороге. Они начали ему грозить и кричать. Это сильно позабавило Агафью и ее подруг. Остатки вечера были проведены за вышиванием с обсуждением о ворах и воровстве. Ситуация почти повторилась в начале февраля. Снова в окне был замечен какой-то мужчина. Опять девушки кричали и пытались напугать непрошеного гостя. Им оказался салдинский мастер, направленный в Тагил по заводским делам и по просьбе знакомых привезший денег одной из учениц. Когда всё выяснилось, то все долго дружно хохотали.

КАТАНИЕ НА САНКАХ

Больше всего в девичьих записях встречаются воспоминания о танцах. Так 5 февраля танцевали «по случаю именин К.О». В этот раз количество приглашенных барышень оказалось меньше, чем кавалеров, и Агафья протанцевала кадрили с каждым из кавалеров по восемь, а то и более раз. Но по окончанию торжества она возвра-

щалась домой в сопровождении своего поклонника, обозначенного инициалом «Т...»

Теплыми зимними вечерами девушки ходили кататься на санках. Это было веселым развлечением. Санки с горки иногда скатывались ровно, а иногда они неслись очень быстро и в конце опрокидывались вместе с ездоками в близлежащие канавы. Агафья с подругой Машей любили подобные катания и потом долго смеялись после опасных спусков. Совместно проведенная зима 1886 года для этих учениц в Анатольевском училище была последняя. На этом моменте записи в дневнике прерываются. Отчерченная чернильная линия отделяет уже следующий период жизни.

Дневник «Саши» – это яркая картина жизни молодежи в провинциальном заводском поселке, описания учебы и досуга девушек почти 140 лет назад!

Ученицы завершили обучение и покинули учебное заведение. Летом их ждали разъезды по домам, а затем радостные поездки в гости друг к другу. В начале сентября 1886 года Агафья Шкабара успешно выдержала экзамен «на городскую учительницу» и вступила в самостоятельную взрослую жизнь.

ИНДИЙСКАЯ ДРАМА НА ТАГИЛЬСКОМ ПОДНОСЕ

**Светлана
ПЕРЕВОЗКИНА**

Научный сотрудник НТМЗ
«Горнозаводской Урал»

Фотография подноса
на 4-й странице обложки
журнала.

Мимо этого экспоната пройти невозможно. Старинный поднос привлекает посетителей не только сочностью красок, совершенством формы и росписи, но и драматичностью и «нездешностью» сюжета. Речь идет о подносе-картине Сидора и Василия Дубасниковых «Отъезд детей Типу Султана из Зенаны», который является ярким примером сюжетного направления уральской лаковой росписи по металлу.

ФОРМА: ПРОЧНОСТЬ И АЖУР

Прямоугольная форма подноса, имеющего размеры 62 x 81 см, выполнена методом холодной клепки. Именно так изготавливали формы в XVIII и 1-й половине XIX веков. Все составные части (а их могло быть до 10 деталей!) готовились отдельно: дно подноса, бортики, ручки... Бортик при помощи толстой проволоки закатывался в гуртик. Дно подноса и бортик в холодном виде соединяли с помощью металлических клепок (штырьков). С обратной стороны подноса присоединяли металлические полоски, так называемые ножки-стяжки, которые укрепляли его.

Поднос «Отъезд детей...» выполнен традиционно, он имеет высокие (около 6 см) борта, украшенные двойным просечным узором – цепочкой прямоугольных треугольников со сглаженными углами, обращенных вершиной вниз, и рядом частых поперечных прорезей. Узоры эти называются незамыслова-

то: решетки и чашечки. Верхний край бортика украшен бусовидной каймой, что тоже является типичным для нижнетагильских подносов. Кованые ручки приклепаны к бортику. Соединение всех деталей подноса было выполнено так виртуозно, что места соединения практически не видны!

Позже, во 2-й половине XIX века стали делать кованые подносы. Это было связано с внедрением в производство в 1775 году листокакатального стана – изобретения тагильского изобретателя Е.Г.Кузнецова (1725–1804). Прокатанные на стане листы сортового железа были более тонкие. Выкройка подноса делалась по специальному шаблону. Потом отковывали форму молотком. Клепаные подносы постепенно уходили в прошлое.

АВТОРЫ

Авторы росписи – братья Сидор и Василий Дубасниковы. На подносе имеется клеймо «Заведение Естифея О.Голованова».

Сидор Васильевич Дубасников (1781–1850-е гг.) – личность, вокруг которой не прекращаются споры историков и искусствоведов. Сын приписного крестьянина Нижнетагильского завода Василия Ивановича и его жены Пелагеи Сидор выполнял заводские повинности по поставке на завод древесного угля. Потом постигал премудрости лакировщика на «фабрике» кустаря-предпринимателя Голованова. К сожалению, ему не пришлось обучаться профессиональным

приемам академического искусства в живописной школе, открытой заводоладельцем Н.Н.Демидовым в 1806 году, так как возраст уже вышел. Однако секреты живописного мастерства С.В.Дубасников постигал в тесной взаимосвязи с местными иконописцами, которые оказали на него существенное влияние. Постепенно у него выработались свое видение и миропонимание, неповторимый почерк и стилевые приемы. Это и проявилось в подносе «Отъезд детей...» Изображаемые персонажи получили интересную цветовую интерпретацию: образы стали многозначными.

Очевидно, С.В.Дубасников в начале XIX века был одним из лучших и перспективных живописцев Нижнего Тагила. Ему было доверено расписать уникальный механический раритет, созданный Е.Г.Кузнецовым-Жепинским – музыкальные дрожки, которые создавались почти двадцать лет. На них Сидор Дубасников разместил 13 миниатюр с жанровыми и «галантными» сценами, а также портрет изготовителя дрожек. Кроме того подписал: «Сии дрожки малевал тогож господина и завода [Николая Никитича Демидова, владельца Нижнетагильских железоделательных заводов] Сидор Дубасников. Нижне-Тагильский завод». Сейчас уникальные дрожки хранятся в Государственном Эрмитаже. Скопив небольшие сбережения, С.В.Дубасников открыл свое собственное дело.

В 1840-х гг. С.В.Дубасникову удалось выкупиться из крепостной зависимости и при получении «вольной» он пожертвовал тысячу рублей на содержание реального училища в Нижнем Тагиле.

Творчество С.В.Дубасникова – яркий пример народного таланта. Его живописное мастерство просто и правдиво, а работы – подлинные образцы неистощимой фантазии, стремления к

красоте, жизнестойкости и оптимизму. Этот живописец вписал замечательную страницу в историю художественной культуры Урала.

СЮЖЕТ

Долгое время поднос анонимировался как «Отъезд детей Типпо-Саида из Зенаны» или «Отъезд детей Типпо-Саида и Зенаны». При этом была некоторая путаница в определении сюжета: кто, куда и зачем уезжал? Достоверная и полная трактовка сюжета стала возможной при использовании сети Интернет. Несмотря на огромные возможности новых технологий, поиск оказался долгим, не простым, но результативным. Итак, Типу Султан – мусульманский правитель (1782–1799 гг.) индийского государства Майсур со столицей в Серингапатаме. Вошел в историю как «Тигр Майсура», вдохновитель противостояния британским колонизаторам, национальный герой Пакистана и некоторых штатов Индии.

В союзе с Францией Султан вел англо-майсурские войны с Британской Ост-Индской компанией, стремясь вытеснить ее из Индии и установить свое влияние на юге.

Еще в правление своего отца Типу Султан одержал значимые победы над англичанами в первой и второй англо-майсурской войнах.

Однако во время третьей англо-майсурской войне (1790–1792 гг.) британские войска под командованием генерал-лейтенанта лорда Корнуоллиса, генерал-губернатора Индии, осадили Типу Султана в его укрепленной столице острова Серингапаттам.

Типу Султан был вынужден подписать мирный договор, уступив британцам большую часть ранее завоеванных владений, а также уплатив контрибуцию в 33 миллиона рупий, до полной выплаты которой в Мадрас в качестве заложников

были отправлены двое его малолетних сыновей: десятилетний принц Абдул Халик и восьмилетний принц Мохин-уд-дин. Момент их отъезда из Зенаны и изобразил художник. (Зенана – часть дворца или дома, в которой проживают женщины и малолетние сыновья.)

Сыновья Типу Султана прощаются с женщинами своей семьи, один обнимает стоящую на коленях женщину справа, другой шагает вперед, оглядывается и показывает на своего брата, протягивая руку мужчине, который ждет на вершине пролета от лестницы налево, а внизу стоят люди с двумя слонами, чтобы везти князей. В марте 1794 г. после исполнения всех условий мирного соглашения заложники были возвращены отцу.

Вот такая увлекательная история далекой Индии была запечатлена на зеркале тагильского подноса-картины.

РОСПИСЬ

Однако каким образом в уральском заводском поселке появилась эта индийская история? Почему она привлекла внимание художника?

Сама сцена является копией картины, выполненной в 1793 г. английским историческим художником и портретистом Мазером Брауном (1761–1831 гг.)

Однако Сидор и Василий Дубасниковы имели дело не с оригинальной картиной размером 48х60,6 см, а с ее уменьшенной черно-белой гравюрой работы Франческо Бартолоцци. Откуда же в далеком Нижнетагильске появилась эта гравюра? Дело в том, растущий спрос на изделия промысла, большое количество талантливых мастеров привлекают внимание тагильского заводоладельца Николая Никитича Демидова, который с целью создания господской лакировальной фабрики распоряжается открыть частную школу живописи в 1806 году. Для пре-

подавания в школу был приглашен выпускник Академии художеств Василий Албычев. В школе преподавали основы классической живописи, рисунка, прививали знания законов композиции. Цветными изображениями и гравюрами снабжал школу сам заводовладелец. Видимо, в их числе была и черно-белая гравюра работы Франческо Бартолоцци. Задача Дубасниковых как художников состояла в том, чтобы увеличить размер гравюры до размера подноса, а также самостоятельно подобрать цветовую гамму. Как мы видим, с этой задачей художники блестяще справились.

В данном подносе прослеживается преемственность между плоскостным иконописным направлением, которое принесли на Урал старообрядцы, и декоративным искусством. Это выражается в условном построении фигур действующих персонажей, замкнутой композиции, колорите. Живопись нанесена на темно-коричневый фон. Общая гамма росписи выдержана в коричневато-зеленоватых тонах. Центральная группа фигур высветлена чистыми белыми и пурпурно-красными пятнами одежды, складки которой тщательно прописаны. Благодаря такому цветовому решению центр композиции словно выступает из более темного фона.

Интересно, что мастера усиливают декоративность подноса-картины с помощью широкой полосы традиционного золотного орнамента с растительными мотивами, расположенной по периметру подноса.

«Отъезд детей Типу Султана из Зенаны» – великолепный образец росписи по металлу периода расцвета лаковой живописи в 1-й половине XIX века, мы можем увидеть в экспозиции Музея истории подносного промысла.

P.S.

Однако раскрыты далеко не все секреты «Отъезда детей...» Этот красивый и дорогой предмет был изготовлен или для продажи на ярмарке, или на заказ. В этом случае интересно узнать: сюжет был взят произвольно или утвержден заказчиком? Почему поднос в итоге остался в Тагиле? Возможно, цена его оказалась очень высокой, и на него не нашлось покупателя? А может быть, его заказал житель Тагила? Кто это мог быть – поклонник ориентализма?

Будем надеяться, что когда-нибудь исследователи найдут ответы на эти вопросы!

АТОМНЫЕ
ГОРОДА
УРАЛА

ЯДЕРНЫЙ
ОРУЖЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС УРАЛА:
создание и развитие

СЕРИЯ «АТОМНЫЕ ГОРОДА УРАЛА»

История реализации атомного проекта СССР на Урале многогранна. Подробно исследовать все ее аспекты в одной публикации задача трудновыполнимая. Многолетние исследования различных аспектов строительства ЯОК позволили убедиться в этом неоднократно.

Анализ современного состояния публикаций по рассматриваемой в монографии проблеме показал, что, несмотря на имеющийся серьезный задел и наличие трудов об истории каждого предприятия, в историографии отсутствует целостное обобщающее исследование производственной деятельности и развития предприятий ЯОК, расположенных на Урале. Цель данной работы – восполнить этот пробел и провести комплексное исследование процесса строительства автономного цикла предприятий атомной промышленности Урала. Выявив особенности производственной деятельности и технологических цепочек между ними, мы сможем определить их вклад в реализацию важнейшего общегосударственного проекта XX века, а также в развитие созданных при них населенных пунктов за весь послевоенный период.

Хронологические рамки труда охватывают период с середины 1940-х гг. до 2021 г., представляя исследуемый феномен в максимально возможной для его анализа полноте.

Особенность представленной публикации заключается в комплексном исследовании истории каждого предприятия в контексте происходивших в стране событий и наиболее важных проблем в их производственной деятельности на основе опубликованных источников и с привлечением неопубликованных ранее рассекреченных архивных материалов из ведомственных, региональных архивов и фондов предприятий, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Виктор Кузнецов.

БЕГ С ЯЩИКАМИ ДЛЯ ПАТРОНОВ: КТО ДОСТИГ ФЕНИША?

Елена КАЗАКОВА

Специалист по учету
музейных предметов НТМЗ
«Горнозаводской Урал»

В 1930-е годы спорт в Советском Союзе занимал особое место. Страна с воодушевлением строила «новый мир», и жить в этом мире должен был сильный и красивый человек. Но не только это являлось движущей силой занятий физкультурой. Не менее важной стала идея защиты советской Родины, спорт приобретал военизированные формы, готовил будущих защитников Родины.

СИЛЬНЕЕ ВСЕХ, БЫСТРЕЕ ВСЕХ И ВЫШЕ ВСЕХ!

В собрании Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал» хранится фотоальбом «Фотографии по физической культуре и спорту с 1932 года», который содержит 203 фотографии, которые посвящены спортивным соревнованиям, тренировочному процессу и праздничным

спортивным парадом в Нижнем Тагиле.

Вот снимки I Районной Динамовской спартакиады, которая проходила 18–24 июня 1932 года: торжественный парад спартакиады и моменты соревнований по прыжкам в длину и высоту, метание гранаты, стрельбы и др.

Настоящий спортсмен, а, тем более, динамовец, – это боец, который должен быть готов и к военным условиям. Не случайно на груди одного из спортсменов отчетливо можно увидеть памятную ленту с надписью «Через физкультуру подготовим здорового бойца в Р.К.К.А.» Именно поэтому огромное внимание уделялось таким дисциплинам, как метание гранаты и стрельба. В альбоме есть фотографии, зафиксировавшие максимально военизированные виды соревнований: бег с патронным ящиком, бег в противогазе.

Не меньший интерес, но уже педагогический, заключен в фото-

Бег с ящиками для патронов.

На старте бега в противогазе. Нижний Тагил.

снимках с участием детей в городском физкультурном празднике, посвященном XVII съезду ВКП(б). Программа праздника включала лыжные гонки, соревнования на коньках и хоккей. Участниками праздника были спортсмены общества «Динамо», коллективы предприятий и учреждений, учебные заведения и части РККА. На фотографии мы видим детей на лыжах и с лыжными палками в руках, стоящих на старте соревнования. Физкультура и спорт заключали в себе мощный воспитательный потенциал. Готовить бойца за идеалы коммунизма нужно было с детства. На снимке прекрасно видно, что лыжные палки у многих детей слишком длинные и не соответствуют росту. Бежать по дистанции с таким инвентарем будет затруднительно, однако советские школьники были воспитаны таким образом, что никакие трудности не способны были сломить их. «Советский школьник должен быть вынослив, настойчив и смел» – такое наставление давалось ребятам в 1934–1935 учебном году. Умение выносить все тяготы, неудобства и лишения вырабатывалось в советских детях с самого детства.

Соревнования в те годы хоть и предполагали систематические тренировки и подготовку к ним, всё же были частью массового спорта, доступного и понятного среднестатистическим гражданам страны. Заниматься лыжными гонками, кататься на коньках и даже уча-

ствовать в хоккейных баталиях в принципе можно и без специальной физической подготовки, рассматривая их как вариант досуга. В 1932 г. Всесоюзным советом физической культуры был утвержден и введен в действие комплекс «Готов к труду и обороне» II ступени, который включал в себя уже 25 испытаний, среди которых были прыжки на лыжах с трамплина (для мужчин), фехтование, прыжки в воду и преодоление военного городка. Выполнение этих испытаний, очевидно, требовало от человека систематических тренировок и безукоризненного технического исполнения. Возросшая травмоопасность комплекса ГТО повышала его статус, одновременно делая его более профессиональным.

12 марта 1935 г. в Нижнем Тагиле на городском трамплине проводится первая сдача норм на II комплекс ГТО. Трамплин рассчитан на 15-метровый прыжок. В альбоме есть фотография «Лыжный трамплин Тагильского ПСО «Динамо», датируемая 9 марта 1935 г. В правом верхнем углу отмечена и фамилия фотографа – Иванов. Сегодня такой высоты трамплин классифицировался бы как учебный, однако для того времени был самым что ни на есть соревновательным. Присмотревшись к фото, можно увидеть проложенную на трамплине лыжню и стоящих на вершине людей. Прыжок даже с такого трамплина в самых про-

стых лыжах, надетых на валенки, превращался в настоящее испытание.

СПОРТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Восемь листов посвящено зимним видам спорта. Среди всего многообразия представленных фотографий одна особенно бросается в глаза. Ее притягательность объясняется не столько ярким сюжетом, сколько явной орфографической ошибкой, запечатленной на снимке. На групповом снимке «На старте. Мужчины» мы видим стоящих в одну шеренгу лыжников, ожидающих стартового свистка. Над их головами висит растяжка «СТАРТ-ФЕНИШ». Даже самый далекий от лингвистических изысканий человек вряд ли сделает ошибку в этой части слова – ударная гласная в корне находится в сильной позиции и не нуждается в проверке. Можно было ошибиться в безударной гласной, написав «финеш». Сегодня это слово имеет статус словарного и его написание легко проверяется по орфографическим, толковым и иным словарям, но в начале 1930-х гг. дело обстоит несколько иначе. В орфографическом словаре И.Н.Шапошникова за 1928 г. слово «финиш» попросту отсутствует, будучи замененным на слово «финал». Объяснить это можно иностранным происхождением дан-

«Сдавай на значек».

Футбольная команда.

«Старт – финиш».

Спортивный парад.

ного слова. В толковом словаре В.З.Овсянникова за 1933 г. и орфографическом словаре Д.Н.Ушакова за 1936 г. слово «финиш» уже имеется, однако эти издания увидели свет несколько позже, чем датируется данный снимок – 1932 г. Очевидно, что уповать – в поисках грамотности и правописания – только лишь на словари в 1930-е гг. было бы опрометчиво: эти издания, хоть и издавались большим тиражом (словарь Д.Н.Ушакова был издан в количестве 500 тыс. экземпляров), имели спрос только среди специалистов.

Лингвистическая дискуссия, начатая в 1920-е и продолжившаяся в 1930-е гг., имела целью упрощение русского языка, который должен был отражать сознание пролетария и быть понятным, лаконичным и незамысловатым. Изданный в 1930 г. «Проект Главнауки о новом правописании» включал более 100 предложений по реформированию орфографии и пунктуации русского языка, однако большинство из них носили рекомендательный характер. В Проекте попросту отсутствуют как рекомендация, так и норма написания ударных и безударных в корне слова, поэтому написание многих слов по-прежнему оставалось индивидуальным. Таким образом, написание «фениш», с точки зрения грамматики 1930-х гг., нельзя рассматривать как ошибку. «Общеобязательный свод правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. унифицирует и введет единые нормы правописания.

Точка в конце заголовка, корябаясь взгляд современного зрителя, является важной деталью для установления датировки снимка. Современная пунктуация русского языка не предполагает постановку точки в конце заголовка. В Проекте 1930 г. так же нет каких-либо рекомендаций относительно этого правила. Вместе с тем, все заголовки в самом Проекте Главнауки написаны с точкой на конце. Лингвисты считают, что необходимость ставить точку в конце заголовка была отменена на рубеже 1932–1933 гг. Основанием для этого предположения служит сравнение двух справочных изданий – «Справочника корректора» 1932 г. (под ред. Л.И.Служивова) и «Технико-орфографического словаря-справочника» 1933 г. (под ред. Л.Филиппова). Первый содержит четкое требование постановки точки в конце заголовка: «После заголовка и подзаголовков ставить обязательно точку» (Шварцкопф с. 158), в то время как второй заявляет о написании заголовков без точек на конце и необходимости их удаления (если таковые всё же имеются): «...корректор должен позаботиться о том, чтобы случайно набранные точки были удалены».

Подобные языковые каламбуры встречаются и на других фотографиях из этого альбома, проливая свет на лингвистические нормы 1930-х гг. На уже известной нам фотографии динамовцев, победителей агитпробега, на груди у А.Иванова – 5-й слева во втором ряду – на памятной ленте видна надпись, содержащая, по современным языковым нормам, орфографическую ошибку: «Сдавай на значек». В орфографическом словаре И.Н.Шапошникова это слово встречается и пишется через букву «о», в то время как Проект Главнауки рекомендует под ударени-

Тагильский трамплин.

ем писать «о» только после твердых «ж», «ш», «ц», а после мягких «ч» и «щ» писать «ё». В то же время, в 1930-е гг. сохраняется и фонетическое написание слов (как слышится – так и пишется), что нашло отражение в Проекте, где авторы предлагают, чтобы избежать путаницы в написании, основывать данную норму правописания на произношении.

Так, казалось бы, не имеющие отношения к сфере языкознания фотографии спортивной жизни тагильчан 1930-х гг. представляют не только историко-культурный, но лингвистический интерес.

Можно сказать без преувеличения, что альбом хранит на своих страницах ценнейший материал по истории развития физической культуры и спорта в Нижнем Тагиле в 1930-е гг. Фотографии позволяют визуально представить образ нового советского человека – homo soveticus – закалившегося в революционных событиях, борца, готового на подвиг во благо Родины. «Стальной», «железный» человек – это идеальный тип человека тоталитарной культуры, в телесности и духовном мире которого нет места эфемерности и рафинированности. Именно такими предстают спортсмены-тагильчане на снимках из альбома.

БОКАЛ КАК СПОРТИВНЫЙ ТРОФЕЙ

Фото Г. Н. Дубинина.

Анна БЕЗЗУБЕЦ

Научный сотрудник
НТМЗ «Горнозаводской Урал»

В наше время разнообразие бокалов и кружек буквально зашкаливает! По имени, по знаку зодиака, с логотипами предприятий и изображениями домашних питомцев – на любой вкус и цвет!

В 1930-е гг. ситуация была иная. Посуда была стандартная, особым разнообразием не отличалась, а в определенный период стала использоваться для идеологической пропаганды! Но вот такой бокал, несомненно, занимал почетное место в шкафу, им гордились, его берегли.

Бокал не отличается красотой и изяществом, изготовлен из фаянса, высота – 8,5 см, диаметр – 7,5 см. На тулове в технике трафаретной аэрографии изображен значок ГТО: в зубчатом колесе пятиконечная звезда, в центре которой силуэт бегущего человека в майке и шортах, пересекающего ленту с надписью «Готов к труду и обороне». Цепочка прикреплена к сиреневому ромбу с надписью «ЦИК С.С.С.Р. ВСФК». В верхней части предмета, у кромки, две зеленых отводки, между которыми даты «1933–1934 гг.». На донце штампом надглазурное красное клеймо. Серия таких пропагандистских бокалов была выпущена на Дмитровском фарфоровом заводе в первой половине 1930-х годов.

Бокал из коллекции музея-заповедника имел свою хозяйку – А.Г.Волкову, по мужу Гурину (1916–2001). Агния Григорьевна была награждена бокалом с символикой ГТО в 1935 году за участие в областных соревнованиях по лыжам среди девушек. Хранятся в собрании музея-заповедника и эти лыжи – деревянные, покрыты темным лаком, на одной из лыж клеймо «ENSV», на другой – белой краской нанесены инициалы «А.Г.».

Агния была активной спортсменкой.

«ГТО» – сокращенное название спортивного комплекса «Готов к труду и обороне», утвержденного Всесоюзным советом физической культуры при ЦИК СССР – вступил в действие 11 марта 1931 г. Комплекс ГТО был направлен на повышение уровня физического воспитания и мобилизационной готовности советского народа, в первую очередь молодого поколения. На тот момент он состоял всего из одной ступени и предполагал выполнение 21 испытания, 15 из которых носили практический характер: бег на 100, 500 и 1000 м; прыжки в длину и высоту; метание гранаты; подтягивание на перекладине; лазание по канату или шесту; поднимание патронного ящика весом в 32 кг и безостановочное передвижение с ним на расстоянии 50 м; плавание; умение ездить на велосипеде или умение управлять трактором, мотоциклом, автомобилем; умение грести 1 км; бег на лыжах на 3 и 10 км; верховая езда; продвижение в противогазе на 1 км.

К 1941 году число сдавших нормы ГТО I ступени достигло 6 млн человек, а ГТО II ступени – более 100 тыс. человек. Высокая идейная направленность комплекса ГТО, очевидная польза здоровью, развития умений и навыков, необходимых в повседневной жизни, общедоступность физических упражнений, включенных в его нормативы, сделали комплекс ГТО популярным среди населения. Те, кто успешно прошел испытания, награждались значком ГТО, а также получали льготу на поступление в специальное физкультурное учебное заведение и преимущественное право на уча-

А.Г.Волкова. (Гурина по мужу). 1945 г.

стие в спортивных соревнованиях и физкультурных праздниках республиканского, всесоюзного и международного масштаба.

Маршал К.К.Рокоссовский вспоминал: «Миллионы людей после работы шли на стадионы и спортплощадки сдавать нормы на значок ГТО. Маленький значок был символом мужества и доблести. Я особенно запомнил те далекие и неповторимые годы. Значки ГТО меткого стрелка, отважного парашютиста вызывали огромное уважение. И я твердо убежден, что отлично поставленная военно-спортивная работа во многом помогала советским людям выдержать великий экзамен, каким была для всех нас война...»

Выдержала этот экзамен и Агния Григорьевна – младший лейтенант, мединструктор, член ВКП(б) (так тогда называлась Коммунистическая партия) с 1940 года. На черно-белой фотографии 1945 года Агния Григорьевна запечатлена с жизнерадостной улыбкой, с короткой стрижкой, в гимнастерке и пилотке. А ведь она уже прошла Великую Отечественную войну, ей еще предстоит принять участие в военных действиях на Дальнем Востоке, за что в апреле 1946 года она получила медаль «За победу над Японией».

Наверное, спортивная закалка сыграла большую роль в формировании характера мединструктора Волковой и помогла ей в труднейших условиях войны.

В послевоенное время Агния Григорьевна не захотела расставаться со спортом и преподавала физкультуру в школе № 33 Нижнего Тагила. На учительском поприще Агния Григорьевна также получила признание, ее заслуги отмечены званием «Отличник народного просвещения».

Сейчас предметы, принадлежащие ей, хранятся в музее-заповеднике, рассказывая об отважной спортсменке, участнице Великой Отечественной войны, учителе физкультуры – Агнии Григорьевне Волковой (Гуриной).

Отдельно хочется сказать о Дмитровском фарфоровом заводе (бывший завод «Товарищества производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С.Кузнецова в селе Вербилки Дмитровского уезда Московской губернии»; до

1892 года – завод Гарднера). После Октябрьской революции предприятие было национализировано и неоднократно меняло название. В 1920-х годах на заводе использовали старые традиционные формы и образцы моделей из кузнецовского прејскуранта. В 1920-е – первой половине 1930-х гг. в живописную практику предприятия вводилось новое идеологическое оформление посуды. В традиционную цветочную или орнаментальную композицию чайных сервизов и отдельных предметов утвари добавляли плакатно-агитационные мотивы: советские эмблемы, зубчатые колеса, снопы, колосья, портреты героев: было выпущено большое количество тарелок, кружек, чашек с агитационными надписями. Но с началом Великой Отечественной войны «агитационный» период закончился, на заводе изготавливались изоляторы, кружки для госпиталей и поильники.

ЗНАМЯ ПОБЕДИТЕЛЯ

Ольга БАСТРИКОВА,

**Мария
ГАБТРАХМАНОВА**

Научные сотрудники НТМЗ
«Горнозаводской Урал»

В 2020 году Нижний Тагил получил статус «Город трудовой доблести», который является признанием огромного вклада тагильчан в Победу в Великой Отечественной войне.

Чем дальше от нас годы Великой Отечественной войны, тем ценнее и дороже нам предметы того далекого времени: военная форма, письма с фронта, знаки, ордена, фото, предметы быта... Они – свидетели тяжелых испытаний и великого подвига советского народа.

Особое место занимает коллекция знамен предприятий Нижнего Тагила, своим трудовым подвигом приблизивших Великую Победу. Мы расскажем об одном из них – переходящем Красном знамени «Победителю во Всесоюзном социалистическом соревновании заводов промышленности вооружений и боеприпасов» Высокогорского механического завода (ВМЗ).

«Высокогорский механический завод наследников П.П.Демидова князя Сан-Донато» был построен в разгар Первой мировой войны по соглашению Главного артиллерийского управления Военного министерства с наследниками П.П.Демидова и пущен в строй 1 августа 1916 г. Тогда же он дал и свою первую продукцию – фугасные бомбы. Всего в период с августа 1916 по апрель 1918 г. было выпущено около 10 тыс. 152-мм фугасных бомб.

После национализации в 1918 г. завод был перепрофилирован на мирные цели: здесь начали ремонтировать вагоны и производить оборудование для железно-

дорожного транспорта (тендеры, тяги и др.), был начат выпуск новых узкоколейных вагонов.

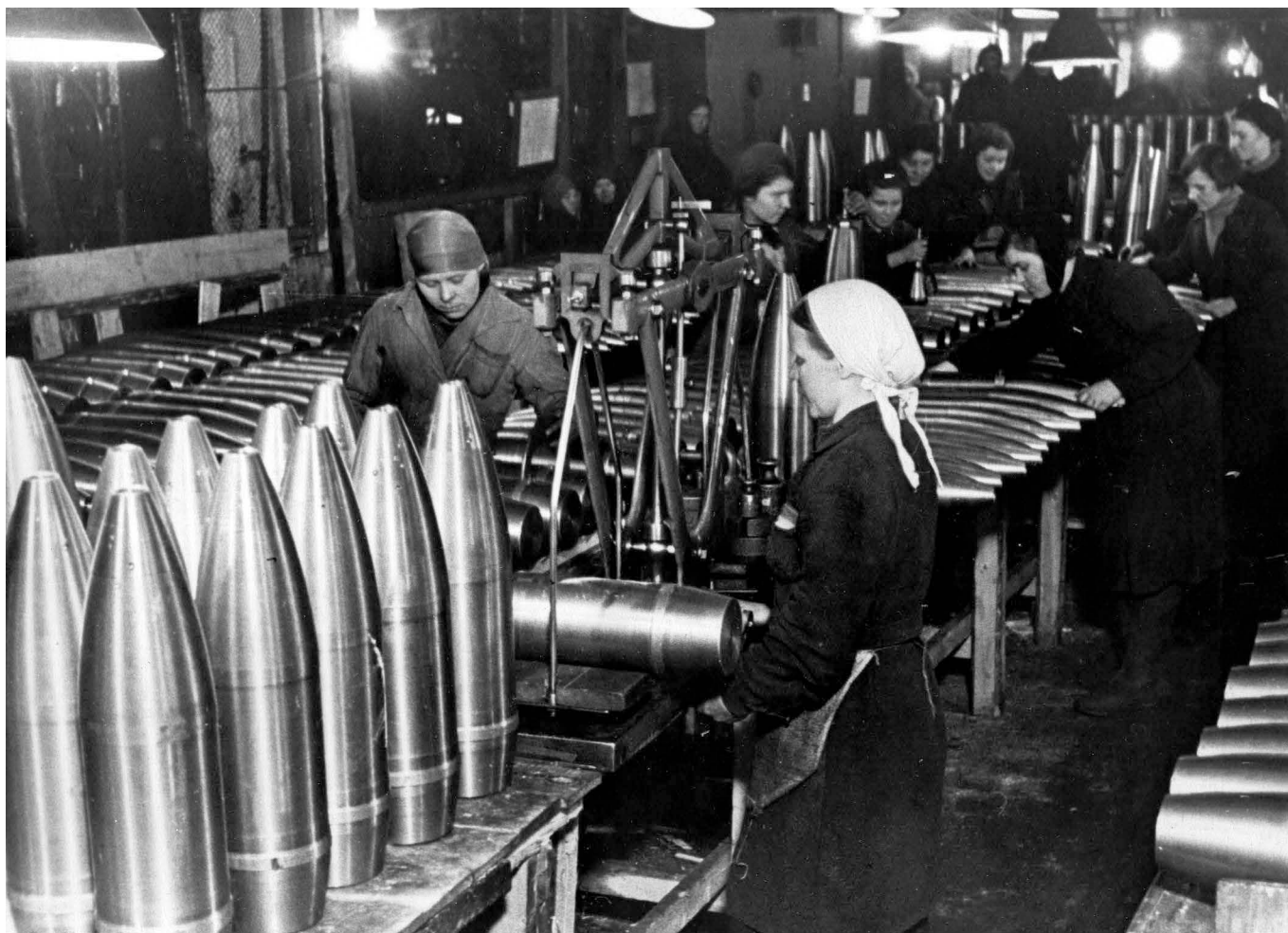
Но уже в 1931 г. в Нижнем Тагиле было начато строительство Уральского вагоностроительного завода, и нужда в ВМЗ как в вагоносорочном отпала.

Между тем, обстановка в мире с начала 1930-х гг. стала накаляться.

В 1931 г. в СССР, в рамках укрепления обороноспособности страны, был создан Всесоюзный государственный снарядный трест Главного управления военно-мобилизационной промышленности. В этот трест и был включен Высокогорский механический завод, который при этом обзавелся «№ 63» (номер был присвоен в 1931 г. приказом ВСНХ) и таким образом стал «номерным» еще за десять лет до начала Великой Отечественной войны.

Вновь обретенное оборонное предприятие пользовалось повышенным вниманием со стороны руководящих лиц Советского Союза: в 1932 г. его посетил председатель Совета народных комиссаров В.М.Молотов, а нарком комиссариата тяжелой промышленности Г.К.Орджоникидзе, в чьем ведении находилась оборонная промышленность в первой половине 1930-х гг., посетил его дважды – в 1933 г. и 1934 г. По воспоминаниям ветеранов ВМЗ, он интересовался работой завода, бытом рабочих, награждал активистов-общественников предприятия за борьбу с неграмотностью наручными часами и велосипедами.

Перед Великой Отечественной войной завод № 63 специ-

Завод № 63. Прием отделом технического контроля артиллерийских снарядов. 1942 г.

ализировался на выпуске корпусов снарядов 130-мм фугасных и 152-мм осколочно-фугасных снарядов морской артиллерии.

С началом войны нагрузка на предприятие возросла: перед коллективом была поставлена задача не только увеличить объемы довоенной продукции, но и освоить выпуск новой.

В конце ноября 1941 г. на завод № 63 прибыло оборудование завода № 73, эвакуированного на Урал с Украины, из г. Сталино (с 1961 г. — г. Донецк). Частично на завод № 63 был также эвакуирован Таганрогский инструментальный завод № 65 им. т. Сталина. В кратчайшие сроки на ВМЗ был произведен монтаж и пуск оборудования эвакуированных заводов. Завод № 63 был «корпусным». На нем был освоен выпуск корпусов реактивных снарядов М-13 (диаметр 132 мм) для наземной установки БМ-13 — знаменитой «Катюши». А так-

же было продолжено производство корпусов 130-мм фугасных и 152-мм осколочно-фугасных снарядов.

Всего за годы войны завод изготовил более 7 млн корпусов фугасных, бронебойных, осветительных, реактивных и других типов снарядов и мин для сухопутной и морской артиллерии.

За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны свыше 100 рабочих Высокогорского механического завода были отмечены высокими правительственными наградами, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1945 г. завод был награжден орденом Ленина.

С самого начала войны на заводе № 63 были осуществлены мероприятия, обеспечивающие его перевод на бесперебойный выпуск продукции для фронта.

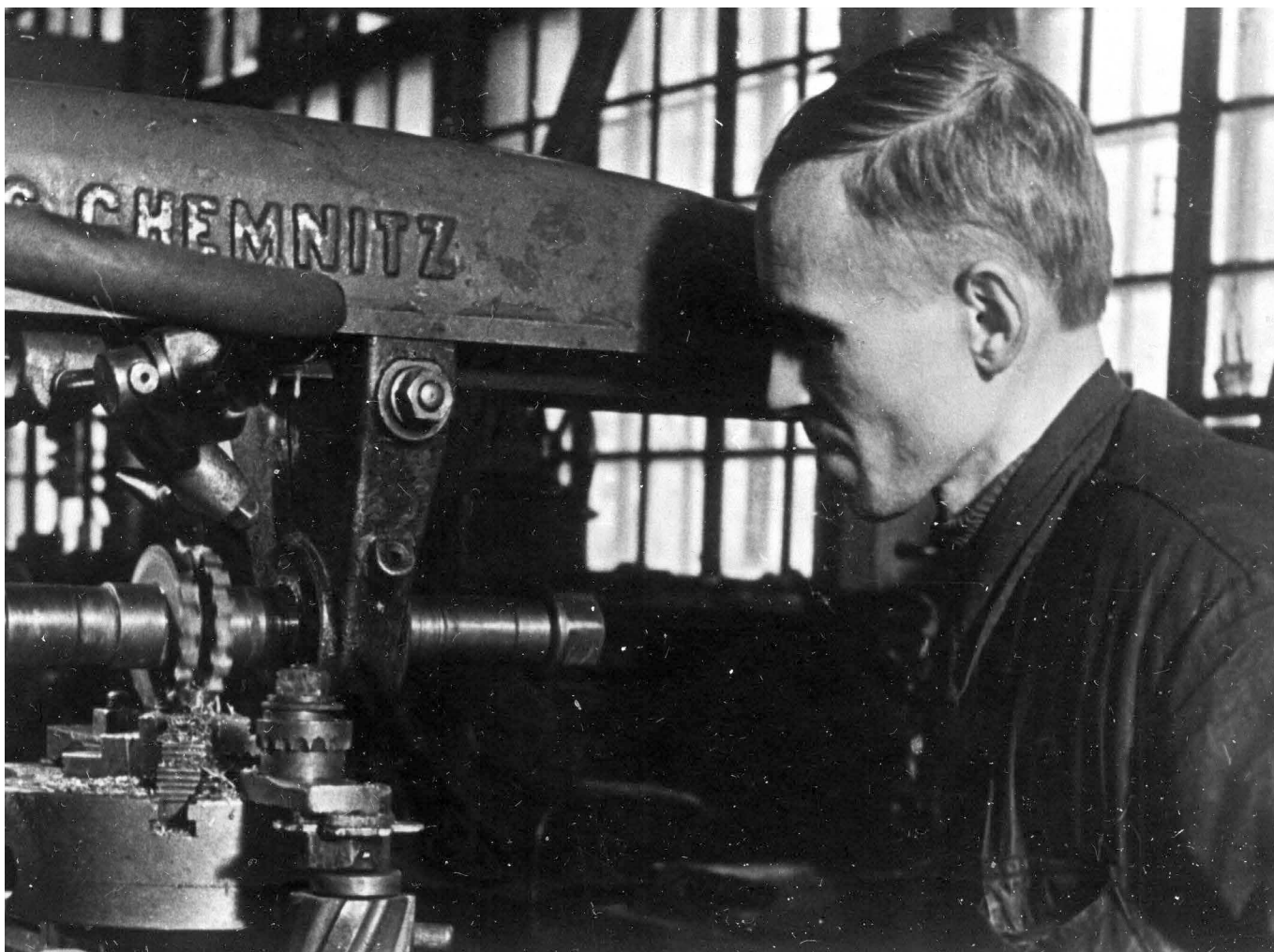
Ряд инженерно-технических работников, включая старших

мастеров, были переведены на казарменное положение: в кабинетах начальников цехов были установлены диваны для отдыха. Заводчане трудились по 12 часов в сутки в две смены.

Многочасовой труд, недоедание доводили людей до обморочного состояния. По воспоминаниям ветерана ВМЗ К.Семенова, «вначале к потерявшим сознание людям вызывали медиков и приводили в чувство, а потом и этого не стали делать, так как знали, через 20–30 минут человек придет в себя и снова начнет работать».

Несмотря на тяжелые условия труда, производительность на заводе № 63 возросла по отношению к 1940 г.: в 1942 г. — на 201%, в 1944-м — на 252%.

За вклад в Победу в Великой Отечественной войне Высокогорский механический завод был удостоен еще одной награды: 16 апреля 1946 г. коллективу пред-

Завод № 63. Фрезеровщик П.А.Данилушкин. 1943 г.

приятия было вручено переходящее Красное Знамя ЦК ВКП(б) и оставлено на вечное хранение.

Знамя двустороннее прикреплено к металлическому никелированному древку, выполнено из красного бархата. С лицевой стороны изображена пятиконечная красная звезда, в промежутках между ее концами – расходящиеся лучи. В центре звезды расположена окружность, в которую вписаны слова заглавными буквами «Всё для фронта», вверху окружности – серп и молот, в центре – перекрещенные самозарядная винтовка Токарева и пистолет-пулемет Шпагина, над ними – три гранаты, ниже – изображено артиллерийское орудие, справа от него – ряд артиллерийских снарядов, ниже надпись тоже заглавными буквами «Всё для Победы».

Слева и справа надпись украшена аппликацией с изображе-

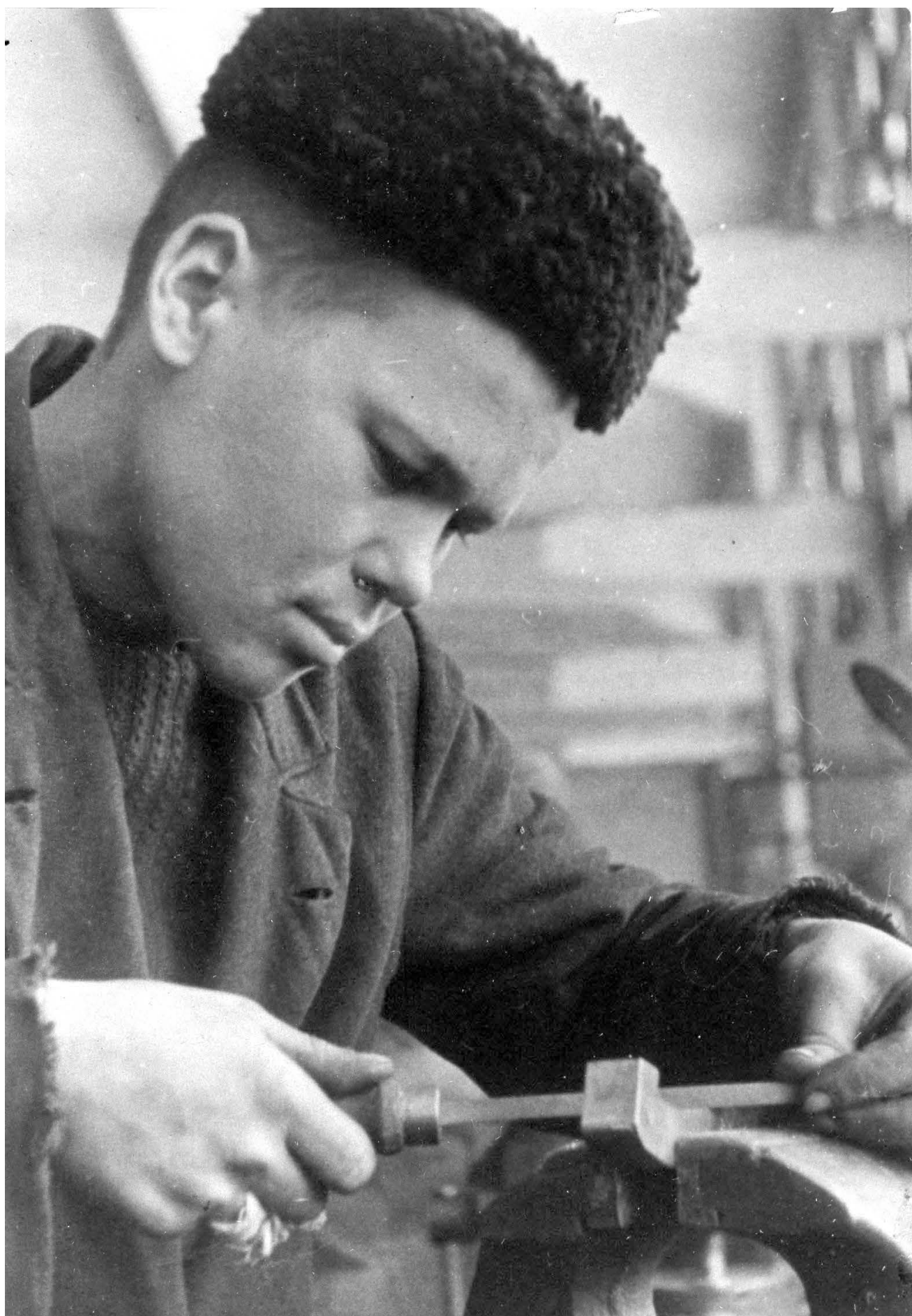
ниями лавровых листьев. Между листьями видны вкрапления шитья из шелкового шнура золотистого цвета. Изображения выполнены из цветного натурального шелка методом аппликации, украшены ручными стежками.

По нижнему краю вышита надпись шелковым шнуром бледно-желтого цвета: «Победителю во Всесоюзном социалистическом соревновании заводов промышленности вооружения и боеприпасов».

На оборотной стороне сверху расположена надпись, выполненная машинной вышивкой шелковым шнуром: «Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии /большевиков». В центре методом аппликации и художественной вышивки шелковыми нитями изображены профили В.И.Ленина и И.В.Сталина. Черты лица подчеркнуты худо-

жественной гладью цветными шелковыми нитями. По нижнему краю аппликации проходит красная лента, в центре которой изображены серп и молот. По нижнему краю знамени вышита надпись: «Под знаменем Ленина – Сталина вперед, на разгром немецких захватчиков!»

Переходящие Красные знамена были в СССР одной из форм поощрения победителей в социалистическом соревновании. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. возникли формы социалистических соревнований, позволявших с меньшим числом работников давать больше продукции (движение «двухсотников», «тысячников», многостаночников, совместителей профессий, комсомольско-молодежных и фронтовых бригад), усилилось применение скоростных методов производства и строительства.

Завод № 63. Слесарь-лекальщик А.П.Бушуев. 1943 г.

Завод № 63. Упаковка снарядов. 1943 г.

16 июня 1941 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О порядке организации Всесоюзного социалистического соревнования по отраслям промышленности», в котором приняли участие работники промышленности, транспорта, строительства, сельского хозяйства, торговли и других отраслей за максимальное усиление помощи фронту.

С первых дней Великой Отечественной войны во Всесоюзные социалистические соревнования промышленности боеприпасов (как самостоятельная отрасль была выделена в конце 1930-х гг.; в январе 1939 г. на базе Главного управления боеприпасов Наркомата оборонной промышленности был создан Наркомат боеприпасов) включились трудящиеся всех предприятий отрасли.

Итоги социалистических соревнований подводились каждый месяц. Коллективы многих заводов промышленности неоднократно завоевывали высокие места во Всесоюзном социалистическом соревновании,

награждались переходящими Красными знаменами ЦК ВКП(б). Тем из них, которые многократно получали переходящее Красное знамя в период войны, решением ЦК ВКП(б) оставляли его на вечное хранение.

Боевые, переходящие и другие (военные) знамена в период Великой Отечественной войны изготавливались на фабриках «Художественное Знамя» (г. Москва) и «Всекохудожник» (г. Москва) – союза кооперативов и артелей. «Всекохудожник» решал производственные и организационные проблемы массовой художественной промышленности, занимался вопросами авторского права. На каком из этих предприятий изготовлено наше знамя – неизвестно. Но в нем чувствуется очень высокий уровень и профессионализм мастериц.

В начале 1990-х гг. на Высокогорском механическом заводе начался спад производства, обусловленный, прежде всего, резким сокращением государственного заказа. Производство

изделий классической артиллерии было прекращено, сохранено лишь изготовление изделий ближнего боя (противотанковых реактивных гранат). Предприятие переключилось на изготовление товаров народного потребления. Но это не спасло положение.

В 2003 г. была начата процедура банкротства ФГУП «Высокогорский механический завод».

Знамя «Победителю во Всесоюзном социалистическом соревновании заводов промышленности вооружений и боеприпасов», принадлежавшее трудовому коллективу Высокогорского механического завода (ВМЗ), поступило в музей-заповедник в 2010 г. благодаря В.Г.Сивоплясову, конкурсному директору ФГУП «Высокогорский механический завод». Сейчас раритет, хранящий память о самоотверженном труде рабочих ВМЗ в годы Великой Отечественной войны, хранится в коллекции Нижнетагильского музея-заповедника.

Переходящее Красное Знамя ЦК ВКП(б). Начало 1940-х гг.

